

уже, чем у ближнеелбанских и каменско-быстринских, и располагаются они часто в очень укромных местах (в глубине бора, распадках и т. д.). Видимо, в течение VI – начала V вв. до н. э. происходило постепенное вытеснение и ассимиляция аборигенного (бийского) населения пришельцами. Результатом этого является появление на раннежелезной керамике определённых черт, сходных с бийской орнаментацией [1, с. 101].

Помимо керамики и бронзовых изделий на бийских поселениях, главным образом Енисейском-2 и Боровом-3, найдены орудия металлургии и металлообработки (каменные точила, наковальни и молоточки для металла, песты и молоточки для руды и т. д.), керамического (дробильники для шамота и дресвы) и кожевенного производства (каменные и костяные скребки и лощила), обработки камня (отбойники). Имеются также зернотерки и пряслица. Немногочисленные костные остатки обнаружены в жилищах. В основном это крупный и мелкий рога́тый скот, лошадь, собака.

В целом же можно сказать, что изучение памятников бийского этапа только начинается и нерешённых вопросов пока больше, чем ответов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдулганеев М. Т. Заключительный этап большебереченской культуры // Проблемы хронологии и периодиза-

ции археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 98-100.

2. Абдулганеев М. Т. Бийский этап (содержание понятия и хронологические рамки) // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1991. С. 91-105.
3. Абдулганеев М. Т., Кунгуров А. Л. Могила раннескифского времени близ Барнаула // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 97-104.
4. Абдулганеев М. Т., Шамшин А. Б. Аварийные раскопки у с. Точильнос // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 99-104.
5. Грязнов М. П. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. 225 с.
6. Могильников В. А. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века лесостепи Западной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 62-77.
7. Фролов Я. В. Бийский этап (к постановке вопроса) // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 69-70.
8. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М., 1967. 299 с.
9. Шамшин А. Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье (VIII-VI вв. до н. э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 116-129.

Г. Е. Иванов

НОВЫЕ НАХОДКИ ОРУЖИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЛЕСОСТЕПНОМ АЛТАЕ

В последние годы на некоторых памятниках эпохи финальной бронзы – раннего железного века лесостепного Алтая выявлены представительные комплексы оружия, не только значительно увеличившие имевшиеся коллекции, но и позволявшие уточнить и конкретизировать складывавшиеся в основном на основе случайных находок представления о развитии вооружения и военного дела степных алтайских племён в эпоху раннего железа. К сожалению, основная часть этих материалов пока не опубликована.

Существенно пополнилось также собрание оружия, происходящего с разрушенных эрозией и в результате хозяйственной деятельности поселений и могильников. В основном, это находки местных краеведов, благодаря многолетней деятельности которых для науки сохранены интересные, а подчас и уникальные изделия. В данной статье рассматриваются материалы, собранные Г. А. Клюкиным в юго-западном Алтае, С. П. Зверьяко в Завьяловском районе, В. В. Козлитыным в окрестностях г. Камяна-Оби, а также ряд случайных находок из степной части Алтайского края.

Самую многочисленную группу среди них составляют бронзовые втульчатые и черешковые наконечники стрел, представляющие различные варианты описанных ранее типов [17, с. 7-13, рис. 2, 3].

Три наконечника – листовидные, асимметрично-ромбические, со слабо выступающей втулкой (рис. 1, 1-3). Эти стрелы широко распространены в памятниках Верхнего Приобья, датирующихся финальной бронзой – началом железного века. Автору известно 20 экземпляров. Традиционно тип датируется

VII-VI вв. до н. э. [29, с. 154; 53, с. 46; 44, с. 41, табл. 1, 19; 9, табл. 25; 30, с. 94, табл. 36].

В Южной Сибири древнейшие формы подобных стрел эпохи железа найдены в Кургане Аржан [10, рис. 11-8, 12]. Зарождение же их следует, очевидно, связывать с позднебронзовыми культурами валиковой керамики Казахстана и степного Алтая. Именно в этой среде появляются так называемые башневидные [27, табл. 6-6, 12, 50; 3, табл. 2-V, XIX; 1, рис. 2-8; 13] и листовидные наконечники с очень узким пером и широкой, проходящей через всё перо втулкой [14, рис. 34-3; 53, табл. XXXVI, 2, 3, 5; 5, рис. 1, с. 123], ставшие, вероятно, прототипами асимметрично- и симметрично-ромбических наконечников [25].

Аржанские наконечники были рассчитаны прежде всего на прицельную стрельбу с небольшого расстояния с целью нанесения глубокой раны, о чём свидетельствует их массивность, близкая к пулевидной форма, наличие шипа на втулке. Развитие типа идет по пути снижения веса, увеличения ширины бойка и пера, исчезновения шипа, что диктуется изменением тактики боя и в связи с этим стремлением повысить дальность и точность стрельбы за счёт большей устойчивости стрелы в полёте. Именно такими развитыми вариантами представлены публикуемые наконечники.

В Сибири наконечники с удлиненно-ромбической головкой, близкие публикуемым, найдены на поселениях переходного от бронзы к железу времени Мыльниково (4 экз.) [60, рис. 1-9, 11-13], Новотроицкое-I [52, рис. 7-9], на городищах Завьялово I (3 экз.) [51, рис. 4-7-9], Инберень VI (3 экз.) [2,

рис. 9-11-13], Елбанском [17, рис. 2-7, датируемых временем не позднее VII в. до н. э., а также в могильниках на Ближних Елбапах [11, рис. 53, 54; 12, табл. XVIII, 4, XXI, 25, с. 63], Киприно [27, рис. 256-258], у с. Баган [18, с. 121, рис. 2-1], Калачаевка 2 [34, рис. 43-1], Карасу 2 [36, рис. 5-2], Изыкчуль [55, с. 25-26, 46] и других [54, с. 178-179]. Таким образом, периодом наибольшего распространения удлиненно-ромбических наконечников в Сибири является вторая половина VIII-VII вв. до н. э. Этим временем и следует датировать рассматриваемые находки. На Алтае, судя по чрезвычайно интересному комплексу из литейной мастерской поселения Боровое 3, тип существует до VI в. до н. э. [1, рис. 2-1-18, с. 96-97]. Кстати, находка в Боровом необработанных после отливки наконечников и литейного брака показывает полную несостоятельность представлений о том, что стрелы этого типа отливались как листовидные, а уже затем в процессе проковки и заточки им придавалась ромбовидная форма [49, с. 135-138; 39, с. 70].

Различными вариантами представлены ромбические в плане и в сечении наконечники со скрытой втулкой (рис. 1-4-6). В лесостепном Алтае они известны с поселения Мыльниково, Елбанского городища (рис. 1-6), Ближних Елбап [11, рис. 56], с поселения Боровое 3 (7 экз.) [1, рис. 1, с. 96] и могильника Кучук I [61, с. 72, рис. 1-4] и из случайных находок. Всего автором учтено 16 экземпляров. Как алтайскими, так и среднеазиатскими и казахстанскими комплексами, для которых наиболее характерны аналогичные наконечники, тип датируется VIII-VI вв. до н. э. [29, с. 46-50, рис. 6-11, 12; 9, с. 91, 96; 30, с. 95-96, табл. 34-7; 32, с. 89; 50, с. 162; 21, с. 178-179].

В этих же широких рамках датируются и втульчатые двухлопастные наконечники с пером листовидных очертаний (рис. 1-7-12, 32). Более узкую дату имеют лишь наконечники со сводчатой шпастой головкой и выступающей втулкой (рис. 1-7, 8). Очень редкие наконечники этого типа в Скифии относятся к VI в. до н. э. или к его второй половине [59, с. 237, рис. 2-6]. Н. Ф. Смирнова, датируя тип в целом VI-V вв. до н. э., отмечает редкость подобных наконечников у савроматов и указывает на их восточное (для савроматов) происхождение [44, с. 43].

К числу очень ранних типов могут быть отнесены пулевидные наконечники стрел (рис. 1-13). Они найдены в Аржане [10, рис. 11, 12, с. 21], в ранних скифских комплексах VII-V вв. до н. э. [39, рис. 8, 2; 19]. Пулевидный наконечник из сборов в юго-западном Алтае Ю. Ф. Кирюшин и Г. А. Клюкин сочли возможным отнести, вслед за В. И. Матющенко, к андроновской эпохе [23, с. 108; 31, рис. 3-13]. Учитывая простоту формы, столь длительный период существования типа вполне вероятен, тем более, что некоторые находки из степного Алтая демонстрируют и очень простой способ изготовления части пулевидных наконечников — они сделаны из треугольного листка бронзы, обернутого вокруг заостренной основы, в результате чего им придана форма конуса [23, рис. 19-13]. Не являются ли они прототипами литых наконечников? Если это так, то вполне возможно, что данный тип — один из древнейших среди втульчатых наконечников вообще. В лесостепном Алтае автору известно 4 бронзовых [17,

рис. 2-31, 32; 23, рис. 19-13], два костяных и один железный наконечник этого типа, свидетельствующие о том, что они доживают в этой области до III-II вв. до н. э.

5 экземплярами представлены небольшие трехлопастные наконечники со сводчатой головкой и выступающей втулкой (рис. 1-14-17, 33). Сопоставимы с наконечниками V-IV вв. до н. э. типа VI В, Г К. Ф. Смирнова [44, табл. 11] и типа С — 36 С. В. Кузьминых [28, с. 108, табл. 46-1-9]. На Алтае этот тип появляется скорее всего в конце VI в. до н. э. (рис. 1-14) под влиянием савроматских образцов. Особенность большинства алтайских наконечников в том, что втулка у них доходит до острия пера, в то время как у савроматских она обычно очень короткая. В лесостепном Алтае найдено 9 наконечников этого типа, и 6 более архаичных VII-VI вв. до н. э. (Киприно, Новообинка [17, рис. 2-28, 7-1-4], Клепиково, мог. I).

V-IV вв. до н. э. датируется трёхгранный наконечник со скрытой втулкой и дуговидным вырезом базы, образующим опущенные вниз шипы (рис. 1-18). Серия подобных, но более массивных наконечников происходит из Новообинского комплекса конца VI — начала V в. до н. э. [16, с. 91, рис. 1-5-10].

К VI-III вв. до н. э. относятся различные типы черешковых наконечников стрел (рис. 1-19-31), среди которых типологически выделяются стрелы VI-V вв. до н. э. (рис. 1-19-25) и V-IV вв. до н. э. (рис. 1-26-31).

Автору не известны аналогии бронзовому трёхлопастному izdelию, представляющему, возможно, нижнюю часть составного наконечника стрелы (рис. 1-34).

КИНЖАЛЫ. Наиболее ранней из известных мне находок последних лет является кинжал, выпавший в 1988 г. на поле у с. Кочки Родинского района.

Кинжал железный, общая длина его 30,8 см. Клинок узкий (2 см), длинный (19,8 см), ромбический в сечении. Лезвия идут параллельно и суживаются к острию лишь в нижней части клинка. Перекрестье бабочковидное, откованное вместе с клинком и рукоятью, украшено с обеих сторон обращёнными друг к другу барельефными фигурками волков (принятое в литературе название этой позы «скребущиеся волки» представляется нам совершенно неудачным. Несомненно, это звери, прижавшиеся к земле перед броском). Рукоять кинжала расчленена на 3 валика, средний из которых ромбический в сечении. Наверхние отделено от рукояти узкой обоймой — колодочкой. Отковано оно отдельно и насажено на штырь рукояти, расклёпанной затем сверху. Торцевые части навершия с обеих сторон в центре имеют подквадратные углубления глубиной 2-3 мм (рис. 2-1).

Особого внимания заслуживает оформленное в зооморфном стиле перекрестье. Оно типично южносибирское, алтайское. Ни в скифском, ни в савроматском зверином стиле полных аналогий изображению кинжала из Кочек нет. Известные с савроматской территории грубые подражания исследователи единодушно считают изготовленными по сибирским прототипам [44, с. 13, рис. 1-9; 28, с. 130, табл. 43-13; 19, с. 224-227, рис. 2-1-4]. То же самое можно сказать об ананьинском, сакском и тагарском оружии [15, с. 179; 57, с. 118; 58, с. 11; 4, с. 47; 45,

с. 133-138]. До последнего времени в качестве этих прототипов приводятся многочисленные тагарские изделия, для которых подобный мотив является действительно широко распространённым [57, табл. 3-23-26, 29, 4-11, 12, 11-9-12, 22-1, 2, 8 и др.], в том числе и на кинжалах, ближайших аналогиях кочкинскому [57, табл. 4-10; 11-11, 12; 13, рис. 1-1, 6; рис. 119 и др.]. Однако находки кинжалов и мечей с зооморфным навершием или перекрестьем из Горного [24, с. 182, табл. XXX, II; 47, рис. 21; 35, с. 22, рис. 6-7; 26, табл. 48, 8; 49] и степного [17, с. 15-17, рис. 5] Алтая, а также материалы горноалтайских курганов, раскопанных В. Д. Кубаревым, со всей очевидностью показали, что этот сюжет ещё более распространён в алтайских древностях [26, табл. 28-10, 42-6, 48-2, 7, 74-23, 86-22, 92-12], и, вероятно, как и большинство других, заимствован тагарцами, племенами Казахстана и Приуралья, с Алтая [57, с. 144].

Традиционно кинжалы с зооморфными навершиями и перекрестьями датируются V-IV вв. до н. э. [44, с. 13; 28, с. 130; 57, табл. 2], однако находки их в комплексах не позднее V в. до н. э. в Казахстане позволили предложить даты V в. до н. э. [20, с. 150-151], вторая половина V – начало IV в. до н. э. [19, с. 227], а в целом для евразийской степной и лесостепной полосы – конец VI – начало III в. до н. э. [19, с. 222]. А. М. Хазановым предложена дата – вторая половина VI-V вв. до н. э. [53, с. 7], на наш взгляд, наиболее точно отражающая период самого широкого их распространения. Кинжалы IV-III вв. до н. э. следует считать уже пережиточными. И нижняя, и верхняя даты этого диапазона прекрасно подтверждаются находками в горноалтайских курганах [47, с. 208-236, рис. 21-2; 22, с. 54-55, рис. 1-1; 41, с. 266-267, рис. 6-2]. Кинжал из Кочек обладает рядом архаичных признаков (трёхваликовое сечение рукояти, широкое перекрестье, реалистичное, а не схематизированное изображение зверей, выход края черенка на навершие – в Скифии эта технология, известная с киммерийского времени, существует до конца VII – начала VI вв. до н. э. [62, с. 31-32]), которые позволяют датировать его временем не позднее V в. до н. э.

Не известный ранее для Алтая тип представляют два железных кинжала с антенновидным навершием, узким, слабо выраженным дуговидным перекрестьем, гладкой, овально-подпрямоугольной в сечении рукоятью и ромбическим в сечении клинком, лезвия которого уже с середины сходятся к острию.

У кинжала, найденного на водоразделе р. Сухая Чемровка (рис. 2-3) [40] волути широко расставленные, небольшие, смыкающиеся концами с основанием навершия. Длина кинжала 26 см, длина клинка 16,3 см, ширина в основании 3,6 см, длина рукояти 7,7 см, ширина её 2 см.

У кинжала с горы Пикет (с. Сростки) навершие ближе к когтевидному (рис. 2-4), что сближает его (как и пропорции обоих кинжалов) с сарматским оружием. Длина кинжала 29,7 см, длина клинка 18 см, ширина клинка в основании 3,2 см, длина рукояти 8 см, ширина её 1,7 см.

Антенновидное навершие широко распространено на савроматских и скифских мечах и кинжалах с конца VI-V вв. до н. э. и бытует у сарматов на протяжении всего средне- и позднесарматского времени

[44, с. 17; 33, с. 54; 43, с. 132-135, рис. 5]. Более определённо позволяет датировать кинжалы дуговидное перекрестье, очень характерное для раннепрорховских мечей и кинжалов IV в. до н. э. [44, с. 30] и практически исчезающее на сарматском оружии, сменяясь прямым к III в. до н. э. [38, с. 34; 53, с. 8]. Два известных из могильников степного Алтая меча с дуговидным навершием также датируются IV в. до н. э. [37, с. 191-192], а в III в. до н. э. здесь бытуют мечи и кинжалы только с прямым перекрестьем. Все это позволяет отнести оба кинжала к IV в. до н. э.

Вместе с последним из рассматриваемых кинжалов на горе Пикет был найден железный кинжал с узким, слабо выраженным дуговидным перекрестьем, дисковидным навершием, гладкой пластинчатой рукоятью с загнутыми краями и ромбическим в сечении клинком, суживающимся к острию с половиной длины. Навершие его сформовано загнутыми краями рукояти, которая была первоначально откована в виде широкой, тонкой прямоугольной пластины со скруглённым верхом, а затем длинные края рукояти были загнуты.

Кинжалом с антенным навершием это изделие датируется IV в. до н. э. (рис. 2-5).

«Дисковые» кинжалы чрезвычайно характерны для Хакасско-Минусинской котловины [13, с. 34, рис. 2-2]. В остальных областях скифского мира традиция так называемых монетовидных наверший, известная с эпохи поздней бронзы [27, с. 46-47], в эпоху раннего железного века развития не получила. Примитивность формы кинжала с горы Пикет не даёт оснований для однозначного вывода о его изготовлении по тагарским образцам. Возможно, это совпадение чисто случайное. Длина кинжала 24 см, длина клинка 14 см, ширина его у основания 2,8 см, длина рукояти 6,7 см, ширина её 2,3 см.

Кинжал с прямым узким перекрестьем, гладкой сплошной рукоятью и кольцевым навершием найден на поле у с. Новообинцево Шелаболихинского района (рис. 2-6). Клинок широкий, вытянуто-ромбический в сечении, длиной 16,5 см, шириной 4,1 см. Длина рукояти 7,4 см, ширина 2 см. Общая длина кинжала 28,6 см.

Аналогичные кинжалы известны из могильников Раздумье VI (конец III-I вв. до н. э.) [42, с. 49, 51, рис. 7-1], Староалека 2 (раскопки Ю. Ф. Кирюшина), Катон-Карагай (II-I вв. до н. э.) [46, рис. 17-9]. Целая серия их найдена А. П. Уманским в могильнике Новотроицкое 2. В качестве более отдалённой аналогии можно привести деревянную модель кинжала в ножнах из кургана I могильника Уландрык I (II-I вв. до н. э.) [26, табл. IV-8].

Кинжал из Новообинцево идентичен и сарматским, появляющимся с III в. до н. э. и широко распространённым со II в. до н. э. В рамках III-I вв. до н. э. и следует его датировать.

ЧЕКАН. Оригинальный экземпляр этого оружия найден в привозном грунте строящейся железнодорожной насыпи у с. Новоселюха Рубцовского района механиком В. М. Рябовым. Там же найден бронзовый нож [23, с. 91, рис. 6-1]. Очевидно, находки происходят из разрушенного карьером могильника эпохи поздней бронзы – раннего железа.

Чекан бронзовый, с выступающей конической втулкой. Боёк и обухок – круглые в сечении сверху

и плоские внизу. Сечение острия бойка ромбическое. Между втулкой и бойком – головка хищной птицы с длинным загнутым клювом и глазом, выделенным кружком. Втулка высотой 5,4 см, каплевидная в сечении, с отверстием сбоку для крепления чекана к рукояти. Продольный размер отверстия втулки вверху 2,6 см, внизу – 4,1 см. Значительная часть обуха обломлена, но была найдена вместе с чеканом. Длина сохранившейся части чекана 19,7 см (целого – 23 см), длина бойка 14 см, высота его 3,0 см, толщина 1,5 см.

По общепринятой датировке Н. Л. Членовой чеканы с головкой грифона относятся к концу VI-V вв. до н. э. [57, с. 36]. Полных аналогий ни среди чеканов из лесостепного Алтая (автору известно 16 экз.), ни среди тагарского оружия публикуемый чекан не имеет.

Несмотря на случайный характер рассмотренных находок, они достаточно ярко иллюстрируют процесс развития вооружения у степных алтайских племен в период со второй половины VIII в. до н. э. до конца I тыс. до н. э. Характеристика его дана автором в предшествующих работах [17, с. 18-23; 18, с. 10-19].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абдулганеев М. Т. Бийский этап (хронологические рамки и содержание понятия) // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 91-105.
2. Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Красноярская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 103-130.
3. Авансоева Н. А. К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы // Материалы по археологии Узбекистана: Труды САГУ, новая серия. Вып. 270. Самарканд, 1975. С. 27-60.
4. Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 43-58.
5. Арсланова Ф. Х. Археологические находки в Казахстане // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 119-125.
6. Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973. 279 с.
7. Aspelin J. R. Antiquite du Nord Finno-Ougrien. Helsingfors, 1877. 150 p.
8. Бородовский А. П. Разведочные работы по среднему течению р. Баган // Новые памятники эпохи металла на среднем Амуре. Новосибирск, 1987. С. 120-129.
9. Вишневецкая О. А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII-V вв. до н. э. М., 1973. 160 с.
10. Грязнов М. П. Аржан. Л., 1980. 62 с.
11. Грязнов М. П. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930. 11 с.
12. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби // МИА. 1956. № 48.
13. Давлет М. А. Из истории освоения металлургии железа на Среднем Енисее // СА. 1968. № 1. С. 28-38.
14. Ермолаева А. С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 64-94.
15. Збрусва А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30. 240 с.
16. Иванов Г. Е., Медникова Э. М. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 89-95.
17. Иванов Г. Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 6-27.
18. Иванов Г. Е. Основные этапы и пути эволюции вооружения у племен Верхнего Приобья в I тыс. до н. э. // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 10-19.
19. Исмагилов Р. Б. Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного // СА. 1980. № 1. С. 219-227.
20. Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. Захоронения воинов савроматского племени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 137-156.
21. Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Магулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 435 с.
22. Кирюшин Ю. Ф. Скифские памятники Средней Катуни // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Ч. I. Кемерово, 1989. С. 53-56.
23. Кирюшин Ю. Ф., Клюкин Г. А. Памятники неолита и бронзы юго-западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 73-117.
24. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
25. Ключко В. И. Некоторые вопросы происхождения бронзовых наконечников стрел Северного Причерноморья VIII-VII вв. до н. э. // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 40-46.
26. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 301 с.
27. Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ, 1966. Вып. В4-9. 118 с.
28. Кузьминых С. В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983. 257 с.
29. Либеров П. Д. Хронология памятников Поднепровья скифского времени // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 132-167.
30. Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. 269 с.
31. Матюценко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. III. Андроновская культура на Верхней Оби // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. II. 176 с.
32. Медведская И. Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. № 3. С. 76-89.
33. Мелюкова А. С. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. 1964. 88 с.
34. Могильников В. А. Исследование курганной группы эпохи раннего железа Калачевка 2 // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 94-98.
35. Могильников В. А. Курганы Кызыл-Джар II-V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н. э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 3-39.
36. Могильников В. А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 35-67.
37. Могильников В. А. Меч с зооморфными изображениями из Верхнего Приобья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 191-195.
38. Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1-10. 1963. 56 с.
39. Мурзин В. Ю. Скифская арханка Северного Причерноморья. Киев, 1984. 134 с.
40. Рисунок и подробное описание кинжала из Сухой Чемровки, как и целого ряда других находок, использованных в статье, любезно предоставлены В. Б. Бородаев

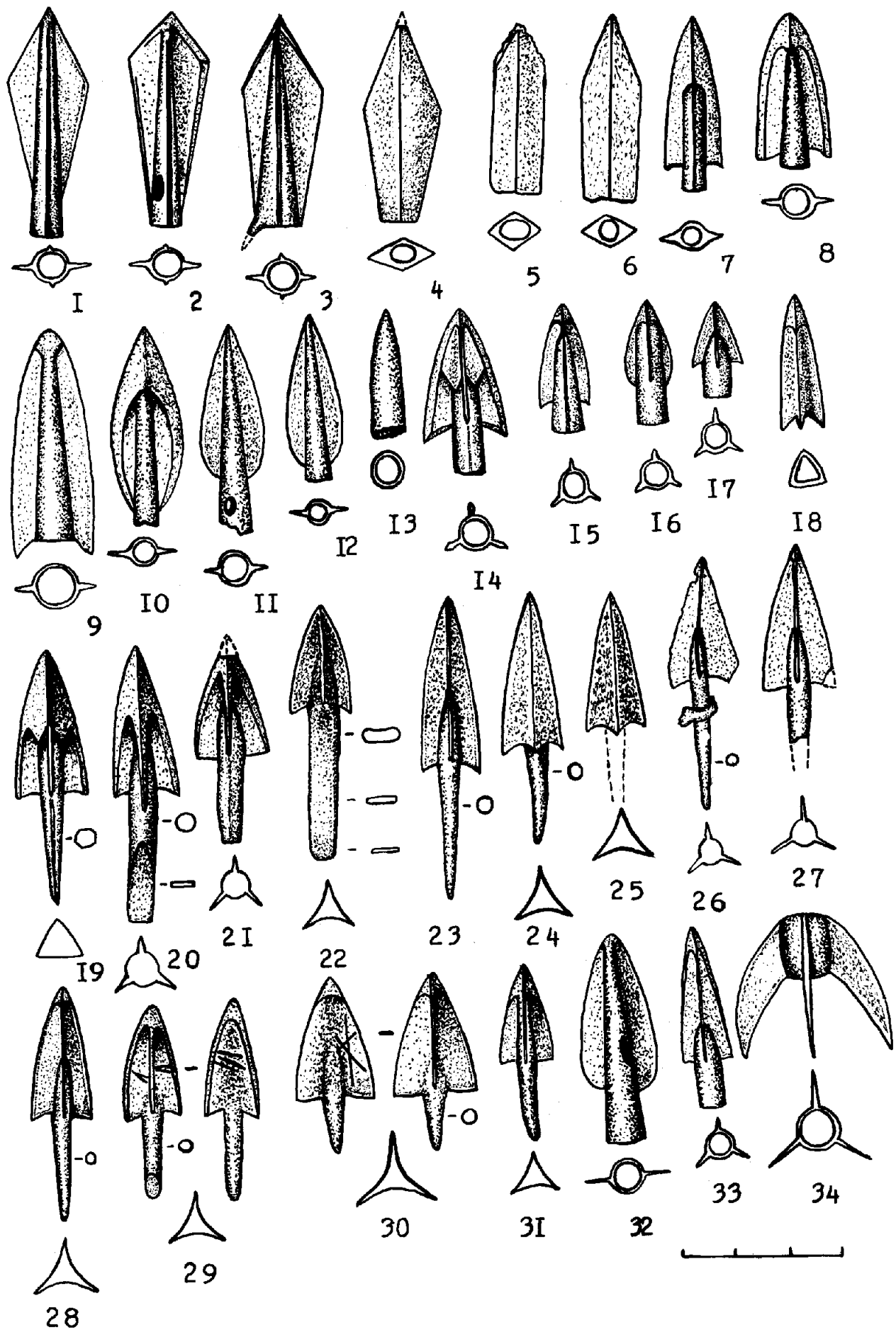

Рис. 1. Бронзовые наконечники стрел с Алтая (примечания, [63])

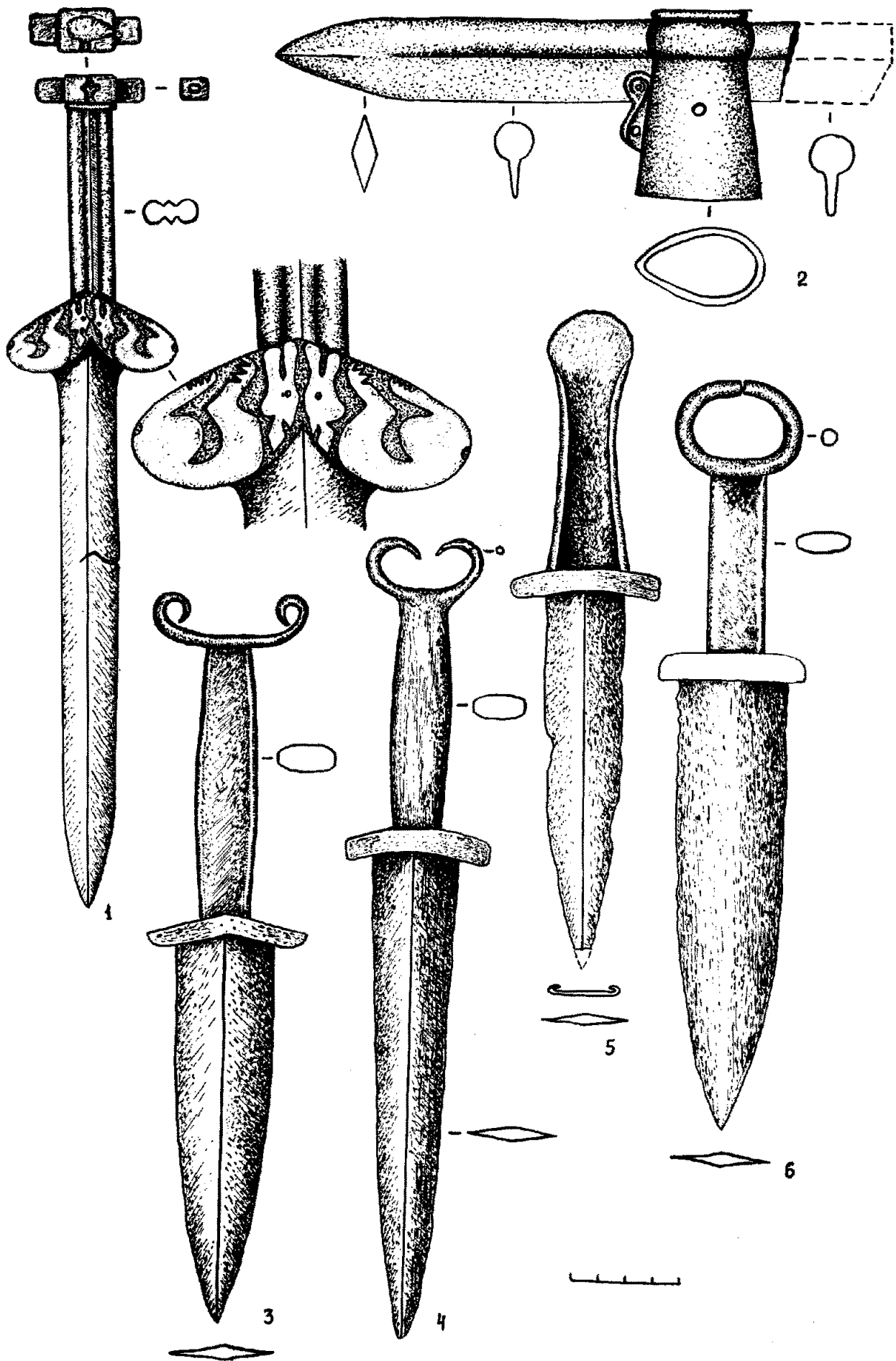

Рис. 2. Кинжалы и чекан (примечания, [64].)

- вым и А. Л. Кунгуровым, за что автор искренне им благодарен.
41. Неверов С. В., Степанова Н. Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 242-270.
 42. Памятники истории и культуры северо-западного Алтая. Барнаул, 1990. 131 с.
 43. Симоненко А. В. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 129-147.
 44. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101. 162 с.
 45. Соловьев А. И., Мартынов Н. И., Терсбило Г. И. Меч скифского времени из Барабы // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 133-139.
 46. Сорокин С. С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухгармы // АС ГЭ. № 8. 1968. С. 39-60.
 47. Сорокин С. С. Большой Берельский курган // АС ГЭ. Т. 10. Л., 1969. С. 208-236.
 48. Суразаков А. С. Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской автономной области // СА. 1979. № 3. С. 265-269.
 49. Терсножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976. 220 с.
 50. Толстов С. П., Итина М. А. Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискана) // СА. 1966. № 2. С. 151-175.
 51. Троицкая Т. Н. Завьяловская культура и её место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 54-69.
 52. Труфанов А. Я. Материалы к происхождению и развитию Красноозёрской культуры лесостепного Прииртышья // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 57-77.
 53. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. 172 с.
 54. Черников С. С. Загадка Золотого кургана. М., 1965. 188 с.
 55. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88. 271 с.
 56. Членова Н. Л. Тагарский курган на р. Изыкчум // КСИА. 1964. Вып. 102. С. 119-126.
 57. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М., 1967. 300 с.
 58. Членова Н. Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 4-42.
 59. Членова Н. Л. Могильник VI в. до н. э. Султан-Гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 235-241.
 60. Шамшин А. Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье (VIII-VI вв. до н. э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 116-129.
 61. Шамшин А. Б., Лузин С. Ю., Неверов С. В., Изоткин С. Л. Раскопки курганного могильника Кучук I // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 71-73.
 62. Шрамко Б. А. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 22-39.
63. 1, 7, 8, 9, 13, 22, 24, 25 – Завьяловский район;
 - 2 – поселение Калиновая Ляга 2, Завьяловский район;
 - 3, 10, 15, 17, 18, 27-30 – Камский район;
 - 4 – поселение Вознесенское VI, Завьяловский район;
 - 5-21 – западный берег озера Новенькое;
 - 6 – Елбанское городище;
 - 11 – поселение Глубокос, Завьяловский район;
 - 12, 23 – Бобровка;
 - 14, 19 – поселение Островное 3, Мамонтовский район;
 - 16 – поселение Кривое озеро-3, Завьяловский район;
 - 20 – поселение Бахчи-7, Бородулихинский район Семипалатинской области;
 - 26 – поселение Крестьянское-3, Мамонтовский район;
 - 31 – Красный Яр;
 - 32-34 – поселение Новосклюиха-1, Рубцовский район.
 64. 1 – Кочки; 2 – Новосклюиха-2; 3 – Сухая Чемровка; 4, 5 – Сростки; 6 – Новообинцево (2 – бронза, остальное – железо).

Г. В. Скопинцева

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I тыс. н. э. В ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ (по материалам Сайлапского и Курлапского городищ)

Городище Сайлап находится в Солтонском районе Алтайского края, в 8 км от с. Сайдып на высоком (25-30 м) берегу Бий. Городище началось разрушаться ещё в 1930-е гг., когда первые предметы были доставлены в Бийский краеведческий музей. В 1960-е гг. городище обследовалось Б. Х. Кадиковым, проводились сборы подъёмного материала, который, с его разрешения, используется автором в данной работе. В это время, по свидетельству Б. Х. Кадикова, на городище были чётко видны глубокие жилищные западины, а также рвы и валы. В 1982-1983 гг. по территории Сайлапского городища был проложен тракт Бийск – Артыбаш, который полностью разрушил памятник. В 1984-1985 гг. экспедицией Бийского краеведческого музея им. В. В. Бянки под руководством автора проводились сборы материала. На территории городища собрано 165 крупных фрагментов керамики, курант зернотёрки, два обломка зернотёрок, железный нож (рис. 1-12), костяные наконечники стрел (рис. 1-4-6).

Курлапское городище, открытое Б. Х. Кадиковым в 1961 г., находится в 1,5 км к юго-западу от городища Сайлап. Оно вытянуто вдоль поворота

Бий и таким образом с юга и с запада защищено высоким (30-метровым) берегом реки. Узкий проход на городище с востока защищён 4 рвами и 5 валами (рис. 1-1). Высота валов 0,5-0,7 м, несмотря на то, что площадь городища много лет распахивается и засеивается. Ширина рвов – 2,6-3,0 м. Жилищных западин на городище нет.

В 1984 г. экспедицией Бийского краеведческого музея под руководством автора были начаты раскопки в южной части памятника (рис. 1-2). Мощност культурного слоя по мере продвижения на север уменьшается от 1 м до 0,4 м. В результате раскопок на городище обнаружено 5 целых сосудов, 670 фрагментов керамики, кости животных и рыб, бронзовое украшение, железная проколка, 4 глиняных пряслица (рис. 1-8-11), два костяных наконечника стрел (рис. 1-3, 7), курант и обломки зернотёрок.

КЕРАМИКА. Керамические коллекции городищ представлены 5 целыми сосудами и 215 венчиками с Курлапского и 96 фрагментами венчиков с Сайлапского городища. Днища и фрагменты придонных частей насчитывают на Сайлапском городище – 21 фрагмент, на Курлапском – 60. На основании этого

материала был сделан сравнительный анализ формы посуды 2 памятников. В результате изучения венчиков было отмечено 11 вариантов (рис. 2-2). Ведущее место в посуде городищ занимают сосуды с прямым венчиком (43,8% на Сайлапском городище и 34,6% на Курлапском). Значительную часть керамики составляют сосуды с отогнутым наружу венчиком (15,3% на Сайлапском и 18,2% на Курлапском). Остальные типы венчиков также несущественно расходятся в количественном соотношении. Не представлены в коллекции Сайлапского городища только сосуды с двумя карнизиками, а на Курлапском они составляют 0,9%. Эти данные позволяют сделать вывод об однотипности венчиков 2 памятников.

При анализе придонных частей сосудов выделено 5 типов (рис. 2-3). Ведущее место принадлежит плоскодонным сосудам: 61,9% на Сайлапском городище и 45% на Курлапском. Значительную часть составляют днища с как бы намечающимся поддоном: 28,6% на Сайлапском городище и 10% на Курлапском. В керамике Сайлапского городища не встречаются 2 типа придонных частей: поддоны и круглодонные днища. Этот факт объясняется тем, что керамика Сайлапского городища представлена сборами и значительно уступает в количественном отношении керамике Курлапского городища. В керамике же Курлапского городища первый тип представлен 1 поддоном и 1 фрагментом поддона, второй – 3 круглыми днищами, что составляет очень маленький процент от общего количества днищ. Анализ придонных частей сосудов 2 памятников позволяет сделать вывод об их однотипности.

Орнаментация на керамике городищ представлена 19 различными орнаментальными мотивами (рис. 2-1). Керамика без орнамента составляет 11,6% на Курлапском городище и 8,3% на Сайлапском. Ведущее место в орнаментации керамики принадлежит ямкам, употребляющимся как самостоятельный элемент орнамента: 34,8% на Курлапском городище, 20,8% – на Сайлапском. Большая часть посуды орнаментирована одним рядом ямок, реже – от 2 до 4 рядов. Второе место занимают отпечатки гладкого штампа (10,2% на Курлапском городище, 22,9% на Сайлапском). Орнаментация гребенчатым штампом, ногтевыми вдавлениями, различными сочетаниями штампов и ямок представлена в керамике 2 городищ с небольшим расхождением в процентном отношении. Общей чертой для керамики 2 городищ является орнаментация среза венчиков сосудов (15,8% – в посуде Сайлапского городища; 14% – Курлапского). Отсутствие в орнаментации керамики Сайлапского городища некоторых орнаментальных мотивов, которые в Курлапском составляют не более 1%, не влияет на характеристику керамики 2 памятников как однотипной.

На основе 5 целых сосудов, 311 венчиков и 81 фрагмента придонной части сосудов была предложена общая типология керамики.

Тип I. Сосуды с отогнутым наружу венчиком, диаметром (Д) от 20 до 32 см, плавным переходом к уплощённому днищу. Венчик может быть прямой или скошенный внутрь сосуда. Для этого типа характерна орнаментация ногтевыми вдавлениями, ямками, штампами (рис. 3-5, 8, 9).

Тип II. Сосуды плоскодонные. Диаметр днищ от 8 до 24 см.

Тип III. Сосуды баночной формы с прямым или отогнутым внутрь сосуда венчиком, с хорошо выраженным плоским днищем и намечающимся поддоном (рис. 3-1, 2). Представлен 2 сосуда без орнамента.

Тип IV. Небольшие сосуды высотой 3-5 см, диаметром 8 см в форме чаши, с хорошо выраженным плоским днищем. Представлен 2 целыми сосуда без орнамента (рис. 3-3, 4), возможна орнаментация ямками.

Тип V. Круглодонные сосуды. Возможны различные варианты вероятных венчиков.

Тип VI. Сосуды с поддоном. Представлен одним экземпляром поддона и фрагментами поддонов.

Тип VII. Сосуды горшковидной формы, диаметром 10-25 см, с прямым или отогнутым наружу венчиком. Тулово сосудов хорошо профилировано. Для этого типа характерна более богатая орнаментация, причём орнаментировался не только венчик, но и верхняя треть тулова несколькими рядами отпечатков штампов, ногтевых вдавлений, реже – ямок (рис. 4-6, 7). Размеры сосудов колеблются от очень маленьких – диаметром 4 см (рис. 5) до больших, диаметр которых 28,5 см (рис. 6).

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ. Абсолютное большинство сосудов изготовлено ленточным способом. Ленты накладывались друг на друга, о чём свидетельствуют следы пальцев как на внутренней, так и на внешней стороне многих сосудов. Особенно четко видны отпечатки пальцев на придонной части сосудов, оставшиеся после соединения дна с туловом. Поверхность керамики заглаживалась пучком травы, о чём свидетельствуют полосы, имеющие общее направление, или мокрой тряпочкой. На внутренней стороне сосудов, затертых мокрой тряпочкой, заглажены вышуклости от ямок. Внешняя поверхность таких сосудов более ровная, и орнамент выполнен ровными рядами. Там, где тесто хорошо промешано, сосуды тонкостенны. Толщина стенок сосудов 2,5-10 мм. Толщина придонной части – 8-10 мм, а у сосудов III типа достигает 20 мм. Исследование днищ сосудов показывает, что они изготавливались как на ровной поверхности (камни, доски), так и на земле (на многих днищах глубокие мятины, шероховатость поверхности). Второй способ изготовления – выдавливание сосуда из целого куска глины. Этот способ использовался для выделки очень маленьких сосудов.

Керамика изготовлялась из красной, реже – белой глины. В качестве примеси использовалась древа – дроблёный гранит. Для приготовления теста в одних случаях употребляли сортированные примеси (только мелкие или крупные зерна), в других – без сортировки. На больших сосудах видны зерна 3-4 мм в диаметре. В хорошо промешанном тесте преобладает мусковит (керамика из очага). Редко в качестве примеси использовался шамот.

ХРОНОЛОГИЯ. При сравнении материала Сайлапского и Курлапского городищ с другими памятниками Верхней Оби, Новосибирского Приобья, Прииртышья, Горного Алтая прослеживаются определенные аналогии. Железный нож из Сайлапского городища находит параллели в памятниках Верхней Оби [2, табл. XLV, 8], Прииртышья [6], имеет широкий хронологический диапазон и датируется первой половиной I тыс. н. э. Коллекция костяных наконечников стрел городищ представлена 4 черешко-

выми (2 ромбических и 2 трёхгранных) и 1 ромбическим с шипами. Эти наконечники абсолютно идентичны наконечникам стрел из памятников Верхней Оби [2, табл. XXXIII] и Горного Алтая [3, рис. 1]. Подобные наконечники имеют очень широкий территориальный и хронологический период бытования: «... Были широко распространены в раннем железном веке и существовали на территории Сибири вплоть до средневековья» [4, с. 38].

Глиняные пряслица Курлапского городища имеют аналогии в памятниках Новосибирского Приобья: Каменный мыс [7, табл. XVI, 5, 8, 12], курганный могильник Ордынское 1 [7, табл. XXV, 22], Ордынское 9 [7, табл. XXXIV], причём, аналогии прослеживаются как в форме, так и в орнаментации.

Керамика V типа (поддоны) находит аналогии в памятниках Каменный мыс [7, табл. XXI, 13], Усть-Ирмень [7, табл. XXXV, 15]. Часть керамики городищ представлена сосудами с «карнизиками» (рис. 7, 5-7; 8, 1, 2, 5), аналогии которым также ведут в Новосибирское Приобье: Ордынское 9 [7, табл. XXXIV, 6], Ирмень 1 [7, табл. 7, 8], Усть-Ирмень [7, табл. XXXV, 4, 22], причём на этих венчиках прослеживаются аналогии не только в форме, но и в орнаментации – отпечатки гладкого или гребчатого штампа, а по ним нанесены ямки.

В Верхнем Приобье венчики с «карнизиками» встречаются в памятниках Фоминского этапа БЕ IV [7, табл. XLV, 1] и БЕ VII, где посуда этого типа составляет соответственно 8 и 9,5%.

Эти признаки в керамике Сайлапского и Курлапского городищ свидетельствуют о том, что вторая волна продвижения кулайских племен оказала влияние и на население предгорий Алтая. Поэтому нижняя дата существования городищ определяется не раньше времени существования памятников на Верхней Оби БЕ 4 и БЕ 7, отражающих процесс взаимодействия продвигающихся в Верхнее Приобье кулайских племён и местных Верхнеобских.

О датировке Верхнеобской культуры и последовательности 3 её этапов среди исследователей нет единого мнения. Впервые Верхнеобская культура была выделена М. П. Грязновым и разделена на 3 последовательных этапа: одинцовский (II-IV вв. н. э.), переходный (V-VI вв. н. э.), фоминский (VII-VIII вв. н. э.) [2, с. 112, 124, 140]. В. Н. Чернецов подверг сомнению датировку фоминского этапа и отнес его ко II в. до н. э. – II в. н. э. [10, с. 228-229]. Л. Р. Кызласов определяет одинцовский и переходный этапы как одновременные и датирует их II-IV в. н. э. [5, с. 171-172]. А. К. Амброз датирует одинцовский этап V-VI в. н. э., переходный определяет не позже VII в. н. э., а фоминский относит к VIII в. н. э. [1, с. 21]. А. П. Уманским были раскопаны могильники Верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше, где наряду с хорошо датирующимся инвентарем IV-V в. н. э. был сосуд переходного этапа [9]. Более убедительной мне представляется датировка Т. Н. Троицкой фоминского этапа в Новосибирском Приобье I-III в. н. э. С учётом датировки Т. Н. Троицкой памятников Верхней Оби БЕ IV и БЕ VII концом I и всем II в. н. э. [7, с. 42] нижняя дата существования Сайлапского и Курлапского городищ определяется не ранее II в. н. э. Определить верхнюю дату их существования при отсутствии датирующих предметов очень трудно. Аналогии в орна-

ментации части керамики городищ встречаются во всех 3 этапах Верхнеобской культуры (орнаментация ямками, рядами гребчатого или гладкого штампа). Поэтому общая датировка памятников может быть определена только предположительно в рамках первой половины I тыс. н. э.

ХОЗЯЙСТВО было комплексным. Его основу составляло скотоводство. Культурный слой Курлапского городища насыщен костями животных, определение которым дал А. В. Гальченко.

Видовой состав животных по костным остаткам городища Курлап

Вид животного	Горизонт						Всего
	1		2		3		
	костей	особей	костей	особей	костей	особей	
Домашние животные							
1. Крупный рогатый скот	17	4	37	6	64	9	118/19
2. Лошадь	21	4	30	5	48	6	99/15
3. Свинья	1	1	2	1	–	–	3/2
4. Овца	1	1	6	2	9	3	10/6
Дикие копытные							
1. Лось	3	1	3	1	4	1	10/3
2. Благородный олень	–	–	3	3	–	–	3/3
3. Косуля	–	–	4	2	2	1	6/3
4. Кабан	–	–	–	–	5	1	5/1
5. Кулан	–	–	3	1	–	–	3/1
Пушные животные							
1. Бобр речной азиатский	–	–	1	1	–	–	1/1
2. Барсук	–	–	–	–	1	1	1/1

Крупный рогатый скот занимал ведущее место в 3 слоях Курлапского городища (118 костей минимум от 19 особей). Большую роль играло коневодство (99 костей минимум от 15 особей) и овцеводство (16 костей минимум от 6 особей). На городище обнаружены также кости свиньи.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ. О наличии земледелия свидетельствуют находки куранта и обломков зернотёрки. Однако земледелие не имело важного значения в хозяйственной жизни населения городищ.

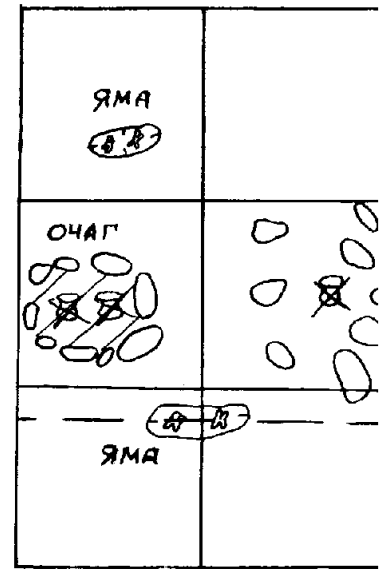
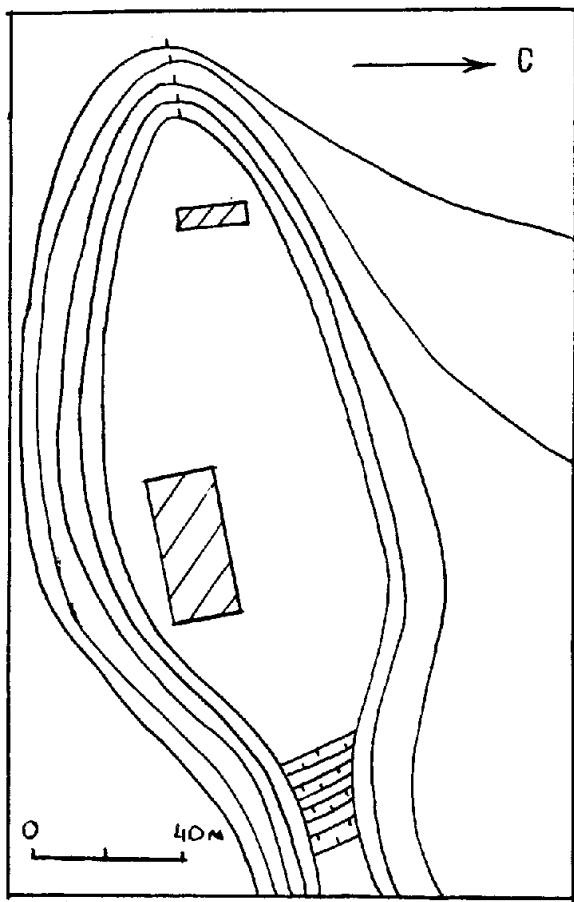
ОХОТА на диких копытных животных (лоси, благородные олени, косули, кабаны, куланы) занимала важное место в хозяйстве.

РЫБОЛОВСТВО. О рыболовстве свидетельствуют находки каменных грузил, костей осетровых рыб. Рыболовство не могло не играть значительную роль для населения, живущего на берегу реки, богатой рыбой.

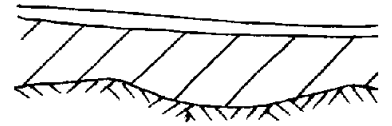
О ПРЯДЕНИИ И ТКАЧЕСТВЕ свидетельствуют находки глиняных пряслиц.

ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО. На основании находок железных предметов (нож, проколка), шлаков, а также запекшихся капелек железа можно сделать вывод о том, что население городищ само плавало железо. О масштабах этого производства и способе плавки пока данных нет.

КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ. Хронологически время существования городищ Сайлап и Курлап укладывается в рамки фоминского и перехо-

2

1

⊗ - РАЗВАЛ СОСУДА

☞☞ - КОСТИ ЖИВОТНЫХ

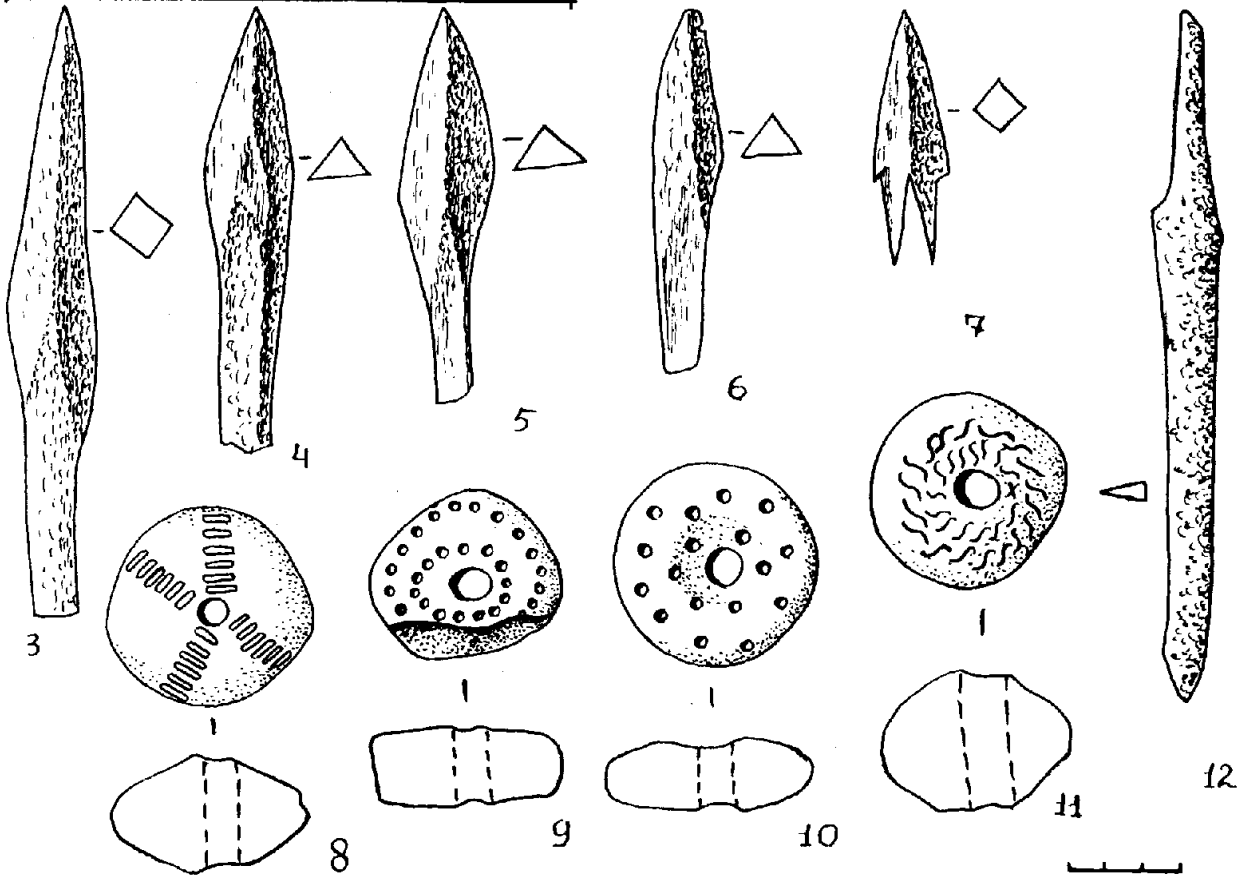

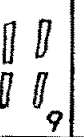

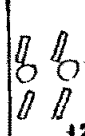

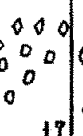

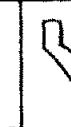

Рис. 1. План городища Курлап (1), план и разрез раскопа (2), находки с городищ Курлап (3, 8-11) и Сайлап (4-6, 12). 8-11 - керамика, 3-7 - кость, 12 - железо

Орнамент. мотив											
Памятник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Сайлап	10,5	14,6	20,8	22,9	10,4	3,1	-	2,1	2,1	8,3	-
Курлап	10,2	0,9	34,8	10,2	5,6	5,1	0,9	2,8	2,3	11,6	0,4

Орнамент. мотив									ВСЕГО
Памятник	12	13	14	15	16	17	18	19	
Сайлап	-	1,0	-	1,0	-	-	1,0	-	96
Курлап	1,4	0,9	1,4	2,8	1,9	5,1	0,9	0,4	215

1

типы венчиков												
Памятник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Сайлап	43,8	9,2	2	15,3	13,3	3,1	2	9,2	1	-	-	7,1
Курлап	34,6	5,2	7,8	18,2	17,3	3,5	1,3	4,3	1,3	0,9	-	5,6

типы венчиков	ВСЕГО
Памятник	12
Сайлап	96
Курлап	215

2

						ВСЕГО
	1	2	3	4	5	6
Сайлап	9,5	61,9	28,6	-	-	21
Курлап	36,7	45	10	3,3	5	60

3

Рис. 2. Взаимовстречаемость орнаментальных мотивов керамики Сайлапского и Курлапского городищ (1), формы венчиков (2) и придонных частей сосудов (3) (в%)

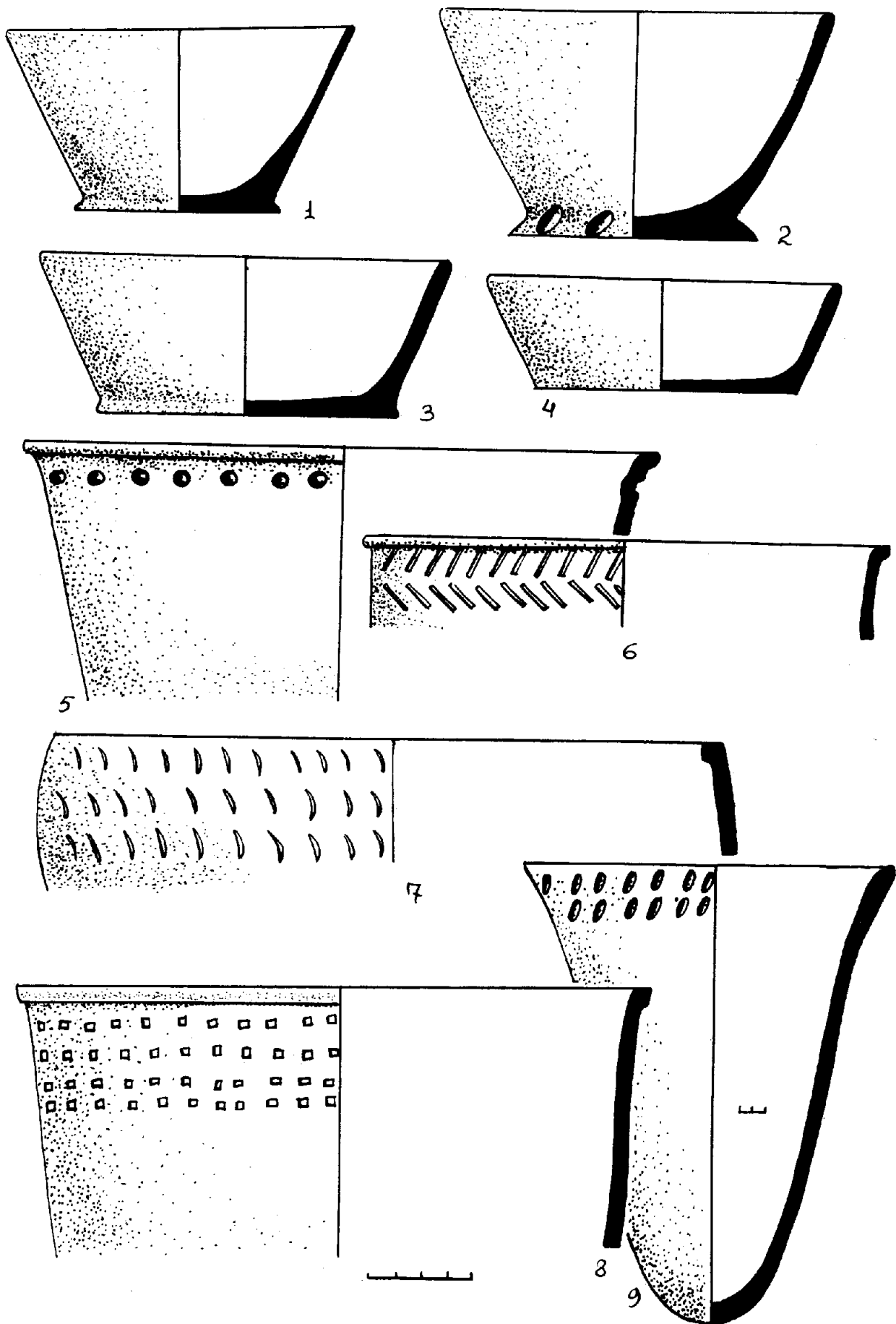

Рис. 3. Керамика Сайлапского (5, 6) и Курлапского (1-4, 7-9) городищ

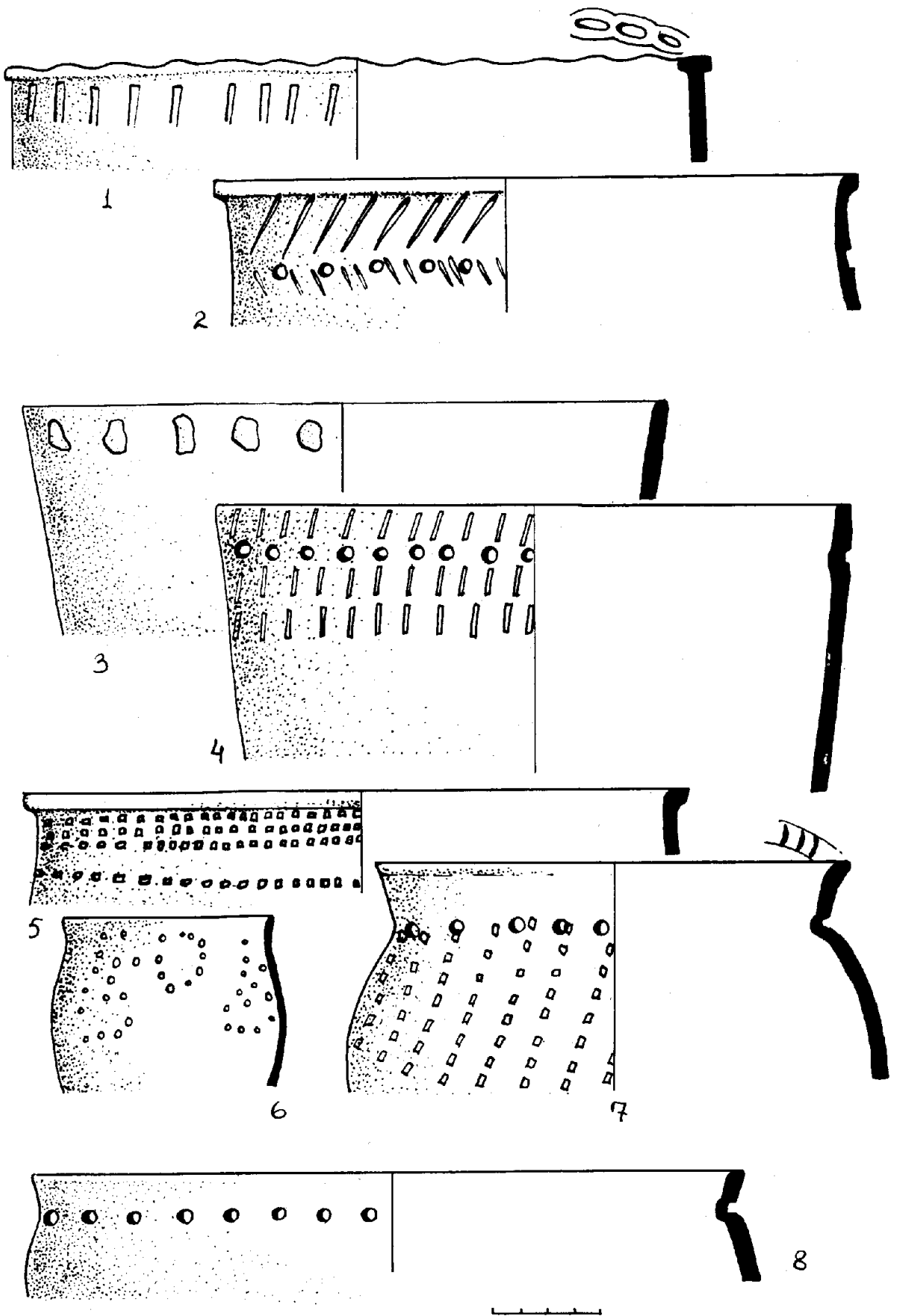

Рис. 4. Керамика Сайлапского (4, 5, 7) и Курляпского (1-3, 6, 8) городищ

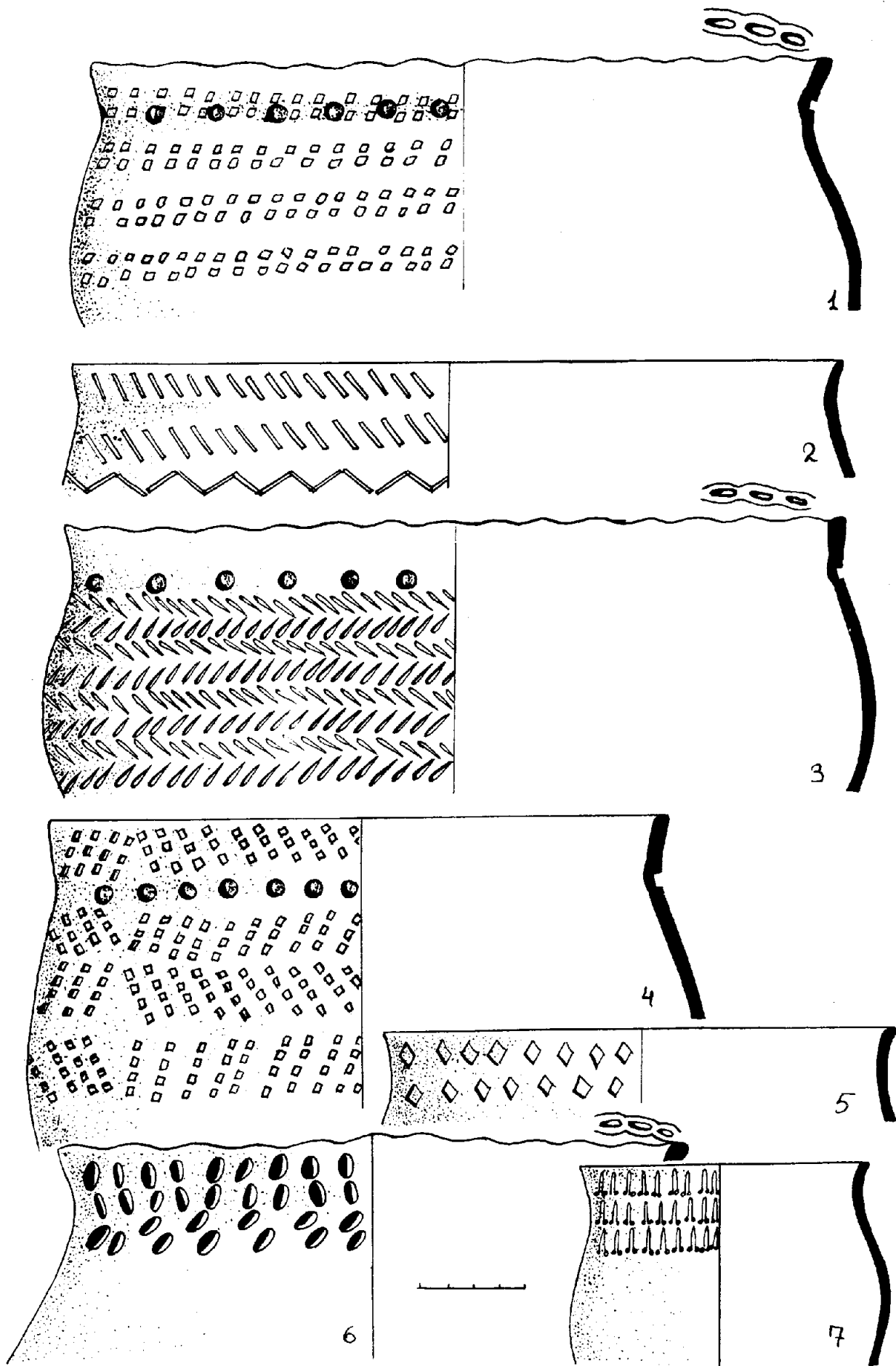

Рис. 5. Керамика Сайлапского (1-4) и Курлапского (5-7) городищ

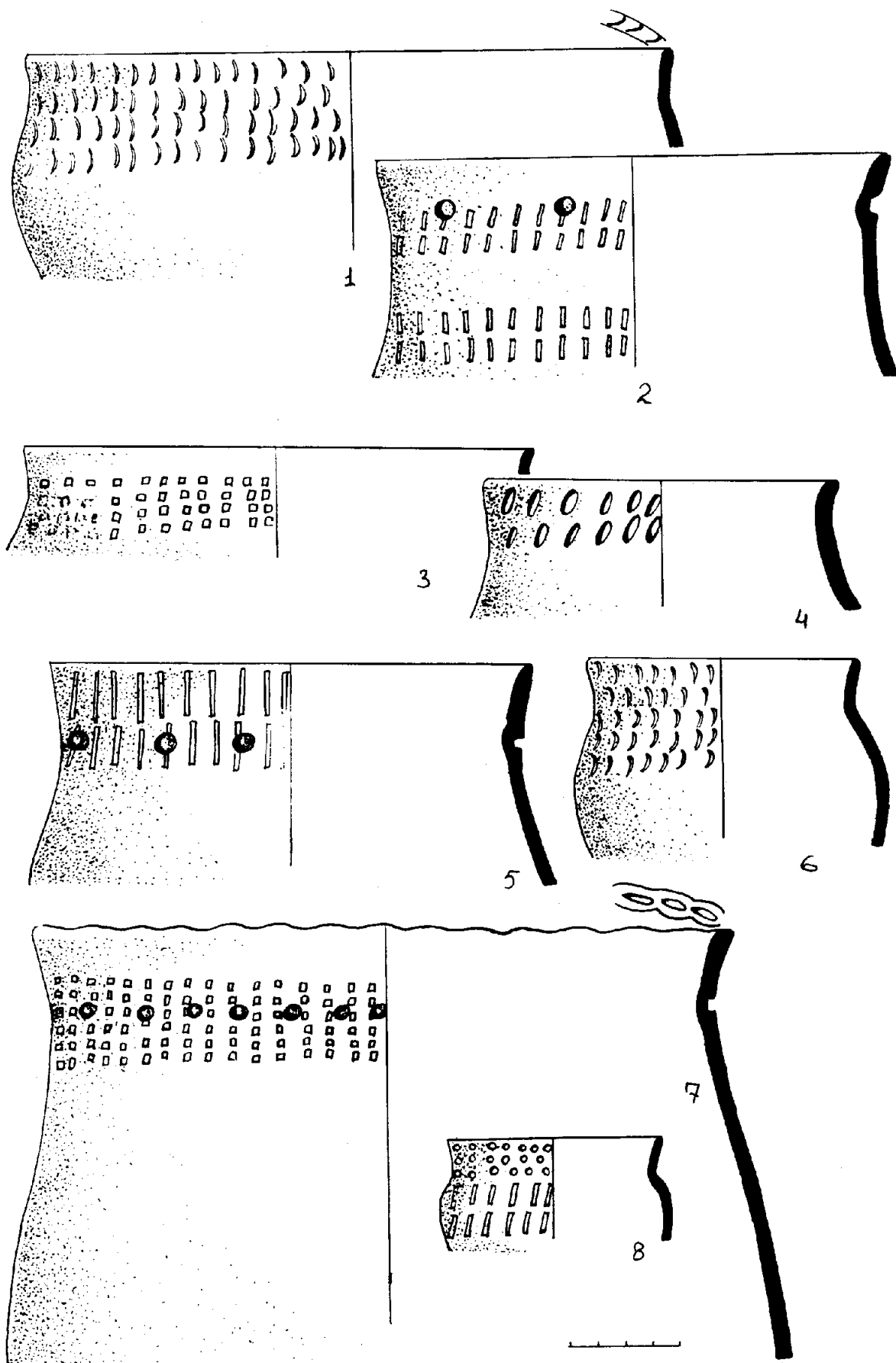

Рис. 6. Керамика Сайлапского (5, 6) и Курлапского (1-4, 7, 8) городищ

дною этапов Верхнеобской культуры с учётом убедительной передатировки этапов Т. Н. Троицкой [7, с. 43]. Однако характеристика керамических комплексов городищ свидетельствует о культурном своеобразии этих памятников. Для керамики Сайлапского и Курлапского городищ и посуды Верхнеобской культуры (всех 3 её этапов) характерно различие в форме сосудов, хотя в орнаментации проявляются устойчивые аналогии. Основной орнаментальный мотив керамики городищ (один или несколько рядов ямок по венчику) характерен также и для посуды Верхнеобской культуры всех 3 её этапов. Этот признак объединяет памятники предгорий Алтая и Верхней Оби в отличие от памятников фоминского этапа Новосибирского Приобья, где процент керамики, орнаментированной ямками, очень мал [7, с. 47]. Посуда, орнаментированная ямками, и без орнамента свидетельствует о местном комплексе керамики, не испытавшей влияния кулайцев. В орнаментации керамики городищ характерны такие мотивы, как ряды отпечатков ногтевых вдавлений, сочетание ногтевых вдавлений и ямок, различные комбинации из небольших округлых вдавлений, которые не находят аналогий как в памятниках этого периода Верхней Оби, так и Новосибирского Приобья и свидетельствуют о своеобразии данной группы керамики.

Аналогии в форме придонных частей сосудов Сайлапского и Курлапского городищ прослеживаются с керамическим комплексом I тыс. н. э. поселения Майма-1 [3, рис. 12], где все выделенные типы придонных частей сосудов представлены в посуде Сайлапского и Курлапского городищ. Аналогии отмечены и в орнаментации венчиков [3, рис. 7, 1-6, 10; 6, 3-12], а также в технологии изготовления керамики [3, с. 167]. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что памятники предгорий Горного Алтая первой половины I тыс. н. э. составляют свой культурный круг. Различия с памятниками Верхнеобской культуры прослеживаются и в хозяйственной деятельности. В памятниках фоминского этапа Верхней Оби и Новосибирского Приобья уменьшается куль-

турный слой, редко встречаются кости животных, и Т. Н. Троицкая делает предположение, что «в конце фоминского этапа население не имеет прочной оседлости» [7, с. 53].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в первой половине I тыс. н. э. в Предгорьях Алтая, в отличие от племён Верхнеобской культуры (фоминского и переходного этапов), население жило в укрепленных городищах, вело комплексное хозяйство при ведущей роли скотоводства, находилось в тесных контактах с кулайскими племенами Новосибирского Приобья и населением Верхней Оби, но отличалось от них своей культурой и этнической принадлежностью. Отсутствие исследованных могильников и других памятников этого периода не позволяет сделать вывод о характере культурной принадлежности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. С. 106-134.
2. Грязнов М. П. История древних племён Верхней Оби // МИА. 1956. Вып. 48. 225 с.
3. Кирсев С. М. Поселение Майма-1 в Предгорьях Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 165-191.
4. Кулемзин А. М. Тагарские костяные наконечники стрел // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 8. Кемерово, 1976. С. 30-41.
5. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха. М., 1960. 400 с.
6. Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. М., 1987. С. 163-235.
7. Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 126 с.
8. Троицкая Т. Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 101-120.
9. Уманский А. П. Могильники Верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 136-149.
10. Чернецов В. Н. Усть-Полуйское время в Приобье // МИА. 1953. Вып. 35. 350 с.

Ю. С. Худяков, Л. М. Хаславская

КАНОНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ОРНАМЕНТИКЕ ЮЖНОСИБИРСКОЙ ТОРЕВТИКИ

Своеобразным феноменом культуры средневековых кочевников Евразии является торевтика – один из основных видов декоративно-прикладного искусства. Образцы художественной обработки металла отражают уровень технологий, эстетические вкусы, мировосприятие их создателей. Являясь таким многогранным источником, торевтика имела важное значение в изучении средневековой культуры.

Особое направление в культурологии занимает изучение восточной торевтики. Основное внимание исследователей было сосредоточено на анализе богато декорированной посуды из драгоценных металлов. Широкое отражение в научных работах получила важная проблема – этнокультурные связи на материалах торевтики [2, 12]. Менее изучена поясная и сбруйная фурнитура – богатейший источник изучения кочевнических культур средневековья в Центральной и Восточной Европе, Средней Азии и Южной Сибири. Работы, исследующие отдельные эле-

менты поясных наборов [9, 15], их декор [8], не исчерпывают научную проблематику этого источника.

Во второй половине I тыс. н. э. в Южной Сибири расцветает яркое орнаментальное искусство. Распространяются новые технологии декоративной обработки, новые формы украшений и их декора. Торевтика этого времени – важнейший источник и богатый носитель информации этнокультурных контактов. В наборе разнообразных узоров, украшающих металлические изделия, появляются заимствованные мотивы, известные в религиозном искусстве соседних стран. Эти орнаментальные мотивы несут важную информацию о синкретизме эстетических и идеологических представлений кочевников, о направленности этнокультурных контактов. Их фиксация и анализ особенно важны ввиду ограниченности сведений о религиозных представлениях южносибирских кочевников в средневековье и отсутствия иных видов источников.

Основа нашего исследования – образцы торевтики кочевников Южной Сибири второй половины I тыс. из погребений, поселений, а также случайные находки, хранящиеся в музеях Сибири, Государственном Историческом Музее и Эрмитаже, на которых присутствуют канонические мотивы. К ним мы относим изображения, стилистические особенности которых близки известным в религиозном искусстве.

Выявление этих мотивов, выяснение истоков, пространственного и временного их бытования является задачей, решение которой имеет важное значение для анализа проблемы взаимодействия кочевых и оседлых культур. Разрешение этих вопросов невозможно без изучения стиливых и композиционных особенностей воплощения изучаемых образцов. Мы выделяем варианты передачи мотива и типы композиций. В основе вариантных групп – стиливые особенности воплощения образа, композиционных – сочетание анализируемого мотива и других, участвующих в композиции, а также их взаимодействие на декорируемой плоскости.

БЕСКОНЕЧНЫЙ УЗЕЛ, известный также под названием «узла счастья», состоит из 4 пересекающихся в центре окружностей. Этот мотив украшает бронзовые литые зажимы для кистей, найденные на поселениях, в тюркских и кыргызских погребениях Алтая, Хакасии, Тувы.

Варианты передачи изображения: гладкая рельефная линия (рис. 1-9); рифленая рельефная линия (рис. 1-8).

Композиции: Бесконечный узел без других орнаментальных дополнений (рис. 1-8); с орнаментальными завитками, «хвостом» и головой (рис. 1-9).

Л. Г. Нечаева считает, что вторая композиция – результат того, что изображение птицы с распростёртыми крыльями, популярного на зажимах, перекрыто изображением «узла счастья» [14, с. 125]. Из такого предположения следует, что первоначальный образ птицы должен был проявиться и в других деталях, например, крыльях, однако этого нет. Более того, чётко видно, что на подобных зажимах из дер. Кривой и с. Батени в Хакасии вторая композиция отлита сразу в форме, она не имеет следов двухступенчатого нанесения узора. И ещё одна деталь: хвосты у птиц на зажимах [14, рис. 12-3] выполнены совершенно отлично от «хвоста» с бесконечным узлом. Последний близок изображению рыбьего, а не птичьего хвоста. Следовательно, вторая композиционная группа с бесконечным узлом не является «перекрытием» одного мотива другим.

Бесконечный узел – один из самых распространённых буддийских символов. Он является атрибутом богини Шриватса, персонафицирующей этот знак в ряду «восьми благих эмблем» [18]. Широкую популярность приобрёл этот мотив и в прикладном искусстве различных народов: встречается на средневековой торевтике у волжских булгар [16], чжурчженей, сохраняясь до этнографической современности у алтайцев (в качестве центрального знака на календарях двенадцатилетнего цикла) [5], используя его ювелиры и в настоящее время [13].

ВИНОГРАД. Многочисленные образцы средневековой торевтики Южной Сибири украшены изображением винограда. Тема винограда в орнаменте воплощается через 4 элемента, имеющих природную основу: виноградная кисть, лоза, «усики», ли-

стья. Изображение виноградных листьев не характерно для южносибирского искусства. В специальной литературе встречается выделение мотива виноградной лозы как специальной орнаментальной темы [15]. Мы считаем, что в отрыве от изображения кисти винограда его выделять нельзя, поскольку в основе изображения могут быть различные ботанические виды.

О популярности темы винограда у южносибирских ювелиров свидетельствует и большое количество образцов с соответствующим декором, и разнообразие стиливых и композиционных особенностей его воплощения, и многообразие предметов, на которых изображён виноград.

Изображение винограда встречается на пряжках, больших сердцевидных бляшках-фаларах, решмах, бляшках-наконечниках из сбруйных наборов, а также на пряжках, бляшках с прорезями для продевания ремней и бляшках-наконечниках из наборных поясов.

Рассмотренные образцы – преимущественно бронзовые, литые и штампованные, с рельефно-выпуклым орнаментом. Исключение составляют единичные примеры прорезного орнамента и горячего золочения. Основная часть предметов – подьёмный материал из Минусинской котловины. Известен мотив винограда на образцах с Алтая и из Тувы.

Варианты изображения: рельефная передача формы кисти винограда (рис. 1-5); рельефная передача формы кисти и ягод (рис. 1-1); кисть винограда дополнена ромбической сеткой (рис. 1-3); объёмность кисти подчеркнута рельефными лентами (рис. 1-2).

Композиции: кисть винограда без других элементов или изолирована от них (рис. 1-1, 3); вьющаяся виноградная лоза с усиками и гроздьями винограда вокруг центрального изображения (рис. 1-2); вьющаяся виноградная лоза с усиками и симметрично свисающими гроздьями. Известны комбинации с 3, 4 парами кистей винограда, а также 3 и 1 непарной, завершающей композицию, кистью (рис. 1-3, 6); пара симметрично свисающих гроздей винограда с усиками и лозой в композиции с 1 или 2 пальметками.

Изображения кисти и лозы представлены единичными образцами, вьющейся лозы – массовым материалом. Поскольку нас интересуют общие особенности, рассмотрим, в чём своеобразие декора последних групп.

Многообразие композиционных построений и инвариантность передачи виноградной кисти свидетельствуют о популярности мотива и о богатстве подходов к его воплощению.

При этом ощущается единство художественного стиля, которое проявляется в следующем:

- идентичность технологических признаков;
- наличие бордюра и симметричность орнамента.

В третьей группе рельефно выделена ось симметрии, делящая декорируемую плоскость на две зеркально отражающие друг друга половины. В четвертой группе центральное место занимают пальметки, из которых «прорастают» побеги с симметрично свисающими гроздьями винограда;

– неразрывность орнаментальных линий. Все элементы орнамента: побеги, гроздья винограда, усики, пальметки, ось симметрии (в ряде случаев даже бордюр) – неразрывно соединены. Этим дости-

гаются единство и равновесие деталей и впечатление движения узора.

Тема винограда – одна из популярнейших в мировом искусстве. Отражена она в живописи, резьбе по дереву, керамике и торевтике. В VII-VIII вв. этот мотив распространяется в архитектурном орнаменте. Тогда, в VIII-IX вв. – на металлической посуде [12]. Используется он ювелирами и для орнаментации деталей поясных наборов, которые известны в тюркских погребениях Семиречья, Самарканда и Пенджикента [15]. Здесь эта тема представлена несравнимо беднее и однообразнее, чем в южносибирских материалах. Передача её осуществлена в совершенно ином стиле. Изображение винограда присутствует в буддийской религиозной живописи [18]. В китайском искусстве этот мотив как орнаментальное украшение распространяется в период династии Суй, в эпоху династии Тан растёт его популярность [11].

В среде кыргызов широкое распространение получили танские зеркала. Поскольку они не удовлетворяли спрос полностью, изготавливались местные отливки с привозных зеркал. Особой популярностью пользовались зеркала с изображением животных и винограда [11]. Танские зеркала могли служить источником мотива винограда для местных мастеров. Но ближе всего южносибирским образцам стиль воплощения этой темы на танской золотой и серебряной посуде. Популярная на ней тема винограда передаётся динамичным рисунком, все детали которого неразрывны, как на большинстве южносибирских экземпляров. Характерным для танского орнамента является и симметричность. Наблюдается близость и в вариантах изображения виноградной кисти, и в приёмах композиции.

Различия – в технологических приёмах: на танской посуде орнамент в основном гравированный, на южносибирских образцах – рельефно-выпуклый. Второе отличие – почти полное отсутствие в изученных материалах изображений листьев в композиции с виноградом, тогда как это неотъемлемый элемент для китайской орнаментики.

Мотив винограда, заимствованный китайскими ювелирами из Персии и с Ближнего Востока, получил в Китае самостоятельное развитие, что выразилось в своеобразии стиля воплощения этого мотива. Танский стиль оказал доминирующее влияние на изображение винограда в южносибирской торевтике. Отличия последней свидетельствуют о творческом отношении к копируемым источникам местных мастеров.

ПЛАМЕВИДНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ встречаются на пряжках, бляшках, накладках из состава сбруйных и поясных наборов памятников Тувы, Алтая и Минусинской котловины: поселениях, погребениях по обрядам труположения с конём, трупосожжения, труположения со шкурой и конечностями коня [20].

Большая часть образцов, украшенных этим мотивом, бронзовые, литые, с рельефно-выпуклым орнаментом. Единичные экземпляры имеют гравированное изображение, несколько – позолоченных.

Варианты пламевидного изображения: одиночное (рис. 1-4); 2, одно над другим (рис. 1-7); 7 изображений, распределённых на бляшке-тройнике соответственно её форме: 4 – языками пламени друг к другу в центральной части, по одному – на отходящих ло-

пастях (рис. 1-10); 3 расположенных друг над другом, с растительными побегами и листьями (рис. 1-12); в сочетании с цветком; 2 с цветком между ними (рис. 1-13).

Сравнивая пламевидные изображения с мотивом винограда, можно отметить идентичность технологических признаков, расположение на одинаковых по форме и назначению предметах. При этом наблюдается важное различие: отсутствие выделенной оси симметрии. Пламевидные изображения или являются центром декорируемой поверхности, или расположены по центральному направлению сверху вниз. Если основные композиции с виноградом – неразрывная орнаментальная вязь, то пламевидные изображения всегда обособлены, даже в композиции с другими элементами.

Пламевидные изображения на южносибирской торевтике первые обратили на себя внимание как имеющие соответствие буддийской культовой символике [14]. «Пламенеющая жемчужина», которая могла быть прототипом пламевидных изображений, – распространённый и многозначный символ, знак триединства Будды, символ богатства и благополучия [18]. Распространён он был как в буддийской иконографии и культовых предметах, так и на предметах повседневного обихода. Примером последнего могут служить фарфоровые фляги киданей, имитирующие кожаные китайские прототипы.

ЦВЕТОК. Известный ещё на бляшках из Туюктятского клада стилизованный цветок – своеобразный и широко распространённый элемент декора южносибирской торевтики. Разнообразные бляшки, на которых он присутствует: бляшки-тройники, четырёхугольные, пятиугольные, овальные, полукруглые, круглые, с тремя прорезами для продевания ремней, решмы, пряжки – многочисленными деталями сбруйных наборов. Реже этот мотив встречается на деталях наборных поясов.

Образцы торевтики с таким цветком были обнаружены в погребениях с трупосожжением, с конём и на поселениях на территории Тувы, Алтая, Хакасии. Большое количество находок – подёмный материал. Основная часть предметов – бронзовые, литые и штампованные, с рельефно-выпуклым орнаментом, встречаются позолоченные, единичные экземпляры – гравированные.

Варианты изображения: с простым «соцветием»; с рифлёным «соцветием» при рельефно-выпуклом изображении или проработанном с помощью гравировки (рис. 1-14, 16).

Композиции:

- цветок в окружении растительных побегов (рис. 1-16);
- цветок с двумя парами отходящих от него побегов (рис. 1-19);
- 4 цветка расположены у середины каждой из четырёх сторон бляшки;
- 7 цветков на бляшке-тройнике: 4 – в центральной части, по одному цветку – на отходящих лопастях (рис. 1-15);
- 6 цветков на круглой с тремя прорезами для продевания ремней бляшке: 3 – в центре, по одной – по краю (рис. 1-18);
- цветок и пламевидное изображение;
- цветок между двумя пламевидными изображениями (рис. 1-13);

- цветок с тремя трилистниками;
- цветок и трилистник;
- 2 пары: цветок и трилистник;
- 3 цветка друг над другом (рис. 1-11).

Для изображения цветка характерна жёсткая задачность формы, имеющая минимум инвариантов, угадываемых на любых предметах, в любой композиции. По разнообразию типов предметов, на которых он встречается, и композиционных структур этот мотив стоит на первом месте среди рассматриваемых элементов декора. В подавляющем большинстве случаев цветок играет доминирующую роль в композиционном строе и изображён соцветием вниз. Типичным дополнением служат растительные побеги, которые чаще всего создают непрерывный орнаментальный рисунок, но они никогда не встречаются в композиции цветка с пламевидными изображениями.

Существует мнение, что рассматриваемое изображение имело своим прототипом цветок смоквы. Нами высказывалось предположение, что возможным прототипом был «зонтик» – буддийский символ, входящий в число «восьми благих эмблем», имеющих аналогичное изображение, часто сочетающееся с «пылающей жемчужиной». Южносибирские образцы имеют многочисленные примеры такого сочетания. Ещё один близкий аналог, обнаруженный нами также в буддийском искусстве, – цветы религиозного фикуса. Религиозный фикус – дерево Будды, дерево прозрения, под которым, согласно буддийской мифологии, достигают Будды окончательного пробуждения.

ЛОТОС. В Минусинском краеведческом музее хранится бляшка с двумя гравированными изображениями лотоса (рис. 1-17). Стиль передачи этого цветка близок некоторым танским образцам. Отсутствие аналогий в местных материалах и тонкая гравировка свидетельствуют об иноземном происхождении этого предмета, скорее всего, китайского.

Известное изображение лотоса как основания для грифона на золотых бляшках второго тайника кургана 2 Копьинского чаа-таса широкого распространения не получило.

Популярными в Южной Сибири были розетковидные бляшки, в основе которых можно предполагать цветочную форму. Большое количество таких бляшек обнаружено в Сростках.

Варианты изображения розетки: шестилепестковая (рис. 1-24); семилепестковая (рис. 1-19); восьмилепестковая.

Р. Гилленсвэрд указывает, что наиболее распространённым изображением лотоса в танской орнаментике золотых и серебряных изделий являлись розетки. Южносибирские экземпляры близки танским лотосообразным розеткам, прототипами которых являлись индийские образцы – шести- и восьмилепестковые розетки.

Орнаментация бронзовых литых пятиугольных бляшек из Минусинского музея близка изображению лотоса как основания, на котором располагается Будда. Лотос – один из древнейших мифопоэтических образов. В Индии с ним связаны различные сложные образы. На лотосе восседает Будда, связанный с лotosовой супругой по имени Праджня-Парамита, несущей лотос. В Китае лотос почитался как священное растение ещё до распространения буддизма,

олицетворяя чистоту и целомудрие, плодородие и производительную силу. Важную роль играет он в китайском буддийском искусстве. Из Египта, Индии и Китая символика изображения лотоса проникла в другие страны и получила широкое распространение. На Ближнем Востоке наиболее популярны были медальоны, розетки, орнаменты с образом лотоса.

ПАРА РЫБ. В IX-X вв. в Южной Сибири появляется новая форма украшений – парные рыбки. Подвески в виде пары рыб обнаружены в Минусинской котловине (рис. 1-23). Бронзовые зажимы для кистей, в форме которых воплощён этот же мотив, были обнаружены в кыргызских погребениях в Минусинской котловине и среди случайных находок этого региона (рис. 1-22).

Рыба – один из древнейших благожелательных знаков в Китае. Одиночная рыба и пара рыб известны как символ власти и служебного положения у китайцев, киданей и др. Пара рыб – широко распространённый буддийский символ. Этот мотив нашёл своё воплощение как в религиозной живописи, так и в декоре металлических изделий.

Рассмотренные канонические мотивы получили широкое распространение в орнаментике средневековых кочевых культур Южной Сибири: древнетюркской и кыргызской. Они занимают значительное место среди орнаментальных мотивов, известных у народов этих культур.

По технологическим признакам изученные образцы в основном совпадают. Подавляющее большинство предметов – бронзовые, литые или штампованные, с рельефно-выпуклым орнаментом. Встречается горячее золочение. Незначительное количество образцов – с прорезным орнаментом или гравировкой.

Весь материал можно разбить на две группы. В одной – форма предметов соответствует определённому художественному образу (лотосовидные розетки, парные рыбки). В другой – форма не зависит от мотива декорирования (бесконечный узел, виноград, пламевидное изображение, цветок).

В первой группе ограниченное число форм предметов, которые являются элементами сбруйных наборов. Исключение составляют «пары рыб», которые были, возможно, подвесками от наборного пояса.

Бесконечный узел встречается только на зажимах для кистей. Остальные мотивы из второй группы украшают многочисленные по форме и назначению предметы: пряжки, разнообразные бляшки, подвески из поясных наборов; фалары, решмы, бляшки, тройники, пряжки из сбруйных наборов. Как показал анализ материала, последним принадлежит большое количество образцов с данными изображениями.

Из 6 рассмотренных мотивов только 2 встречаются вместе: пламевидное изображение и цветок. Особый интерес представляет то, что эти мотивы могли не только украшать один и тот же предмет, но и присутствовать на разных элементах одного набора. Яркий пример этого – сбруйный набор из Ладейского городища. Важной особенностью художественного воплощения этих сюжетов на одном предмете является обособленность изображений и отсутствие других элементов декора, что в целом для южносибирской тюркетики с богатой растительной орнаментикой не характерно.

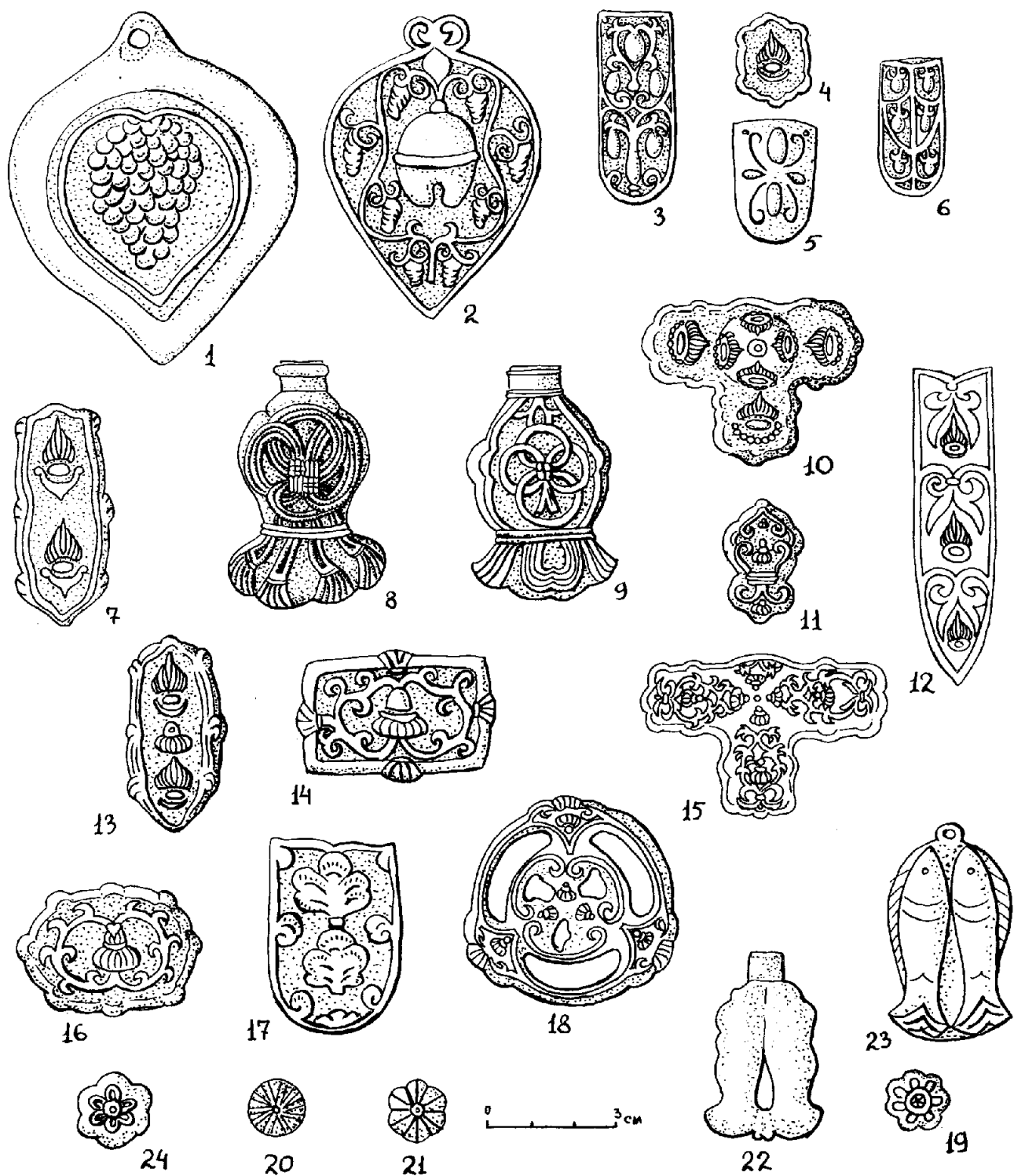

Рис. 1. Канонические мотивы в орнаментике южносибирской тюревтики

Показателен принцип отбора южносибирских ювелиров. Из многочисленных мотивов буддийского искусства они выбирают 3 символа из «восьми благих эмблем»: рыбки, бесконечный узел, лотос. Пламенеющая жемчужина и цветы религиозного фикуса – тоже очень значительные религиозные символы. Такой подход свидетельствует о том, что копируемые символы воспринимались не просто как заданная художественная форма.

Стилистические особенности передачи канонических мотивов на южносибирской средневековой торевтике свидетельствуют о доминирующем влиянии танского стиля. В танскую эпоху китайская культура вбирала наиболее интенсивно элементы культур других этносов. Это нашло ярчайшее отражение в орнаментальном искусстве, вобравшем многочисленные индийские, персидские и другие мотивы.

Сильнейшее влияние на культуру Китая оказал буддизм, появившийся из Кашгарских оазисов, где был господствующей религией на протяжении первых восьми столетий. Замечательным памятником раннебуддийского искусства являются фрески «Пещеры тысячи Будд» близ Дуньхуана – сухопутных ворот в Среднюю империю.

В Восточном Туркестане проходил один из участков шелкового пути, который связывал Китай со Средней Азией и Сасанидским Ираном. Последние оказали сильное влияние на китайское искусство, особенно в области живописи и декоративно-прикладного искусства.

Одним из следствий интенсивных этнокультурных контактов было широкое международное распространение различных орнаментальных мотивов. При этом существовавшие школы торевтов владели разнообразными способами воплощения этих мотивов, сохраняя и развивая собственные традиции.

Образцы танского искусства распространились далеко за пределами Китая. Известны они и на территории Минусинской котловины. Но это – не единственный источник для южносибирских ювелиров. Знакомство с буддизмом и буддийским искусством могло осуществляться в результате контактов с Китаем и соседними народами. Контакт китайцев с тюрками, особенно в силу их пристрастия к экзотике, в танскую эпоху выразился в активном проникновении тюркских элементов в китайскую культуру: тюркские узоры и украшения можно было встретить на любом виде домашней утвари, существовал тюрко-китайский словарь, тюркская мода проникала в одежду. Хроника династии Тан, орхонские надписи сообщают о посольствах кыргызов в Китай. После разгрома кыргызов уйгурами контакты прекратились почти на целое столетие и возобновились к началу 40-х гг. IX в.

Известны попытки распространения у тюрков буддизма в 70-е гг. VI в. при кагане Тобо. Каган принял это учение, на тюркский язык были переведены некоторые буддийские священные книги, однако в массы кочевников буддизм не проник. Буддийские храмы собирался строить в начале VIII в. каган Бильге, но отказался от этого намерения. Обнаруженный око-

ло с. Батени на левом берегу Енисея памятник древнего буддизма – алтарная группа, отлитая из бронзы и позолоченная, является, по мнению С. В. Киселева, трофеем из кыргызского похода на уйгуров в IX в.

Рассмотренные канонические мотивы дополняют немногочисленные свидетельства о знакомстве средневековых кочевников Южной Сибири с буддизмом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гусев Л. Н., Шевкунов Э. В. О происхождении одного орнаментального мотива у чжурчженей // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1976. С. 143-146.
2. Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. М., 1976. 200 с.
3. Дунь Хуан Цзаоцин туань (Дуньхуанские росписи). Пекин, 1953. С. 8.
4. Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. С. 70 (рис. 130, 132).
5. Иванов С. И. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л., 1979. 194 с.
6. История Сибири. Л., 1968. Т. I. 454 с.
7. Киселёв С. В. Древняя история Сибири // МИА. 1949. № 9. С. 285.
8. Король Г. Г. Орнамент средневековых хакасов как исторический источник: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1981. 20 с.
9. Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки. М., 1979. 88 с.
10. Крюков М. В., Малавин В. В., Софронов М. С. Китайский этнос в средние века (VII-XIII вв.). М., 1984. С. 83, 100.
11. Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975. С. 23.
12. Маршак Б. И. Согдийское серебро. М., 1971. 158 с.
13. Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 71-72.
14. Нечаева Л. Г. Погребения с трупосожжением могильника Тара-Тал-Арты // Труды ТКАЭ. М.-Л., 1966. Т. 2. С. 108-142.
15. Распопова В. И. Поясной набор Согда VII-VIII вв. // СА. 1965. № 4. С. 78-91.
16. Смирнов А. П. Очерки по истории древних болгар // Труды Государственного Исторического музея. Вып. XI. М., 1940. С. 130 (табл. 1, 3).
17. Супрунско Г. П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. М., 1974. С. 236-248.
18. Терентьев А. А. Опыт унификации музейного описания буддийских изображений // Использование музейных коллекций в критике буддизма. Л., 1981. С. 54.
19. Хаславская Л. М. Сбруйные украшения из Ладейского городища // Материалы XXII Всесоюзной научной студенческой конференции. Новосибирск, 1984. С. 15-19.
20. Худяков Ю. С. Орнамент наборных поясов из погребений Ник-Хая // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск, 1983. С. 144-153.
21. Худяков Ю. С., Хаславская Л. М. О пламенеvidном орнаменте в южносибирской торевтике (в печати).
22. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981. С. 48-49.
23. Ювелирные изделия народов Средней Азии и Казахстана. М., 1984. 150 с.

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ВОИНА ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА АЛТАЕ

В июне 1991 г. в Алтайский краеведческий музей от И. Н. Митьковской поступило сообщение о случайно обнаруженном археологическом объекте в Калманском районе и ею же была принесена часть интересного вещественного материала: 7 железных ярусных черешковых наконечников стрел, железное кольцо со скобой (рис. 1-3, 9), железный меч-палаш, 3 круглые бронзовые позолоченные бляхи со вставками из камня, 3 подвески, сделанная из камня рамка от пряжки со следами железного язычка (рис. 2-1-7). Для обследования указанного места выехали автор статьи и сотрудник БГПИ В. Б. Бородаев. В результате было зафиксировано разрушаемое оврагом грунтовое погребение, которое находилось в 2 км юго-западнее Змеиногорского тракта на левом берегу пруда на р. Ераска.

Через несколько дней автором были проведены аварийные археологические раскопки указанного выше памятника, расположенного в стене большого оврага (длина 700-800 м, ширина 8-9 м, глубина 7-9 м), ограниченного с юга прудом, с северо-запада полевой дорогой, проходящей от тракта до летней фермы. Грунтовое погребение собственно и было найдено информатором в результате ежегодных естественных расширений оврага.

При осмотре места перед началом раскопок стало ясно, что большая часть стены оврага, где находилась могила, обвалилась еще раз, поэтому было решено, прежде всего, разобрать грунт на дне оврага, где в большом количестве были найдены рассеянные кости лошади и человека, бесформенные остатки бронзовых изделий, 2 железных ножа, бронзовое перекрестие палаша, 2 фрагмента костяных накладок лука, фрагменты дерева с остатками бронзы, 3 наконечника стрел и множество обломков железного предмета (рис. 1-4-5, рис. 2-12-15). Замечена такая особенность: фрагменты и изделия из железа были в лучшем состоянии, чем бронзовые.

Отвал был проверен от дна оврага до уровня могилы, где в небольшом углублении виднелась передняя часть костяка лошади. Стоит заметить, что захоронение находилось прямо по центру ложбины водного стока оврага по верхнему уровню, с мощным гумусным слоем, отдельные «языки» которого от дневной поверхности проходили в глубину на 130-150 см.

У края оврага, сверху над погребением, был заложен раскоп, вытянутый по линии запад-восток. После снятия почвы до 1 м отчетливо стало заметно могильное пятно овальной формы, вытянутое по линии юго-запад – северо-восток. Глубина могилы от уровня современной поверхности 2,15 м. В северо-восточной части дна могилы обнаружен череп лошади, державшийся на костях шейного столба, мордой опущен вниз. Передние ноги были подогнуты под живот. Остальные кости были обвалены грунтом. От скелета человека у северо-восточной стенки найдены фрагменты черепа, зуб, а ниже – ребро.

Судя по рассказу И. Н. Митьковской и собственным наблюдениям, можно воссоздать обряд захоронения: погребенный воин был уложен вытянуто на

спине, головой ориентирован на север-северо-восток, справа от него на одном уровне была положена снаряженная лошадь на животе с подогнутыми ногами, черепом в том же направлении, что и человек. Между челюстями лошади находились железные однокольчатые удила (рис. 1-6), кожаную узду скрепляли и украшали серебряные круглые пластинчатые бляшки, а также серебряные пластинчатые наконечники ремней (рис. 2-8-10). На макушке черепа лошади обнаружена железная уздечная пряжка (рис. 1-7), а на уровне живота при зачистке дна могилы – подпружная (рис. 1-10). Контрольный перекоп дна могилы никаких результатов не дал.

В целом погребение оказалось насыщенный интересным и богатым материалом. Например, меч-палаш железный, прямой, однолезвийный, черешковый с клиновидным сечением и бронзовым перекрестием (рис. 2-1, 12). Его длина 84,5 см, ширина 3 см. Острие клинка не сохранилось, но, по-видимому, было закруглено от лезвия к спинке. Рукоять меча была деревянной, о чем говорят следы древесных волокон. Прямых аналогов этому мечу-палашу нет, но подобные довольно широко встречаются в памятниках, датруемых IV-V вв. [1; 4; 5].

Интересен набор (10 шт.) железных, трехлопастных, черешковых, ярусных с расширенными нижними ярусами наконечников стрел (рис. 1-1-3), имеющих великолепную сохранность. По классификации, предложенной С. В. Неверовым и Ю. Т. Мамадаковым для ярусных наконечников стрел, данный набор можно разделить на следующие отделы (по форме второго яруса) и типы (по форме первого яруса) [2]. Два наконечника (рис. 1-1) по отделу относятся к параболовидным с поджатием и асимметрично-ромбическим по типу. Они довольно крупные – 12 см длиной и в нижних лопастях имеют отверстия в виде перевернутой запятой. Шейка наконечников круглая, переходят в круглый же черешок. Один наконечник из набора (рис. 1-3) автор относит к параболовидному с поджатием отделу и вытянутому (иволистному) типу. Его длина 9,5 см, круглая шейка переходит в круглый черешок, в нижнем ярусе отсутствуют отверстия. И, наконец, большая часть набора – 7 шт. – представлена параболовидным с поджатием отделом и лавроволистным типом (рис. 1-2). Они, как и вышеперечисленные, с круглой шейкой и круглым черешком. Отверстия в нижнем ярусе круглые, заостренные внизу, по форме напоминают семена некоторых плодов. Длина наконечников 10 см.

У всего набора наконечников стрел ясно виден «перехват» при переходе одного яруса к другому и большая ширина нижнего яруса, т.е. их можно отнести к подразделу (угол перехода первого яруса во второй) тупоугольных с поджатыми плечиками [3]. Таким образом, все наконечники можно отнести к южносибирскому варианту ярусных наконечников. Наиболее близкие аналоги данным экземплярам имеются в памятниках Хакасии и Степного Чумыша, которые датируются серединой I тыс. н. э. [4; 7].

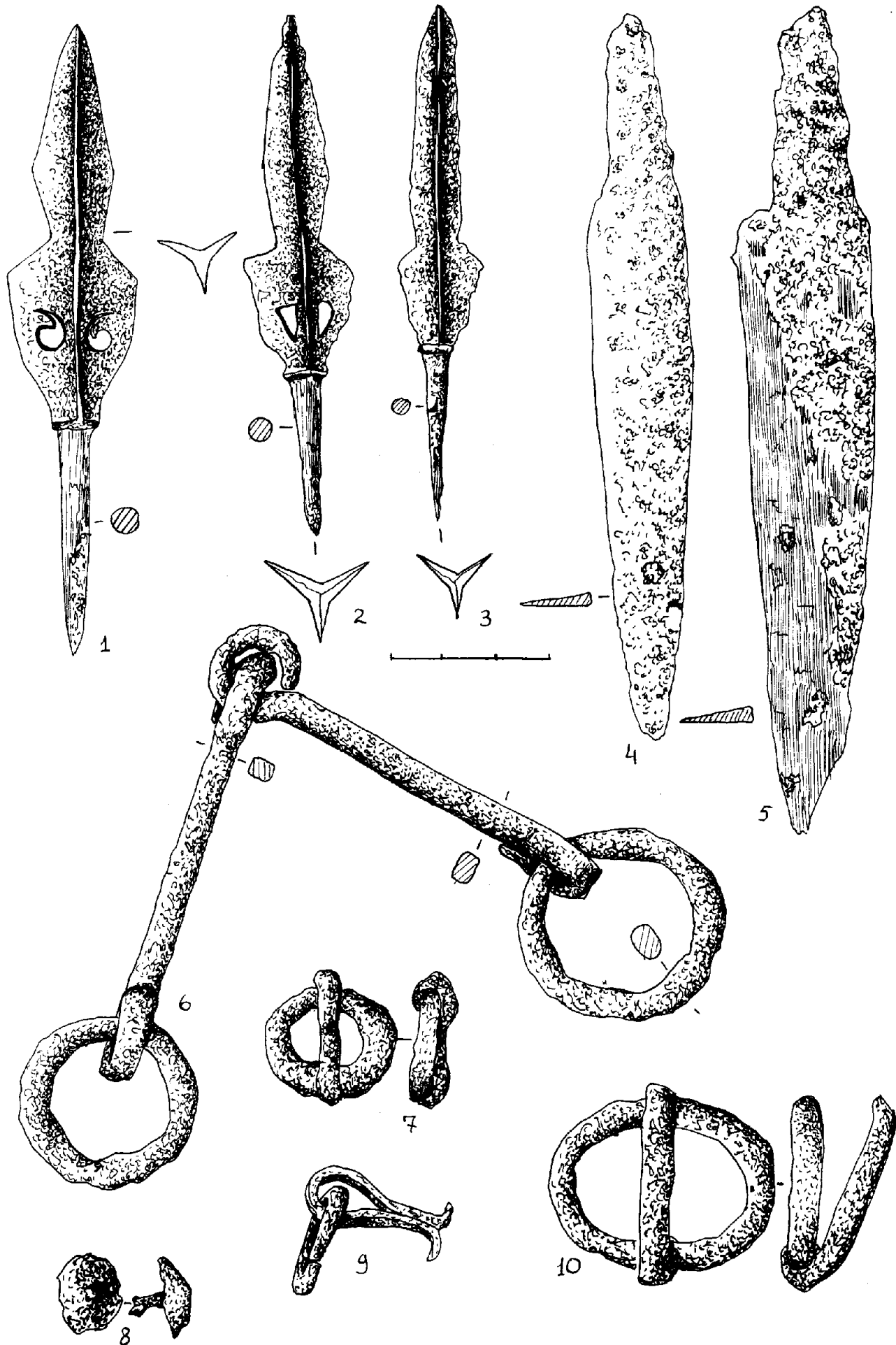

Рис. 1. Находки из погребения на р. Ераска

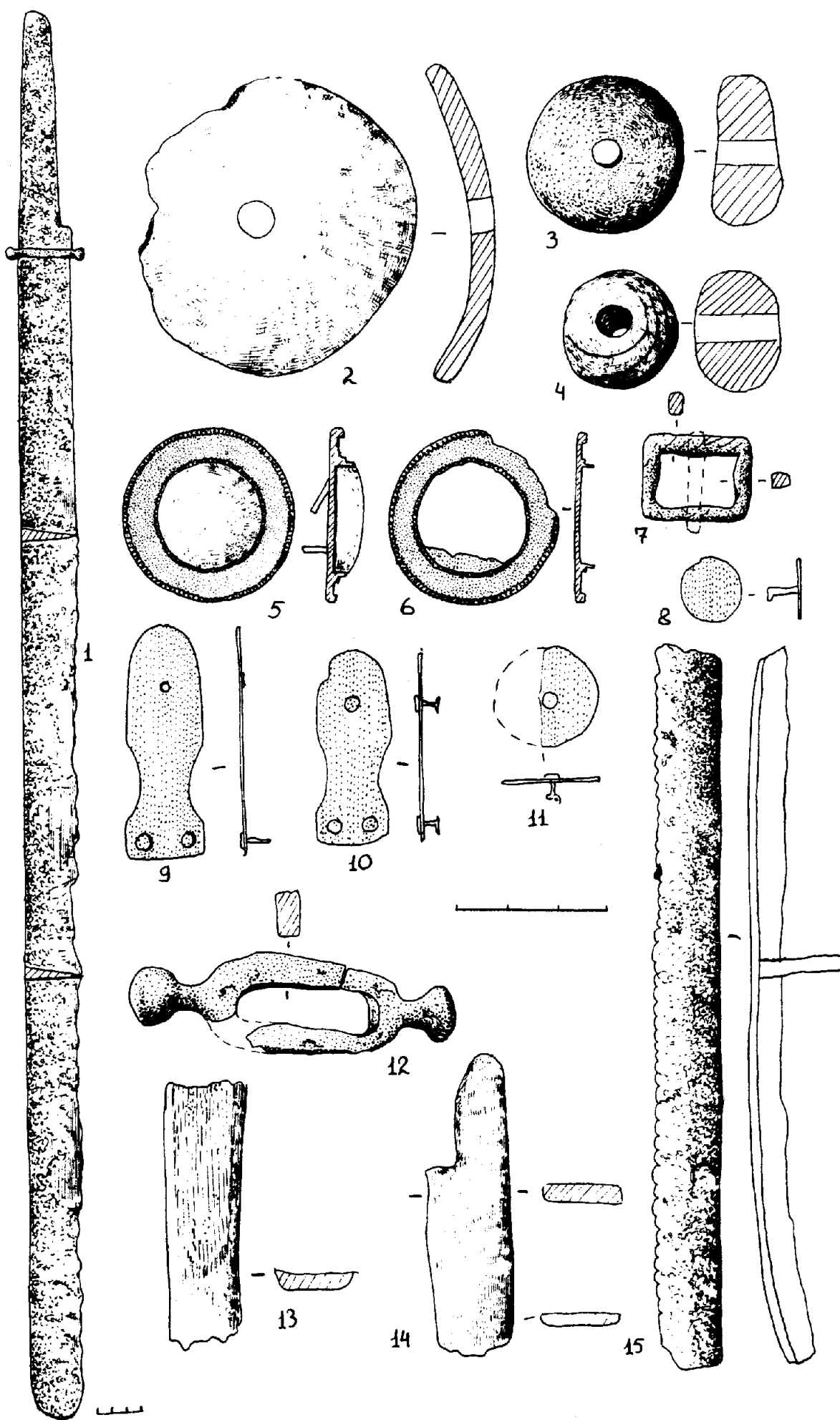

Рис. 2. Находки из погребения на р. Ераска

При разборе обвала найдено 2 небольших фрагмента костяной накладки на лук: концевая с выемкой для тетивы и срединная (?) длиной 5 и 6 см соответственно и 1,5 см шириной (рис. 2-13-14), в сечении прямоугольные. Подобные накладки довольно распространены. Два железных ножа: большой и малый (рис. 1-4-5), одного, широко распространенного типа – выгнутообушкового с черешком и клиновидным сечением. Большой нож имел деревянные ножны – на лезвии сохранились следы древесного тлена. У ножей подмечена интересная особенность – концы лезвий специально обломаны. Длина ножей 16 и 14,5 см. Подобные экземпляры встречались довольно широко [1; 2].

3 бронзовые, круглые, «ярусные» бляхи (рис. 2-5-6) с позолотой, насечками и выпуклой вставкой из отшлифованного минерала (одна вставка утеряна) составляют явно не полный набор поясного ремня погребенного, к которому они крепились при помощи 3 шпеньков. Диаметр блях 3,5 см. На вставках минерала, по центру, заметны наколотые отверстия для крепления во время обработки. Кроме блях поясной ремень имел и большую бронзовую пряжку, которая не была найдена на погребении и не была принесена информатором, но о ней говорит большое пятно на тазовых костях человека. Прямых аналогий таких блях автор не нашел, но по технике исполнения им близки изделия из Тугозваново [5].

Найдены и 3 подвески, причем все из разного материала: округлая, выгнутая из известняка (?) с отверстием в центре, диаметром 5,5 см (рис. 2-2), овальная из смолы (янтаря) (рис. 2-3) и округлая из ракушечника тоже с отверстием посередине (рис. 2-4). Диаметр последних 3 и 2,3 см.

3 пряжки можно разделить на 2 группы: одна нефритовая (рис. 2-7), прямоугольнорамчатая, безщитковая, со следами железного язычка, 2 другие – железные, овальнорамчатые, безщитковые, с железными язычками – уздечная и подпругная (рис. 1-7-10). Функциональное назначение нефритовой пряжки уточнить не представлялось возможным.

Убранство коня, кроме 2 названных пряжек, существенно дополняют железные, двусоставные, однокольчатые удила (рис. 1-6) с подквадратным сечением стержней, 7 серебряных, круглых (4 малых и 3 больших) плоских бляшек-креплений кожаной узды (рис. 2-8, 11) и 4 серебряных плоских, фигурных наконечника ремней узды (рис. 2-9-10). Бляшки и наконечники крепились при помощи шпеньков-заклепок.

На памятнике в большом количестве было собрано множество обломков железного изделия, по форме напоминающего обкладку какого-либо деревянного предмета, к кромке которого она крепилась при помощи железных гвоздей (рис. 2-15), железное кольцо со скобой (рис. 1-9) и фрагмент железного гвоздя-заклепки (рис. 1-8).

На погребении не найдено ни одного фрагмента керамики.

Описанные материалы, их аналогии, место и ориентация погребения позволяют установить хронологические границы памятника – IV-V вв., одновременно вобравшего в себя материалы гувно-сарматского времени Горного Алтая и верхнеобской культуры лесостепных районов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. 265 с.
2. Мамадаков Ю. Т. Новые материалы гувно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 173-191.
3. Неверов С. В., Мамадаков Ю. Т. Проблемы хронологии и типологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 121-135.
4. Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 136-149.
5. Уманский А. П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129-163.
6. Худяков Ю. С. О вооружении таштыкского воина // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 164-169.

В. В. Горбунов

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК С ОБРЯДОМ КРЕМАЦИИ ТРОИЦКИЙ ЕЛБАН-1

В декабре 1969 г. в Алтайский краевой краеведческий музей агрономом Владимиром Васильевичем Петровым была передана коллекция вещей из «разрушенного кургана» у пос. Троицк Калманского района. В настоящее время данная коллекция хранится в фондах АККМ под № 12793. Она состоит из 34 предметов: панцирные пластины (21 экз.), наконечник копья, наконечники стрел (2 экз.) – железные; гривны (3 экз.), пряжка, серьга, обломок «кольца», чаша и пластинки (3 экз.) – бронза (рис. 2, 4, 5). Некоторые вещи из коллекции ранее были опубликованы Ю. С. Худяковым. Это наконечник копья и панцирные пластины [18, с. 119, рис. 2-4; 19, с. 195-197, рис. 88-4, 89; 20, с. 140, рис. 1-7, 8, 11, 12]. Худяков датировал их IX-X вв. н. э. и отнес к комплексу вооружения кимаков, сроткинской археологической культуре (?) [18, с. 115-116; 19, с. 180].

При работе с материалами Троицкой коллекции у автора предлагаемой статьи возник ряд вопросов. Во-первых, несоответствие в хронологии, данной

для наконечника копья и панцирных пластин, с остальными вещами коллекции. Большинство этих вещей находят аналогии лишь в памятниках первой половины I тыс. н. э. Во-вторых, неясно точное местонахождение памятника, его тип и т.д.

Летом 1992 г. во время археологической разведки в Калманском районе Алтайского края автор решил найти памятник. В Троицке удалось встретить племянника В. В. Петрова, Сергея Александровича Петрова, который принимал непосредственное участие в сборе вещей, составивших коллекцию. Он показал место, где расположен памятник, и подробно рассказал об обстоятельствах обнаружения археологического материала.

Памятник представляет собой не «курган», а елбан. Находится в пойме старицы Алея, в 250 м к востоку от Троицка (рис. 2, 4, 5). Елбан в плане округлой формы, диаметр 50 м, высота 2 м (рис. 1-2). В 1969 г. на нем вырыли песчаный карьер, вскоре заросли. На месте карьера образовалось озерко, на

дне которого нашли железный нож (утрачен). Затем у восточного края карьера размыло часть древней могилы, «доисследованной» местными жителями. По словам С. А. Петрова, могила представляла собой темное пятно овальной формы, выделявшееся на фоне более светлого песка. Примерные размеры: 2,5×1 м (рис. 1-2). Глубина около 0,5 м. Заполнение могилы состояло из «золы и пепла». На дне располагался инвентарь: бронзовая чаша с выбитым дном, в которую были сложены панцирные пластины, частью целые, частью в обломках. Недалеко от чаши лежали два наконечника стрелы, наконечник копья и в кучке гривны, пряжка, серьга. Все вещи из могилы сдали зимой того же года в АККМ. Таким образом, материал коллекции № 12793 происходит из одной могилы, разрушенной в 1969 г. Захоронение было совершено по обряду кремации, на грунтовом могильнике. Памятник получил название Троицкий Елбан-1 (ТЕ-1). На том же участке поймы открыто еще 6 археологических памятников, расположенных на елбанах.

Сначала карьер на ТЕ-1 занимал только центральную часть высокой террасы елбана. В последующие годы он расширялся в результате весенних половодий, уничтожая новые могилы. На месте их разрушения находили бронзовую серьгу с шаровидной подвеской из камня, бронзовую фигурку медведя, 11 железных наконечников стрел (вещи утрачены). В настоящее время карьером разрушена большая часть террасы. Уцелели лишь южная и восточная стороны. Возле кромки восточной стороны есть яма овальной формы, размером 5,25×2 м (рис. 1-2).

При обследовании памятника на восточном краю карьера, буквально рядом с могилой 1969 г., было замечено треугольное пятно. Заложенная в этом месте разведочная траншея выявила контуры могилы. Затем траншея была расширена в раскоп, от карьера до ямы. Всего раскопом вскрыта площадь 26 кв. м, выявлено 4 могильных пятна и 3 ямы.

Могила 1. Пятно прямоугольной формы. Размеры 2,8×1,1 м. Ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Стенки могильной ямы покатые, дно неровное, наибольшая глубина 0,38 м. Западный угол могилы разрушен карьером. На глубине 0,15-0,2 м скопления кальцинированных костей человека; небольшие – у западного и южного углов могилы и в северо-восточной части, по центру могилы одно большое скопление. Ниже него на дне могилы обнаружены многочисленные фрагменты керамики, расположенные практически сплошным развалом (рис. 1-3); лежащие кучно предметы: гривны (2 экз.), серьга – бронза; ножи (4 экз.), наконечники стрел (4 экз.) – железо (рис. 1-3) и предметы, находившиеся отдельно: железные наконечники стрел (рис. 1-3), бисер, обломок костяного наконечника стрелы.

Могила 2. Пятно подпрямоугольной формы. Размеры 1,4×0,8 м. Ориентация ЮЗ-СВ. Стенки могильной ямы покатые, дно ровное, Глубина 0,4 м. По центру могилы на глубине 0,2-0,3 м расчищено скопление кальцинированных костей человека. В западном углу лежала бронзовая серьга. Рядом со скоплением кальцинированных костей найдена еще серьга и необожженное ребро человека.

Могила 3. Пятно подквадратной формы. Размеры 1,05×0,9 м. Ориентация ЮЗ-СВ. Стенки могильной

ямы покатые, дно ровное, глубина 0,32 м. По центру могильной ямы прослежено скопление кальцинированных костей человека на глубине 0,15-0,2 м. С северо-западного края находилось скопление кальцинированных костей, на дне – железный нож (рис. 1-3).

Могила 4. Пятно овально-шестиугольной формы. Размеры 0,9×0,75 м. Ориентация ЮЗ-СВ. Стенки могильной ямы покатые, дно ровное, глубина 0,24 м. В юго-западной части, на глубине 0,15-0,2 м расчищены 2 обугленные деревянные плахи. По центру найдено скопление кальцинированных костей человека (рис. 1-3).

Яма 1 находилась возле могилы 1. Выкопана под деревянный столбик, диаметром 0,06 м, высотой 0,2 м.

Яма 2 располагалась между могилами 3 и 4. Диаметр ямы 0,1 м, глубина 0,15 м.

Яма 3 сопровождала могилу 2. Вытянутое пятно размерами 0,75×0,2 м. Глубина 0,15 м. На дне в северо-восточной части ямы – обугленное бревно.

К юго-востоку от могилы 1, на расстоянии 0,7 м, находился отдельный фрагмент керамики. Его цвет и состав аналогичны керамике в могиле. Все 4 исследованных захоронения совершены по обряду кремации – трупосожжения на стороне. В могилах 1 и 3 сначала на дно укладывался погребальный инвентарь, который подсыпался землей, потом в могилы компактно помещались кости, собранные с погребального костра, частично вперемешку с углем и золой. В могиле 2 кости и инвентарь, а в могиле 4 обугленные плахи и кальцинированные кости находились на одном уровне, выше подсыпки. Сверху захоронения засыпались землей. Могила 1, скорее всего, являлась коллективным захоронением. На это указывают наличие 4 отдельных скоплений кальцинированных костей и внушительные размеры самой могилы. Складывается картина, что одно главное погребение, в котором помещен весь инвентарь, сопровождало три второстепенных. Не исключено, что коллективной была и могила 1969 г. Она близка по своим размерам и обилию инвентаря могиле 1. Очевидно, сжигание умерших производилось на территории самого могильника. О таком факте свидетельствует состав культурного слоя. Его толщина 0,2-0,05 м; это сунесь серо-желтого цвета с вкраплениями золы и мелких угольков. После захоронения останков погребальный костер разбрасывался над могилой и вокруг нее. Предметы инвентаря в большинстве своем не подвержены воздействию огня. Лишь часть вещей, лежащих сверху, соприкоснулась с горячим пеплом, что обеспечило их лучшую сохранность, особенно железа. Некоторые предметы клялись в могилы обломанными. Погребальная посуда преднамеренно разбивалась. Так, скопления фрагментов керамики из могилы 1 оказались от одного сосуда, который удалось собрать целиком (рис. 3-7). К тому же в могиле 1969 г. у бронзовой чаши было выбито дно. От него сохранились фрагменты в виде бронзовых пластинок (рис. 2-10-13).

Погребальный инвентарь из грунтового могильника ТЕ-1 делится на несколько категорий: 1) украшения, 2) снаряжение, 3) посуда, 4) предметы быта, 5) вооружение.

УКРАШЕНИЯ. Гривны (5 экз.) изготовлены из бронзы, носились на груди концами назад. Различаю-

тся между собой по форме поперечного сечения стержня (раздел), по оформлению концов (отдел), по форме изогнутости (тип). Раздел 1 – овалы. Отдел 1 – глаголевидные-прямые, один конец гривны загнут буквой Г, другой прямой. Тип 1 – дугообразные, 1 экз. целый и 1 фрагмент (рис. 2-7, 8). Расстояние между концами гривны 19,5 см, перпендикуляр от его середины до изгиба 7,3 см. Раздел 2 – круглые. Отдел 1 – сомкнутые. Концы гривны сомкнуты в неровные кольца. Тип 2 – витые, 1 экз. (рис. 2-9). Стержень гривны переплетен вдвое. Длина 14 см. Наш экземпляр распрямлен. Однако аналогичный ему из БЕ-3, могилы 6 [4, с. 118, табл. XLV-1] имеет полукруглую форму. Раздел 3 – плоские. Отдел 1 – глаголевидные-прямые. Тип 3 – полукруглые, 1 экз. (рис. 3-5), 3,7×3,4 см. Отдел 2 – сомкнутые. Тип 4 – арочные, 1 экз. (рис. 3-6), 9,7×6,6 см.

Троицкие гривны находят прямые аналогии в памятниках Верхней Оби, БЕ-3 и БЕ-12, V в. н. э. [6, с. 124, табл. XLVII-12, 14] и в памятнике Бике-1, III-V вв. н. э., долина средней Катуня [10, с. 91, рис. 31-17, 40-9]. Как близкие по конструкции троицким можно назвать гривны кок-пашского предметного комплекса из Восточного Алтая, III-V вв. н. э. [3, с. 89, рис. 1-53, 54].

Серьги (4 экз.) изготовлены из бронзы, различаются по форме изогнутости (отдел), по наличию или отсутствию подвески (тип), по структуре подвески (подтип). Отдел 1 – круглые. Тип 1 – без подвески, 1 экз. (рис. 3-2). Отдел 2 – овалы. Тип 2 – с шаровидной подвеской. Подтип А – цельнолитая подвеска из шара и штырька с расплюсченной шляпкой, 2 экз. (рис. 2-5, 3-3). Один конец стержня обвивает штырек до шара. Подтип Б – подвеска из внутриполого шара и припаянного к нему с одной стороны штырька, который загнутым концом крепится к стержню серьги, 1 экз. (рис. 3-4). Серьги, аналогичные типу 1, есть в Бике-1 [10, с. 77, рис. 40-18].

Точных аналогий серьгам 2 типа найти не удалось. Но серьги с подвесками из закрученного с одного конца стержня имеются в БЕ-3 и БЕ-7, могила 15 [6, табл. XLV-11, 25-27, XLVII-13]. Серьга с шаровидной подвеской иной конструкции известна из могилы 49 в БЕ-14, II-IV вв. н. э. [6, с. 112, табл. XLII-18].

Обломок бронзового «кольца» или, возможно, серьги с рифленным стержнем (рис. 2-6) и бисер синего цвета (рис. 3-1) датирующими вещами не являются.

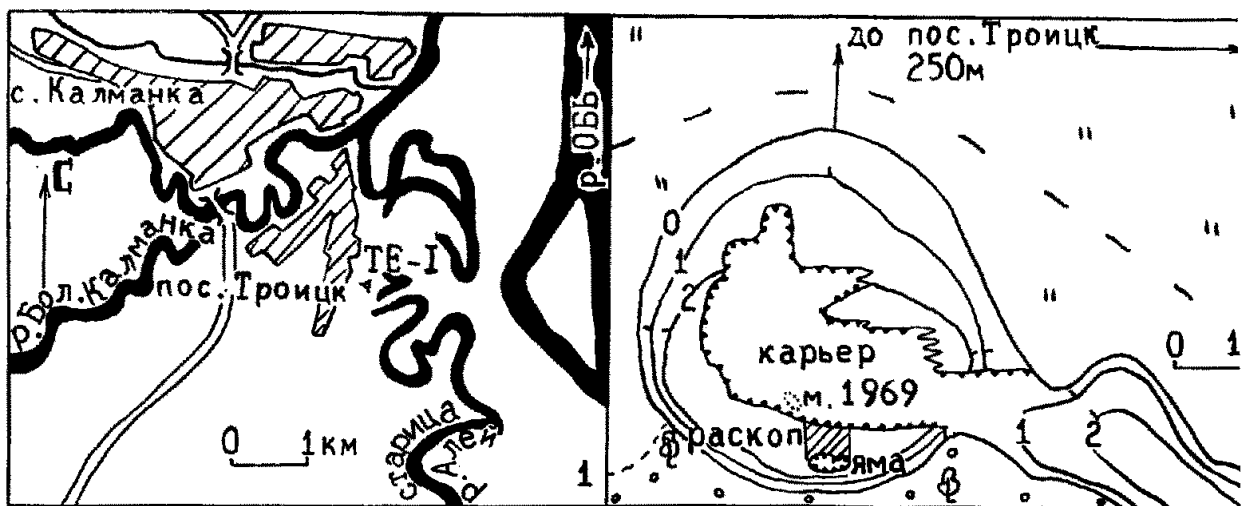
СНАРЯЖЕНИЕ. Бронзовая пряжка таштыкского типа (рис. 2-4) состоит из сердцевидной рамки со скругленной дужкой и Т-образным приемником. По центру верхней части рамки припаян изогнутый вперед язычок. Свободный конец ремня, заходя в приемник, загнулся обратно и отверстием надевался на язычок. Рамка переходит в щиток квадратной формы с рельефной поверхностью в виде двух пар выемок. В поперечном сечении щиток напоминает скобу, к внутренним сторонам которой припаяна пластина, образующая концевую прорезь для закрепления неподвижного конца ремня. Пряжки таштыкского типа известны на Верхней Оби в БЕ-12, БЕ-14 [6, с. 102, 103, табл. XXXIII-10, XLI-15] и на Верхнем Чумыше, IV-V вв. н. э. [16, с. 141, рис. 1-10]. Среди множества таштыкских пряжек Хакас-

ско-Миусинской котловины в качестве аналогии можно привести экземпляр из памятника Тепсей-3, склеп 1, III-IV вв. н. э. [9, с. 105, рис. 56-27].

ПОСУДА. Бронзовая чаша: диаметр горловины 18 см, диаметр дна 10,8 см, высота 12 см. По внешней окружности чаша украшена четырьмя группами тройных линий, идущих вертикально от горловины до дна (рис. 2-13). Аналогий не найдено. Керамический горшок: диаметр горловины 24 см, высота 20,8 см. Имеет отогнутый наружу рассеченный венчик, с выступающим бортиком по внешней стороне. Шейка горшка орнаментирована рядом ямок, выше и ниже которых нанесено по ряду штампа треугольниками с загнутым верхом. Она переходит в ярко выраженные плечики. Тулово горшка сферической формы (рис. 3-7). Среди керамических комплексов Верхнего Приобья троицкий сосуд близок к керамике из БЕ-12, БЕ-14 [6, табл. XXXI-6, XI-2-4], к 2, 3 группам керамики с городищ Иткульских озер, IV-VII вв. н. э. [1, с. 108, рис. 1-9-11] и городища Бехтемир, IV-VI вв. н. э. [7, с. 109-111, рис. 1].

БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ. Железные ножи (5 экз.) в поперечном сечении клинка вытянуто-треугольные, черена прямоугольные. Ширина клинка у основания от 1,1 до 1,6 см. Толщина обуха от 0,2 до 0,35 см. У 3 экз. клинки обломаны. Длина целых клинков 12,8 и 15,7 см. Длина черенков от 1,5 до 3,2 см. По оформлению перехода черена в клинок делятся на типы. Тип 1 – гладкие, 2 экз. (рис. 3-8, 11). Черен ровно переходит в клинок. Тип 2 – с одним, слабым, плечиком со стороны лезвия, 1 экз. (рис. 3-10). Черен при переходе в клинок образует слабовыраженный уступ. Тип 3 – с двумя, слабым и сильным, плечиками, 1 экз. (рис. 3-9). Черен образует сильновыраженный уступ со стороны лезвия и слабый со стороны обуха. Уровни плечиков разные. Тип 4 – с одним, сильным, плечиком со стороны лезвия, 1 экз. (рис. 3-12). Троицкие ножи находят аналогии в материалах верхнеобских памятников IV-VI вв. н. э. [6, табл. XLV-14, 33; 16, рис. 3-2; 15, рис. 5-17, 19], известны они и позднее [6, табл. LVI-2].

ВООРУЖЕНИЕ. Делится на наступательное оружие и защитный доспех. Наступательное оружие представлено двумя видами: 1) оружие дальнего боя – наконечники стрел (9 экз.), 2) оружие таранного удара – наконечник косяка. Наконечники стрел различаются по материалу изготовления (группа), по поперечному сечению боевой части пера (раздел), по общему (отдел) и конкретному (тип) силуэту пера, по форме упора (подтип) и по поперечному сечению черешка (вариант). Группа 1 – железные. Раздел 1 – трехлопастные. Отдел 1 – ярусные. Тип 1 – вытянуто-асимметричноромбические, 2 экз. (рис. 2-2, 3-14). Силуэт пера наконечника составляют две фигуры, верхняя при переходе в нижнюю образует ярус [11, с. 125]. Верхняя фигура вытянуторомбической, нижняя асимметричноромбической формы. Подтип А – с прямым упором. Лопастей пера под прямым углом переходят в черешок. Вариант а) – треугольные (рис. 2-2). Вариант б) – подквадратные (рис. 3-14). Тип 2 – вытянуторомбические-шестиу-

- " " - заливной луг
- - лес
- — — - тропа
- (with M. 1969) - могила разрушенн в 1969г.
- ▨ - дёрн
- ▩ - наносной слой, серая супесь
- ▧ - культурный слой, серо-жёлтая золистая супесь
- ▨ (with dots) - заполнение могильной ямы, тёмно-серая золистая супесь
- ▨ (with horizontal lines) - материк, бледно-жёлтый песок
- ⊗ - скопление кальцинированных костей
- ⊕ - скопление фрагментов керамики
- ⊙ - обугленное дерево

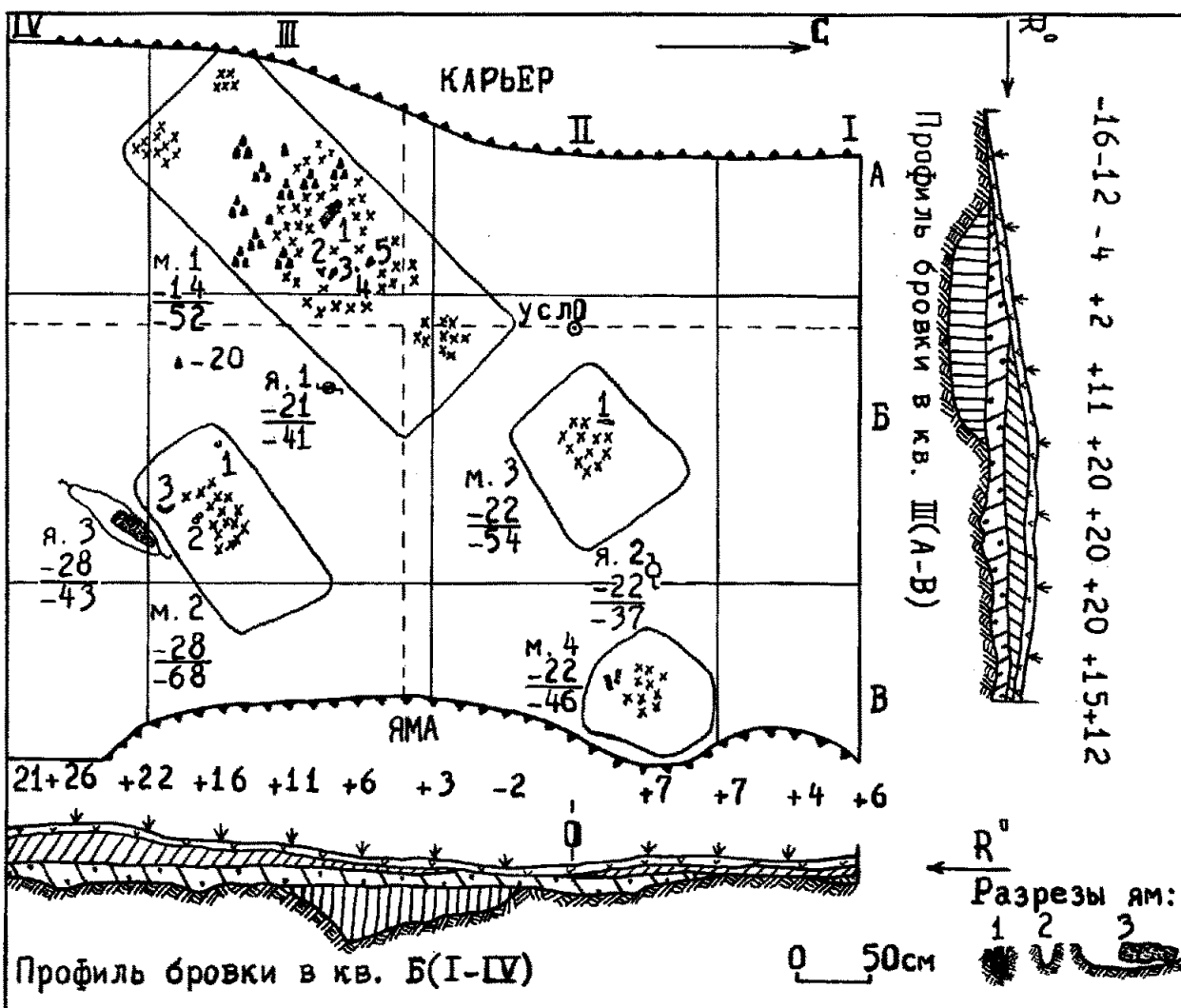

Рис. 1. 1 - Местоположение памятника ТЕ-1. 2 - Общий план ТЕ-1. 3 - План раскопа и могил.

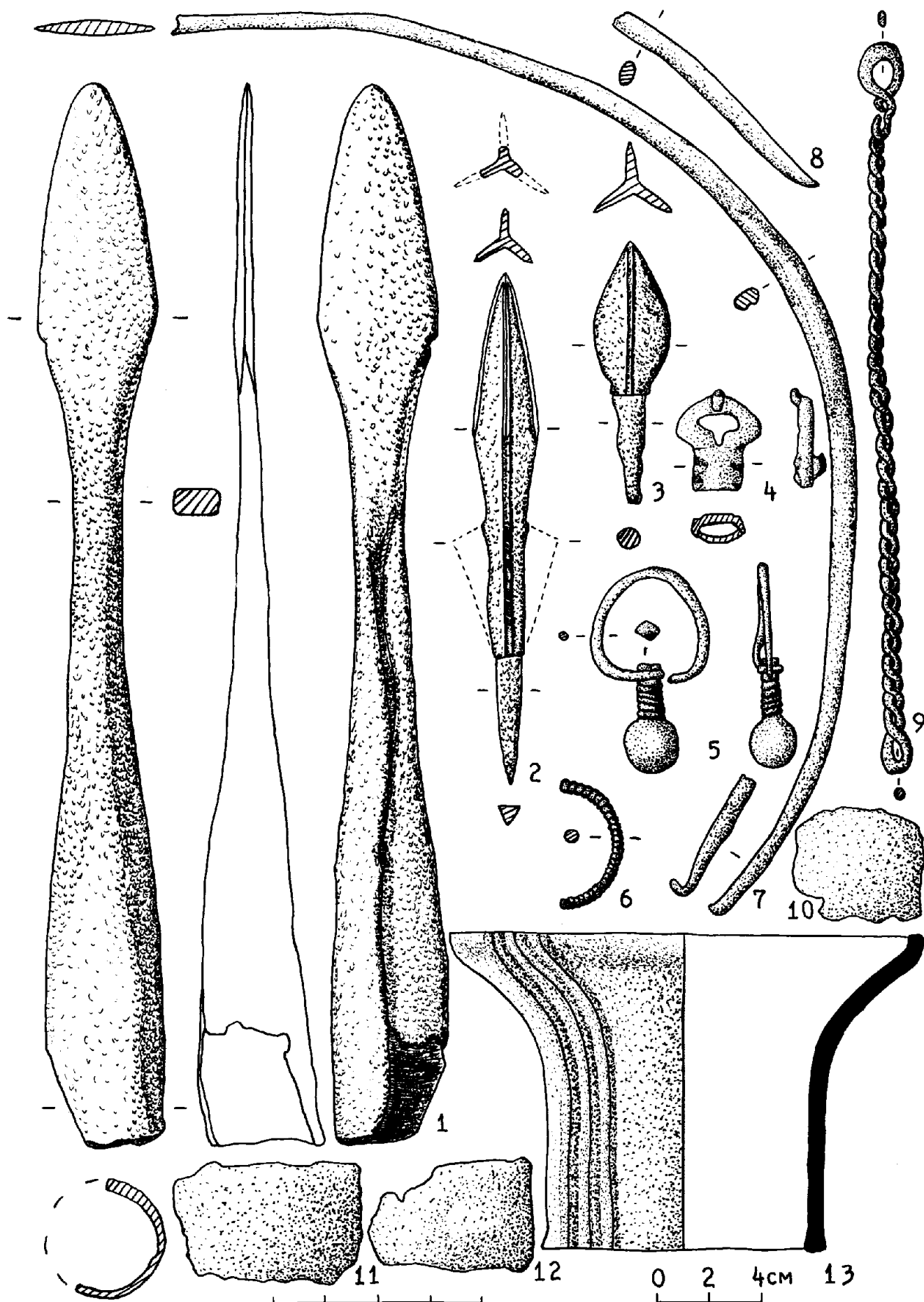

Рис. 2. Инвентарь могилы 1969 г.: 1-5 - железо, 4-13 - бронза

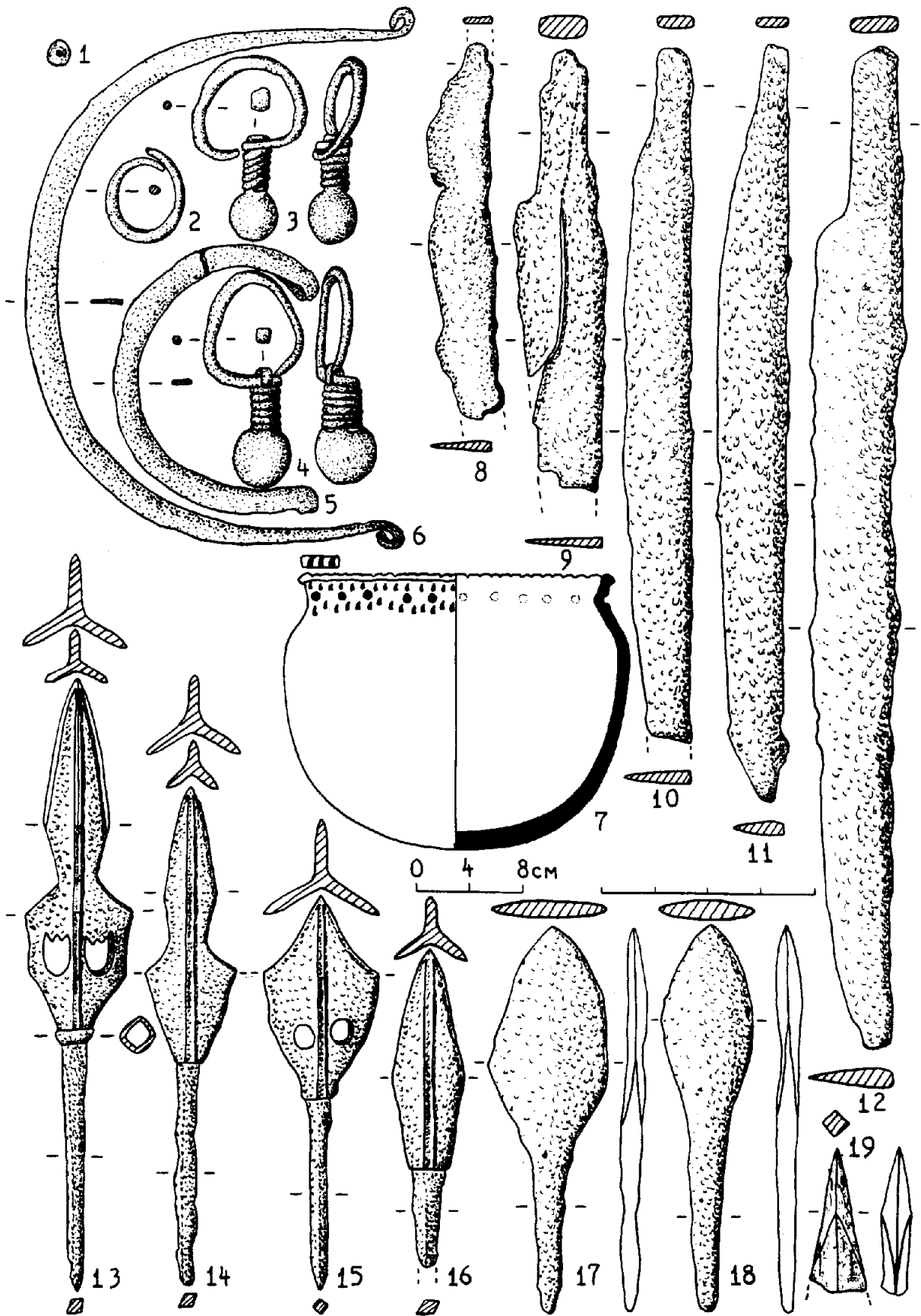

Рис. 3. Инвентарь могилы-1 - 1, 4-7, 9-19, могилы-2 - 2, 3, могилы-3 - 8. 1 - бисер, 2-6 - бронза, 7 - керамика, 8-18 - железо, 19 - кость

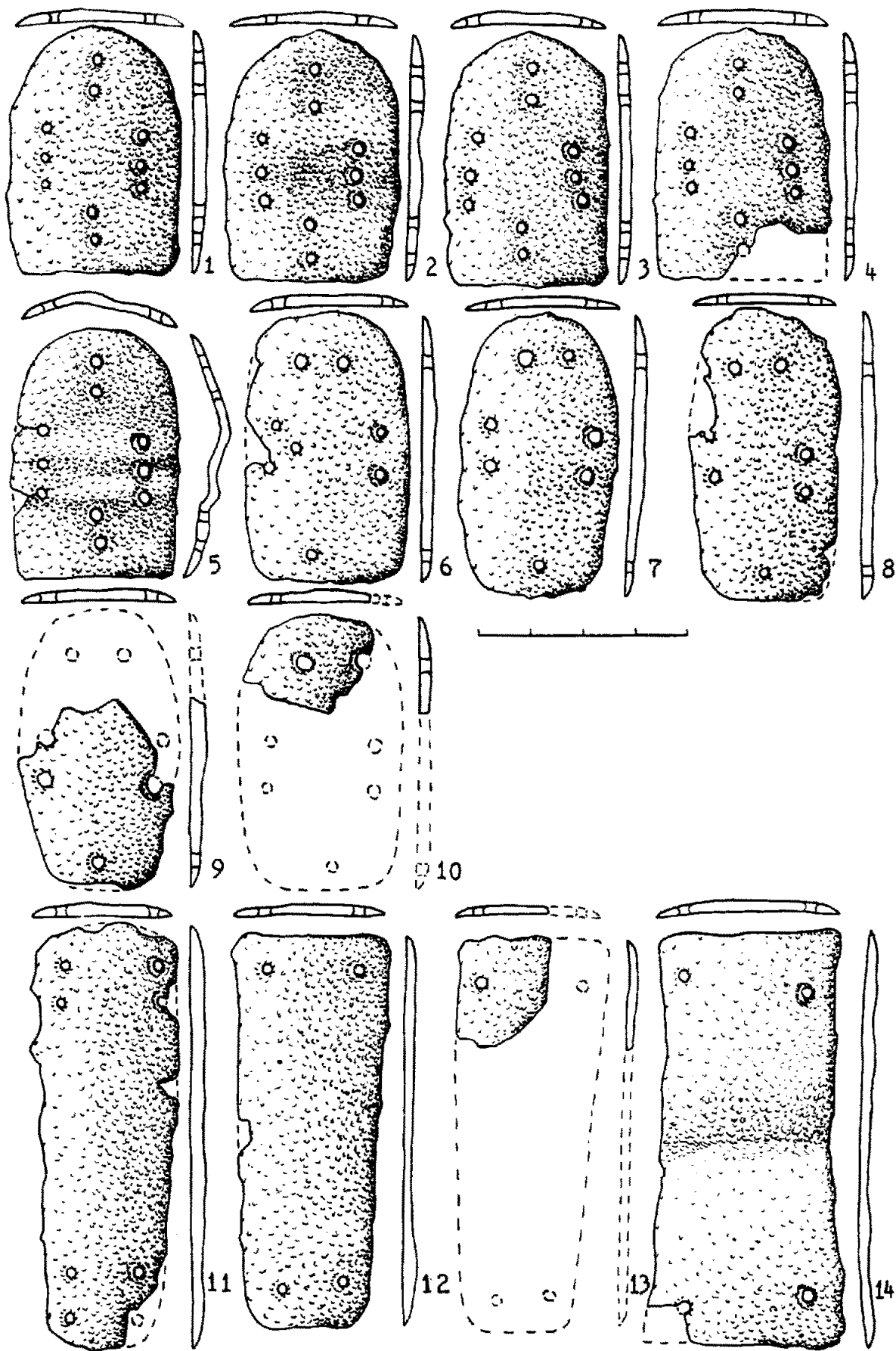

Рис. 4. Железные панцирные пластины из могилы 1969 г.: 1-5 - тип 1, 6-10 - тип 2, 11 - тип 3, 12, 13 - тип 4, 14 - тип 5

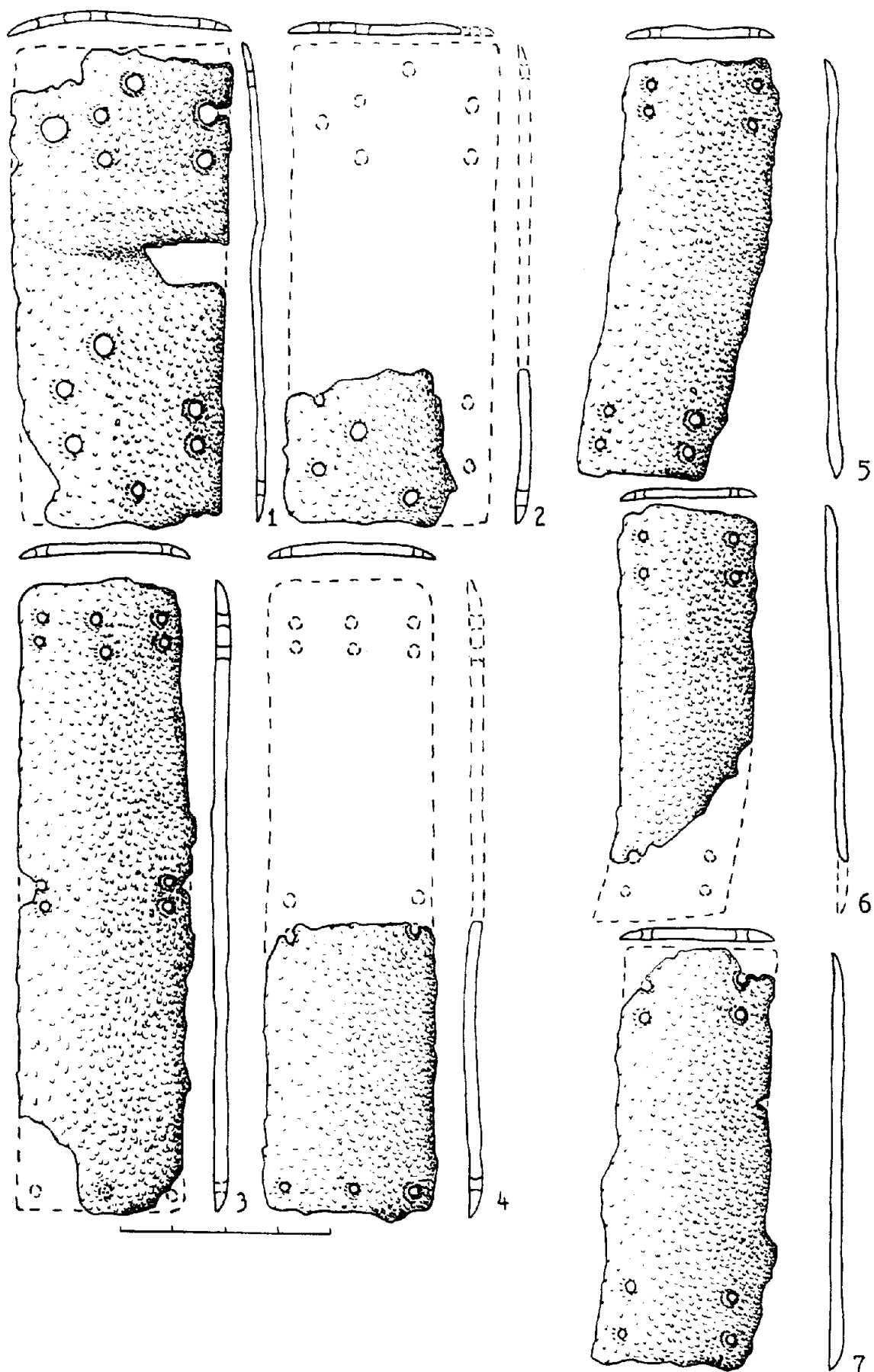

Рис. 5. Железные панцирные пластины из могилы 1969 г.: 1, 2 – тип 6, 3, 4 – тип 7, 5-7 – тип 8

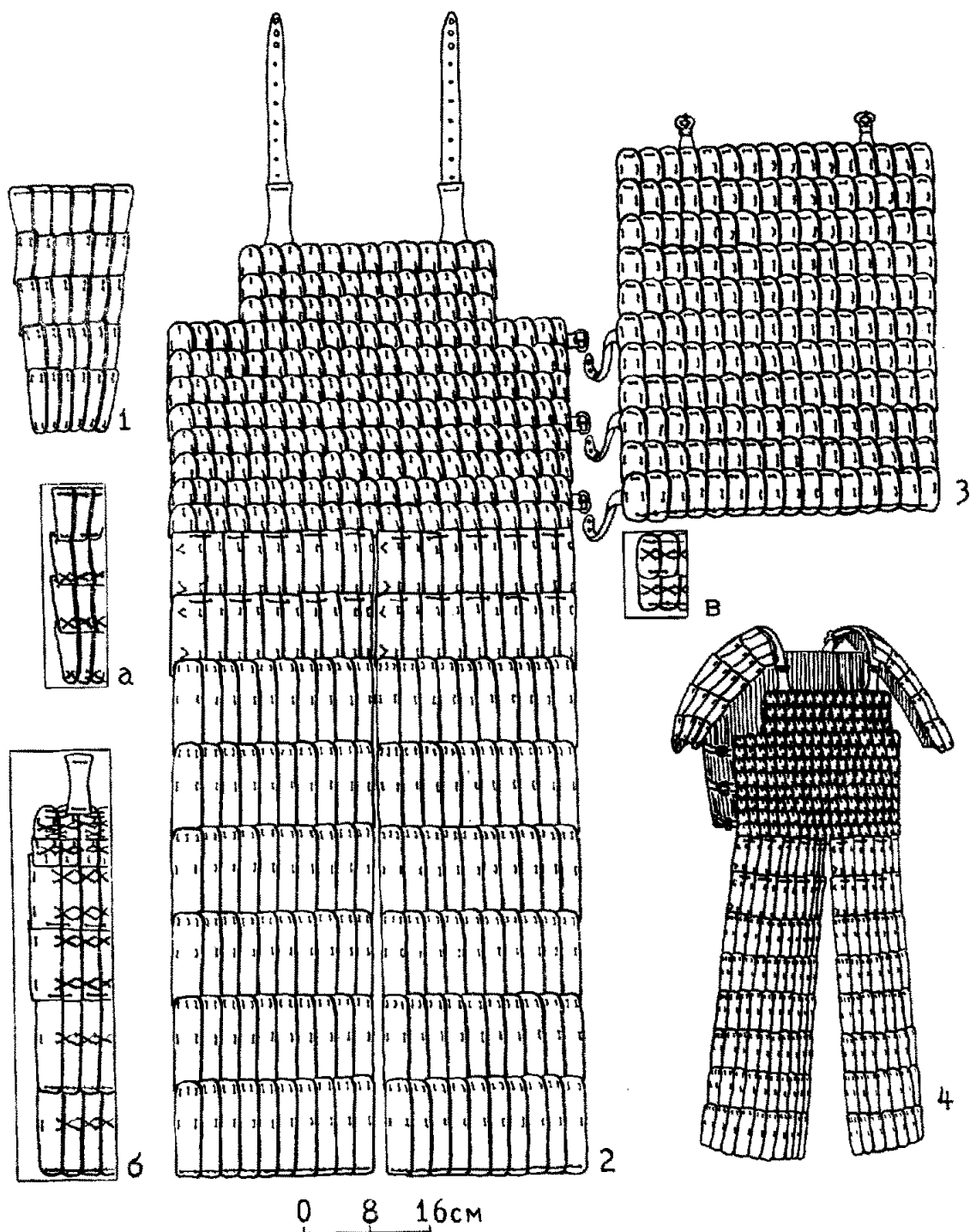

Рис. 6. Реконструкция панциря из могилы 1969 г.: 1 – крепление пластин нарукавника, а) – изнанка нарукавника; 2 – крепление пластин нагрудника и двухчастного подола, б) – изнанка нагрудника и подола; 3 – крепление пластин наспинника, в) – изнанка наспинника; 4 – крепление отдельных частей панциря между собой

гольные с поджатием, фигурнопрорезные, 1 экз. (рис. 3-13). Подтип Б – с кольцевым упором. Вариант б). Тип 3 – треугольные асимметричноромбические выпуклые, прорезные круглые, 1 экз. (рис. 3-15). Подтип В – с шейковым упором. Вариант б). Отдел 2 – ромбические. Тип 4 – вытянуторомбические, 1 экз. (рис. 3-16). Подтип А. Вариант б). Отдел 3 – листовидные. Тип 5 – листовидные, 1 экз. (рис. 2-3). Подтип В. Вариант в) – круглые. Раздел 2 – линзовидные. Отдел 1 – ромбические. Тип 6 – вытянуторомбические, 1 экз. (рис. 3-17). Подтип Г – без упора. Вариант г) – прямоугольные. Тип 8 – ромбические, 1 экз. (рис. 3-18). Подтип Г. Вариант г). Группа 2 – костяные. Раздел 1 – четырехгранные. Отдел 1 – пятиугольные. Тип 1 – треугольные, 1 экз. (рис. 3-19). Согласно типологии ярусных наконечников стрел, разработанной С. В. Неверовым и Ю. Т. Мамадаковым, типы 1, 2 нашего собрания относятся к южносибирской, а тип 3 к хуннской традициям [11, с. 126, 127]. По пропорциям и деталям оформления наконечников стрел типов 1, 2 датируются III-V вв. н. э. [11, с. 132]. Наиболее близки им экземпляры из Степного Чумыша [16, с. 141, рис. 1-3, 4]. Существование типа 3 относится к I-III вв. н. э. по аналогиям с наконечниками стрел из Горного Алтая [11, с. 131, рис. 2-9]. Ярусный наконечник стрелы хуннской традиции известен из БЕ-14 [6, табл. XXXVIII-15]. Типы 4-7 и костяной наконечник датируются концом I тыс. до н. э. – первой половиной I тыс. н. э. по аналогиям из памятников Верхней Оби и сопредельных территорий [19, рис. 5-7, 11, 12; 3-2, 6, 7; 25-8-12; 36-3-6; 6, табл. XLI-4; 16, рис. 5-9, 12].

Наконечник копья относится к группе железных, имеет линзовидное сечение пера, длина которого 6 см. Силует пера вытянуторомбической формы. Ширина в месте преломления боковых граней 2,3 см. Перо через прямоугольную в сечении шейку переходит в сомкнутую втулку длиной 14,2 см. Диаметр втулки у основания 2,3 см (рис. 2-1). Копья с аналогичными наконечниками известны в памятниках Горного Алтая, IV-V вв. н. э. [4, с. 57, рис. 4-4, 5] и позднее [19, рис. 67-7].

Защитный доспех представлен одним видом – панцирем, точнее, набором железных панцирных пластин (рис. 4, 5). Часть фрагментов была склеена автором в целые пластины. После удаления с поверхности пластин патины ржавчины удалось установить подлинное число отверстий. Всего получился 21 экз.: 15 целых (у некоторых разрушены лишь небольшие участки) и 6 фрагментов реконструируемых по своим размерам и расположению отверстий. Толщина пластин 1,5 мм, в сильно коррозированных местах 2-2,5 мм. По форме продольного плоскостного сечения они делятся на типы, по количеству отверстий на варианты. Тип 1 – овальнопрямоугольные, 5 экз. (рис. 4-1-5). Средние размеры 4,7×3 см. Вариант г) – 10 шт. Тип 2 – овальные, 5 экз. (рис. 4-6-10), 5,4×3 см. Вариант б) – 7 шт. Тип 3 – овалнотрапециевидные, 1 экз. (рис. 4-11), 8,1×2,6 см. Вариант в) – 8 шт. Тип 4 – трапециевидные, 2 экз. (рис. 4-12, 13), 7,4×2,6 см. Вариант а) – 4 шт. Тип 6 – вогнутопрямоугольные, 1 экз. (рис. 4-14), 7,8×3,2 см. Вариант а). Тип 6 – прямоугольные широкие, 2 экз. (рис. 5-1, 2), 9×4 см. Вариант д) – 12 шт. Тип 7 – прямоугольные длинные, 2 экз. (рис. 5-3, 4),

12×3,2 см. Вариант е) – 13 шт. Тип 8 – изогнутопрямоугольные, 3 экз. (рис. 5-5-7), 7,8×2,8 см. Вариант в). Весь набор пластин происходит от одного панциря. Это подтверждается помещением их при погребении в одно место, в чаше. Положен был лишь фрагмент целого доспеха в разобранном виде. Типологическое разнообразие форм пластин и количества отверстий в них говорят о разном размещении их в составе панциря. Такой набор мог присутствовать только в полном доспехе покроя катафракты. Располагались пластины длинной стороной по вертикали. Реконструкция троичного панциря, сделанная Ю. С. Худяковым [19, рис. 90], по структуре набора и крепления пластин, на наш взгляд, неверна. Данный панцирь был ламеллярным, его пластины набирались по принципу «снизу вверх», а не «чешуей», и крепились при помощи ремешков между собой, а не пришивались к мягкой основе. Об этом свидетельствуют подробные изображения такого вида доспеха и целые экземпляры панцирей [12, рис. 11; 5, рис. 1-3]. Покрой троичного панциря целесообразно восстановить по изображениям воинов в доспехах из Тепсея-III, склеп 1 [9, рис. 60-6, 61-4]. Автор изготовил копии пластин всех типов, на которых были проверены способы соединения пластин ремешками и подсчитано необходимое число пластин для полного панциря на мужчину нормального телосложения. Состав панциря: 1) нагрудник набирался из пластин 1 типа – 207 шт. (рис. 6-2 б). Наиболее частое крепление; 2) наспинник из пластин 2 типа – 176 шт. (рис. 6-3 в). Менее частое крепление; 3) двухчастный подол из пластин 6, 7 типов – 160 шт. (рис. 6-2 б). Мог быть короткополым до колен [9, рис. 60-6, 5] и длиннополым по голень [9, рис. 61-4, 5]; 4) два нарукавника из пластин 3, 4, 8 типов – 60 шт. (рис. 6-1 а). Закрывали руки до локтей [9, рис. 60-6, 1, 2; 61-4, 5]. Части панциря соединялись оплечными и боковыми ремнями (рис. 6-4). Пластины 5 типа предохраняли свободную часть оплечных ремней (рис. 6-2). На весь панцирь необходимо 605 пластин. Судя по изображениям, такие доспехи могли иметь защитный воротник (например, из пластин 8 типа) [9, рис. 61-4, 5] или ламеллярные бармицу и шлем (из пластин 1, 2 типов) [9, рис. 60-1, 2]. На Верхней Оби панцирные доспехи известны из Татарских могил, могила 4, IV-V вв. н. э. [16, рис. 7; 17, рис. 1], где они представлены нагрудниками из горизонтальных пластин, а также в БЕ-14, могила 37 [6, табл. XLI-11] и на оз. Большой Иткуль, Городище-3 (ров), III-IV вв. н. э. [1, с. 107; 2, с. 58, рис. 36-4], где найдено по одной вертикальной пластине. Ламеллярные вертикальные панцири, близкие троичному, есть в памятниках Семиречья, I-V вв. н. э. [8, с. 92-97, рис. 8-10] и Кобадана, IV-V вв. н. э. [13, с. 60, табл. 1-6].

Согласно приведенным аналогиям грунтовый могильник ТЕ-1 можно датировать III-V вв. н. э. Нижняя граница определяется наконечником стрелы 3 типа и серией предметов, появляющихся не ранее III в. н. э. Это наконечники стрел 1, 2 типов, гривны, пряжка. Верхняя граница очерчена предметами, неизвестными после V в. н. э., – наконечники стрел 1, 2, 4-7 типов, гривны, серьги 2 типа. Автор не исключает в перспективе ограничение верхней даты IV в. н. э., т.к. часть предметов из ТЕ-1 завершает свое существование (пряжка) либо наоборот появ-

ляется (керамический сосуд, наконечник копья, ножи 4 типа) в этом веке.

С точки зрения этнокультурной принадлежности нужно отметить:

1. Погребальный обряд указывает на связь ТЕ-1 с фоминскими памятниками позднекулайской культуры [6; 20, с. 44].

2. Инвентарь из ТЕ-1 по облику аналогичен материалам переходных и раннеодинцовских памятников [6; 15].

3. Очевидно, могильник ТЕ-1 следует отнести к переходному периоду от кулайской к одинцовской культуре. В этой связи он отражает процесс сосуществования населения двух культур с дальнейшей трансформацией в сторону одинцовской культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдулганесов М. Т., Казаков А. А. Верхнеобские памятники Иткульских озер // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 104-108.
2. Абдулганесов М. Т. Отчет об археологических раскопках на оз. Большой Иткуль Алтайского края в августе 1988 года. Барнаул, 1989. 120 с.
3. Васютин А. С., Елин В. Н. О хронологических границах Кок-Пашского археологического комплекса из Восточного Алтая // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987. С. 85-90.
4. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965. 144 с.
5. Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX-пер. пол. IV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 163-208.
6. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. 265 с.
7. Казаков А. А., Исупов С. Ю. Керамический комплекс городища Бехтемир // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 109-112.

8. Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 75-106.

9. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1980. 167 с.

10. Кубарев В. Д., Черемисин Д. В., Киреев С. М. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 43-95.

11. Невсров С. В., Мамадаков Ю. Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 121-135.

12. Новгородова Э. А., Горелик М. В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и Античный мир. М., 1980. С. 101-112.

13. Седов А. В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. М., 1987. 200 с.

14. Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 124 с.

15. Троицкая Т. Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 101-120.

16. Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 136-150.

17. Уманский А. П., Горбунов В. В. Реконструкция вооружения воинов верхнеобского правобережья в IV-V вв. н. э. // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 161-165.

18. Худяков Ю. С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX-X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 115-132.

19. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 286 с.

20. Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 135-153.

А. А. Тишкин

АВАРИЙНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ШЕПЧИХА-1

Летом 1991 г. Юго-Западной археологической экспедицией Алтайского госуниверситета в Змеиногорском районе Алтайского края на территории совхоза «25 лет Октября» были проведены аварийные археологические раскопки курганной группы Шепчиха-1, попадающей в зону строительства проектируемого орошаемого участка.

Памятник был обнаружен сотрудником лаборатории археологии В. Б. Бородаевым в 1981 г. при проведении разведочных работ. Им было зафиксировано 11 объектов, из которых после проведения раскопок только 8 оказались древними захоронениями, а 3 — природными скальными выходами.

Курганный могильник Шепчиха-1 находился на гребне холма, между речками Ближняя и Дальняя Шелчиха, на поле многолетних трав в 2,5-3,5 км к юго-юго-западу от с. Локоток (рис. 1-9). Курганы, сооруженные из рваных камней, щебня, гравия, земли, поросшие низкой степной растительностью и мелким кустарником, были расположены цепочкой по линии юг-север. Каменно-земляные насыпи округлой формы диаметром от 5 до 14 м, высотой от 0,2

до 0,85 м, имели в центре западины следы грабительских ям.

Следует объяснить некоторое различие в наименовании курганной группы и близлежащих рек. Ошибка вошла из-за неточного воспроизведения названия той и другой реки при первоначальном обследовании.

КУРГАН 1. Находился на краю поля в 180 м от дороги, которая разграничивает посевы с юга. До полевой дороги, ведущей в с. Локоток, на восток 170 м, до р. Ближняя Шелчиха — 380 м (рис. 1-9). Курганная насыпь округлой формы диаметром около 10 м, высотой 0,27 м представляла собой каменную наброску. На фоне однообразной массы рваных камней по краям выделялись более крупные валуны, сдвинутые, по всей видимости, при распашке, которые составляли, вероятно, какую-то кольцеобразную конструкцию. При разборке насыпи (в 1-2 слоях камней) были найдены фрагменты костей животного (ребра лошади?). Под западиной, почти в центре кургана, обнаружен контур могилы овальной формы длиной 2,5 м, шириной 1,7 м. Могила, вырытая в ма-

терике (плотный белый гравий с различными вкраплениями), ориентирована по линии запад-восток с небольшим отклонением к востоку. На глубине 1,51 м (все глубины брались от 0 – высшей точки насыпи кургана) обнаружены лежащие в беспорядке среди сгнившего дерева кости мужчины в возрасте около 30 лет (все антропологические определения сделаны А. Р. Кимом), а также 2 целых и 2 обломанных сильно окислившись железных наконечника стрел (рис. 1-1-4). Наличие большого количества остатков бревен говорит о том, что, по-видимому, имело место какое-то внутримогильное сооружение (перекрытие?). Наиболее вероятная ориентация погребенного – головой на восток, т.к. часть костей сохранила свое первоначальное положение. Курган сильно потревожен грабителями, метод вскрытия захоронения которых был прост: в центре колодцем вырывался лаз, погребение разрушалось, наиболее ценные вещи забирались.

КУРГАН 2. Насыпь имела диаметр около 6,5 м, высоту 0,16 м (рис. 1-10). Среди камней найдены обломки плохо обожженного керамического сосуда, который частично можно было реконструировать (рис. 1-8). Могильное пятно овальной формы длиной 2,8 м, шириной 1,9 м обнаружено в центре кургана под западиной. В заполнении могильной ямы – мешаная земля темного цвета, гравий, щебень, камни, отдельные плохо сохранившиеся человеческие кости (ребра, позвонки и др.). Стенки могилы сужались ближе ко дну. Специально в центре могилы была вырыта погребальная камера, уступы которой были основанием для сооружения деревянного перекрытия, остатки которого мощностью до 10-12 см хорошо просматривались особенно по краям (рис. 1-10).

Кости погребенной женщины 40-50 лет находились в беспорядке на глубине 2,1 м, ориентация была, скорее всего, головой на восток, т.к. в восточной части погребальной камеры найдены остатки черепа, а в западной – остатки нижних конечностей. Судя же по длине и ширине погребальной камеры, можно предположить, что погребенная была уложена вытянуто на спине. Среди разбросанных костей зафиксированы фрагменты бронзовых изделий (рис. 1-5, 6).

КУРГАН 3. После зачистки насыпь представляла собой холм округлой формы диаметром до 12 м, высотой до 0,84 м, сооруженный из земли, оставшейся после закрытия могильной ямы, гравия, щебня, обложен камнями в 3 слоя. По краям наброски находились крупные булыжники, могильное пятно овальной формы, ориентированное по линии запад-восток, длиной 3,05 м, шириной до 2 м обнаружено в центре, под западиной, после снятия каменной наброски. На глубине 1,98 м обнаружено парное захоронение (рис. 2-22). Костяки погребенных потревожены при ограблении, но все же часть костей лежала в анатомическом порядке, по которой можно заключить, что мужчины (30-35 и 40-45 лет) лежали в вытянутом положении на спине головой на восток, руки вдоль туловища. Между ног одного воина была положена пояснично-крестцовая часть барана (все остеологические определения выполнены А. В. Гальченко).

Кости ног лошади были зафиксированы в юго-западном углу могилы, где рядом лежали железные двусоставные удила с перевитыми восьмеркообраз-

ными петлями на концах (рис. 2-21), подпружная пряжка, изготовленная из спицы рога благородного оленя (лося?) со следами естественного красителя, с подвижным язычком (рис. 2-19), трубочка, сделанная из фрагмента диафиза трубчатой кости косули, на одном конце которой 4 отверстия, на другом – орнамент в виде вырезанных по кругу 3 желобков (рис. 2-18). Железные наконечники стрел (рис. 2-11, 22) найдены в центре могилы, рядом с ними лежали 2 обломанные железные скобы (рис. 2-14, 15), железные обоймы для крепления деревянных ножен (рис. 2-12, 13), а также 2 железные заклепки (рис. 2-16, 17). Между бедренными костями скелета, лежащего ближе к северной стенке могилы, среди железных предметов найден кусочек халцедона (рис. 2-20, 22).

При рытье могильной ямы по западному, юго-западному краю могилы был зафиксирован оставленный уступ шириной до 55 см.

КУРГАН 4. При снятии дерна, в западной части раскопа, рядом с бровкой на глубине 0,14-0,16 м обнаружены кости и зубы лошади, а в восточной части на глубине 0,65 м при снятии каменной наброски найден обломок железного палаша (рис. 3-1; 4-1). Курганная насыпь, сооруженная из булыжников, мешаной земли и гравия, имела холмообразную подокруглую форму диаметром около 9 м, высотой 0,43 м, с западной в центре диаметром до 4 м. Среди общей массы однообразных небольших рваных камней на зачищенной поверхности выделялось сооружение в виде оградки подквадратной формы (5,8x5,5 м) из глыб и плит (рис. 3-1, 2). Под камнями насыпи в центре кургана обнаружен костяк лошади (возраст от 1,5 до 2 лет, высота в холке 128-136 см – группа ниже средних по росту). Задняя часть костей разрушена и частично разбросана грабителями. Постав у лошади неправильный (размет). Бракованность, по-видимому, послужила причиной того, что животное было принесено в жертву.

Под костями лошади четко просматривался контур могильной ямы, ориентированный по линии запад-восток, длиной 2,5 м и шириной 1,75 м, ее форма близка к овальной. Могила находилась в центре оградки, которая стенками была ориентирована (с небольшими отклонениями) по сторонам света (рис. 3-2).

В заполнении могильной ямы встречена мешаная земля, гравий, щебень, камни, кости животного и человека. Стенки могилы сужались ближе ко дну, где на глубине 2,18-2,3 м зафиксировано погребение мужчины 25-30 лет, который лежал в вытянутом положении, на спине, головой на восток (рис. 3-4). Сохранность костей очень плохая. При погребенном находились: железные наконечники стрел (рис. 1-2-4), а также слева от черепа, над плечом, сильноокислившийся и разрушающийся комок железных наконечников стрел, которые, по всей видимости, лежали в колчане (рис. 3-4), железная круглая пряжка с подвижным язычком (рис. 4-6), 2 одинаковые железные заклепки (рис. 4-7), на уровне пояса – железная обойма и обломок скобы для крепления ножен (рис. 4-5, 8), обломок черешка железного наступательного орудия (меча, кинжала, ножа?) с остатками деревянных накладок рукояти, закрепляющимися железной заклепкой (рис. 4-9), и остатки кожи. На приступке высотой до 0,2 м (рис. 3-3-5), слева от

погребения человека, в южной части могилы найдены остатки погребенного коня (возраст от 3 до 3,5 лет, постав правильный) (рис. 3-4). По мнению В. И. Цалкина, данная особь относится к среднелобым лошадям, т.е. она – типичный представитель степных лошадей (типа алтайской, якутской, казахской лошади). По В. О. Витту – к группе ниже средних по росту (от 128 до 136 см). На костях задних конечностей и рядом лежали рельефные украшения конской сбруи из позолоченной бронзы с растительным орнаментом (рис. 3-4): 4 наконечника ремней (рис. 4-14, 17), сердцевидные бляшки (рис. 4-15, 18), 2 четырехугольные бляшки с сегментовидным выступом (рис. 4-13). Все они имели остатки кожаных ремней, на которые закреплялись с помощью заклепок. Здесь же находилась сердцевидная бляха с выступом, орнаментированная в центре 3 полусферическими выпуклостями с прорезями, а по краям – 2 мелкоорассеченными валиками (рис. 4-12). Крепилась эта бляха на ремень с помощью шпеньков и фиксировалась с обратной стороны железной пластиной такой же формы (рис. 4-12).

Рядом с ребрами коня лежали: накладка, орнаментированная кружками по периметру, сделанная из спицы рога благородного оленя, в ней имелись отверстия для крепления, а на одном краю – 3 вырезанных желобка (рис. 4-19), бронзовая застежка (рис. 4-11), роговая подпружная пряжка (рис. 4-10). Отдельно на приступке лежало железное стремя (рис. 4-16).

Захоронение воина с конем было частично потревожено и ограблено. Отсутствует передняя часть коня, который был уложен, судя по оставшимся костям задних конечностей, на правый бок и ориентирован в ту же сторону, что и человек, – на восток (рис. 3-4). Сохранность костей плохая, череп человека раздавлен, органические остатки встречаются почти по всей площади дна могилы.

КУРГАН 5. Запахивался, имел округлую форму диаметром около 9 м, высотой 0,22 м. В центре – западина. Насыпь сооружена из мешаной земли, обложенной в 2 слоя рваным камнем. Между камней наброски были найдены челюсть и зубы лошади. Контур могилы овальной формы обнаружен на глубине 0,78 м. В заполнении могильной ямы, вырытой в слое очень плотной светло-коричневой глины, встречены среди мешаной земли человеческие кости. На глубине 1,3 м обозначилось дно могилы, где лежали в беспорядке кости женского скелета плохой сохранности. Инвентарь отсутствует.

КУРГАН 6. Находился на вершине холма и имел расплывчатую форму, близкую к округлой. Диаметр до 10,5 м, высотой 0,6 м. В центре западина около 4 м – следы неудавшегося ограбления. Камни кладки уложены в 3 слоя. При снятии насыпи обнаружены фрагменты костей животных и железный наконечник стрелы (рис. 5-9). Контур могильного пятна овальной формы, слегка вытянутый по линии на запад-восток, длиной 2,5 м, шириной 1,9 м, обнаружен в стороне от предполагаемого центра, ближе к северу. Скелет погребенной женщины 30-35 лет лежал в центре могилы, в небольшом углублении, в анатомическом порядке. Дно могильной ямы было утрамбовано, фиксировались остатки савана (тонкая истлевшая кожа). Покойная погребена в вытянутом положении на спине, головой на восток, руки вдоль

туловища. Часть левой руки (локтевая, лучевая кости и кисть) смещены грызуном к восточной стенке могилы (рис. 5-9). Сохранность костей плохая. У берцовых костей правой ноги лежали 4 позвоночных и 3 крестцовых позвонка овцы. У правой руки погребенной лежало каменное пряслице и бронзовая пряжка с железным подвижным сильноокислившимся язычком (рис. 5-2), 2 железные пластины (рис. 5-5) и бронзовые серьги (рис. 5-3а, б) в виде простого несомкнутого кольца находились слева и справа черепа. Рядом с нижней челюстью лежала роговая застежка (рис. 5-4, 9), а между ключицами серебряная нашивка (рис. 5-6). Восьмерковидные железные стремяна с широкой дужкой для упора найдены рядом с остатками заупокойной пищи (рис. 5-7а, б, 9), а железные двусоставные удила с ложновитыми стержнями и черевитыми восьмеркообразными петлями, с одной стороны с третьим подвижным кольцом, с S-видными псалиями, оканчивающиеся в одном случае с двух сторон «сапожками», а в другом – «сапожком» и «усеченной лопаточкой», имеющими посередине скобу для ремня, обнаружены справа от черепа (рис. 5-8, 9). Последние вещи располагались на небольшой приступке (высотой 3 см). Скелет женщины лежал на глубине 1,46 м. Могила была вырыта в очень плотном слое тяжелой грязно-коричневой глины, стенки ямы вертикальные.

КУРГАН 7. Насыпь из камней, уложенных в 2-3 слоя, имела диаметр до 8,5 м. Под западиной в центре кургана обнаружен контур могильного пятна овальной формы, вытянутый по линии запад-восток длиной 2,36 м, шириной 1,7 м. В заполнении могилы мешаная земля темного цвета, гравий, светло-серый щебень, отдельные кости человека и животного. На глубине 1,76-1,8 м дно могилы, где в беспорядке лежали остатки человеческого скелета и отдельные кости лошади (возраст 3,5 лет и старше). Вещей нет.

КУРГАН 8. Находился неподалеку от кургана 7. Имел округлую форму насыпи диаметром до 8 м, высотой 0,4 м, западину – следы грабительских работ. Насыпь сооружена из рваных камней и булыжников. Могильное пятно расплывчатой формы длиной 2,3 м, шириной до 1,5 м обнаружено в центре кургана после снятия наброски. На дне могилы (глубина 1,56 м) лежали разбросанные отдельные кости человека и лошади. Среди них обнаружены обломки железных сильноокислившихся предметов, один из которых напоминает обойму для крепления на какой-нибудь ремень (рис. 1-7). Такие находки остались, по-видимому, от неоднократного ограбления.

Все описанные курганы были сооружены в разное время. Наиболее древним, на наш взгляд, является курган 2, который по элементам погребальной конструкции, обряду и вещам относится к эпохе раннего железного века. Наиболее близкой датированной аналогией кувшиновидному сосуду с плоским дном (рис. 1-8), выброшенному из могилы, является находка из кургана 3 могильника Карболивха Х, исследованного в ходе охранных раскопок зоны Гилевского водохранилища и определяемого IV-III вв. до н. э. [12, с. 98-101]. Вещи, найденные в могиле, являются, по-видимому, обломками женских украшений (рис. 1-5, б) и не противоречат названной дате, т.к. изделия из бронзы очень широко использовались в эпоху ранних кочевников.

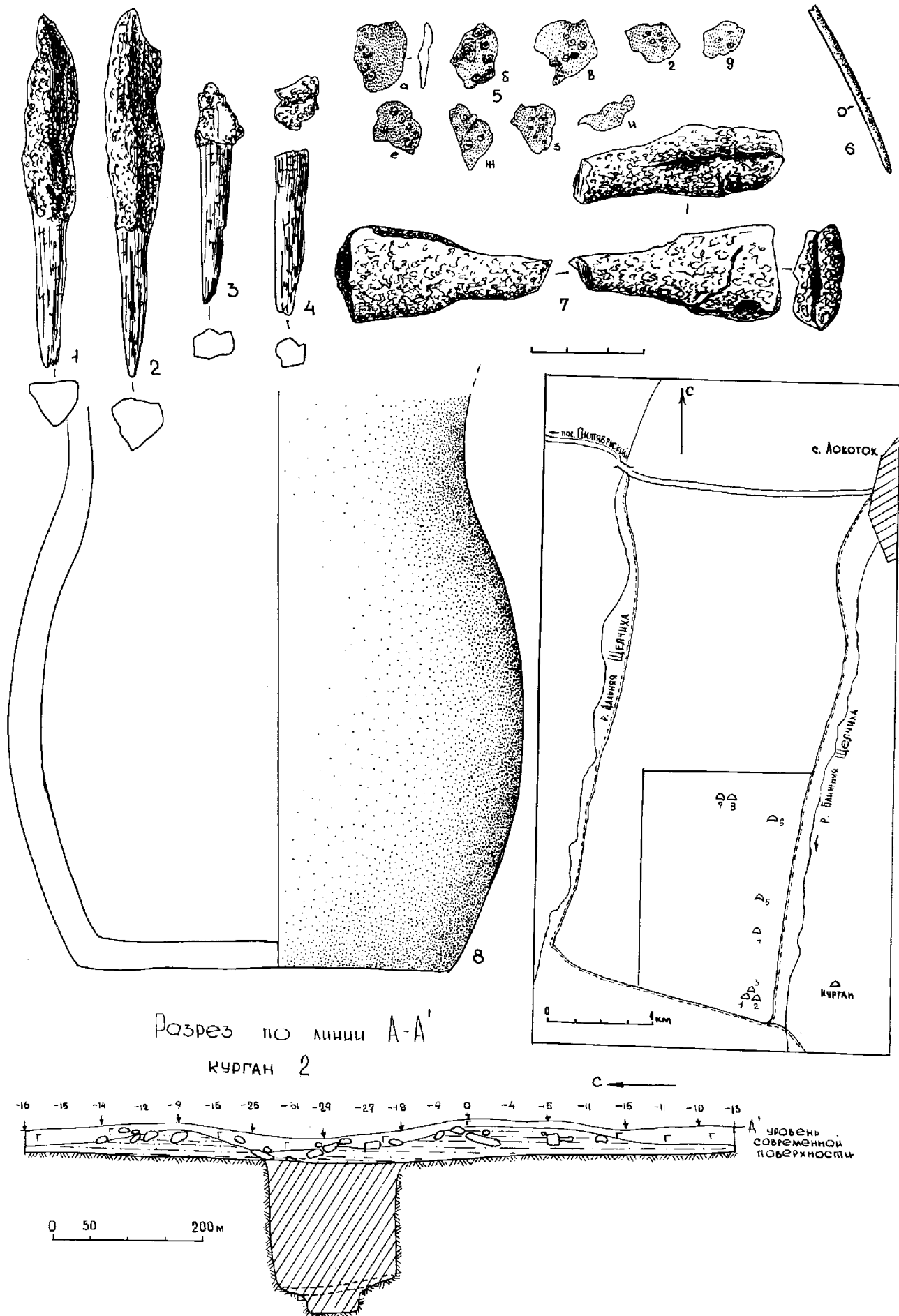

Рис. 1. Щепчиха-1: 1-4 (железо) – курган 1; 5, 6 (бронза), 8 (керамика), 10 (разрез) – курган 2; 7 (железо) – курган 8

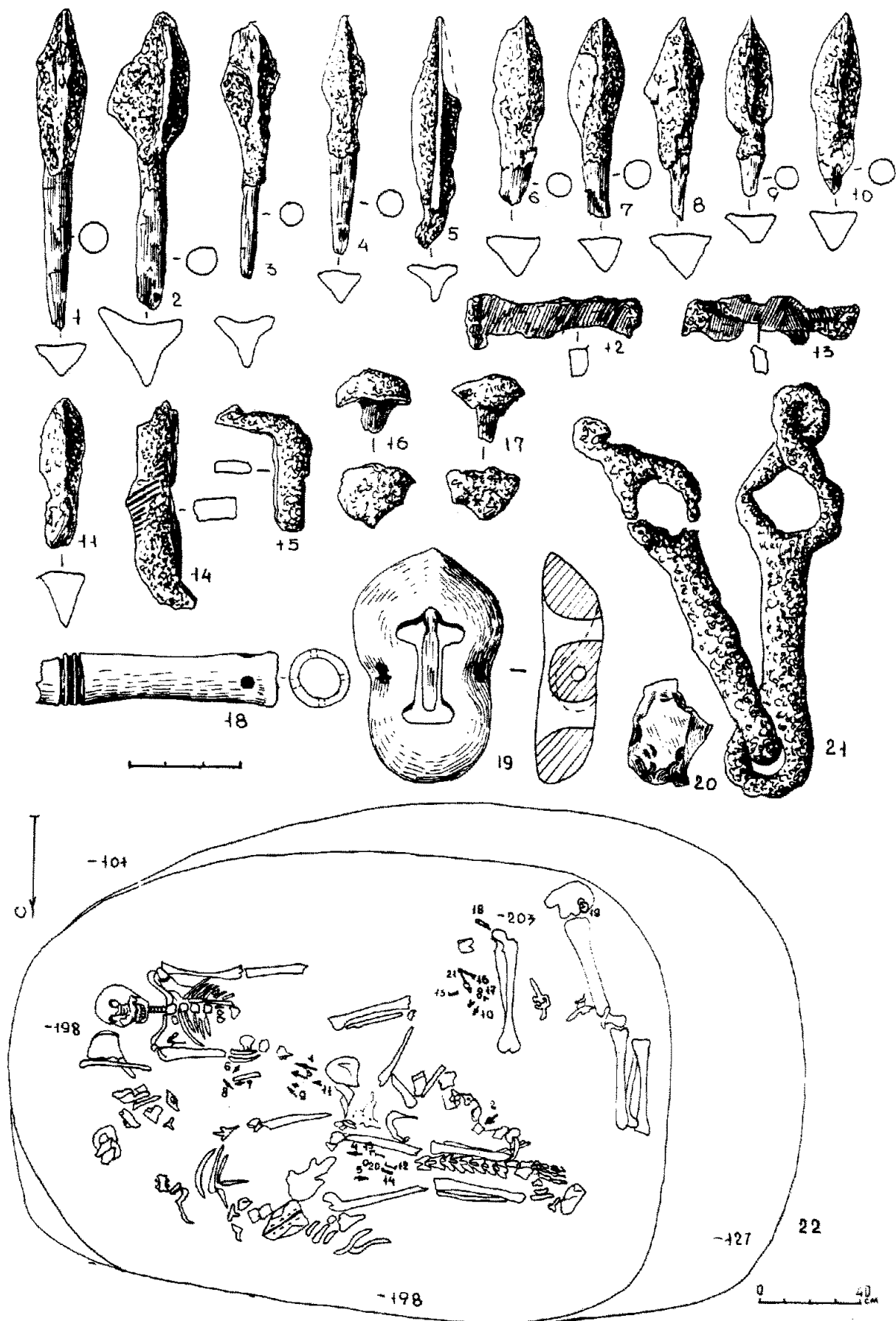

Рис. 2. Щепчиха-I. Курган 3: 1-17, 21 - железо; 18 - кость; 19 - рог, 20 - халцедон, 22 - могила.

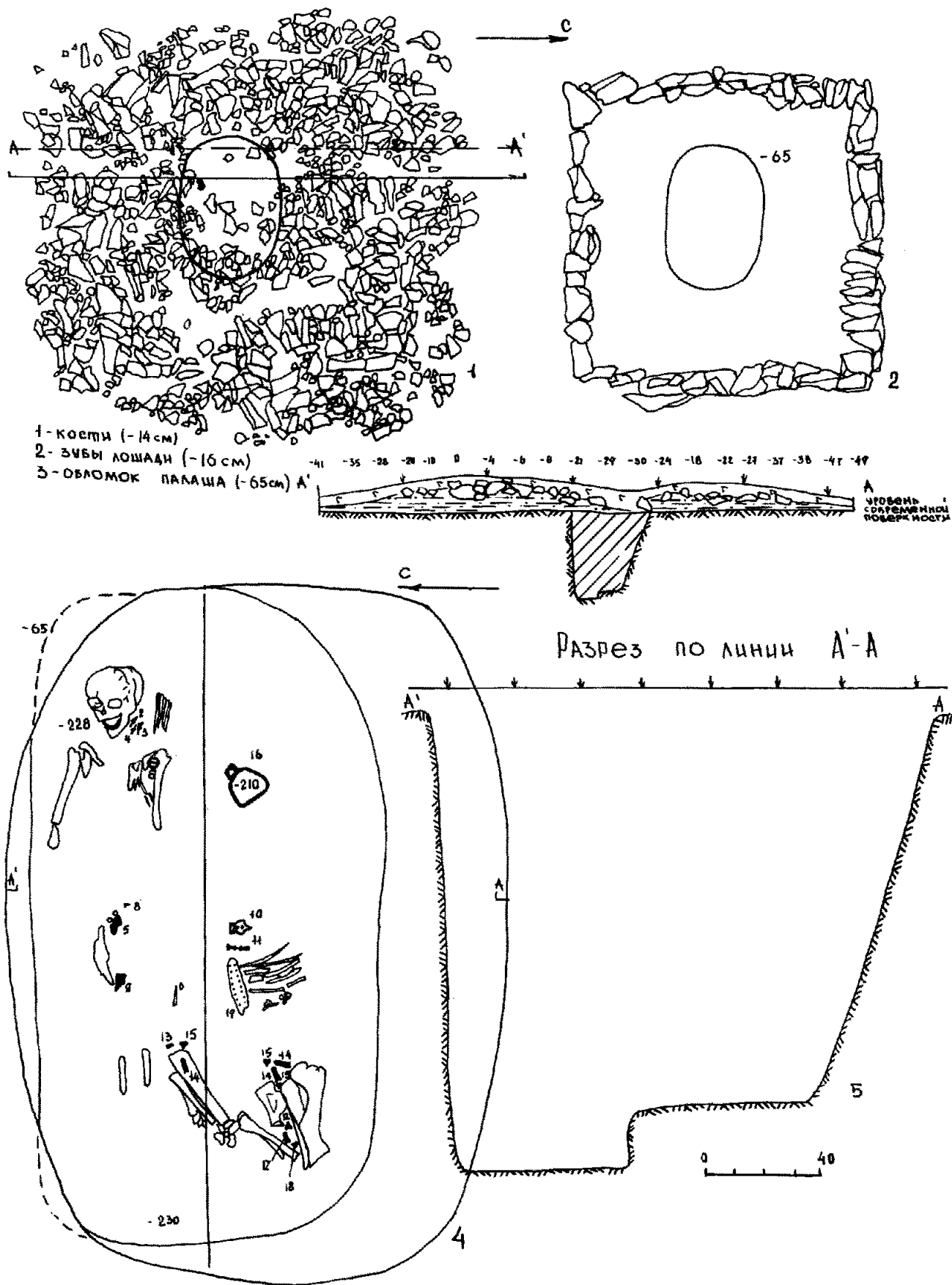

Рис. 3. Щепчиха-I. Курган 4: 1 – насыпь; 2 – ограда; 3 – разрез кургана; 4 – могила; 5 – разрез могильной ямы

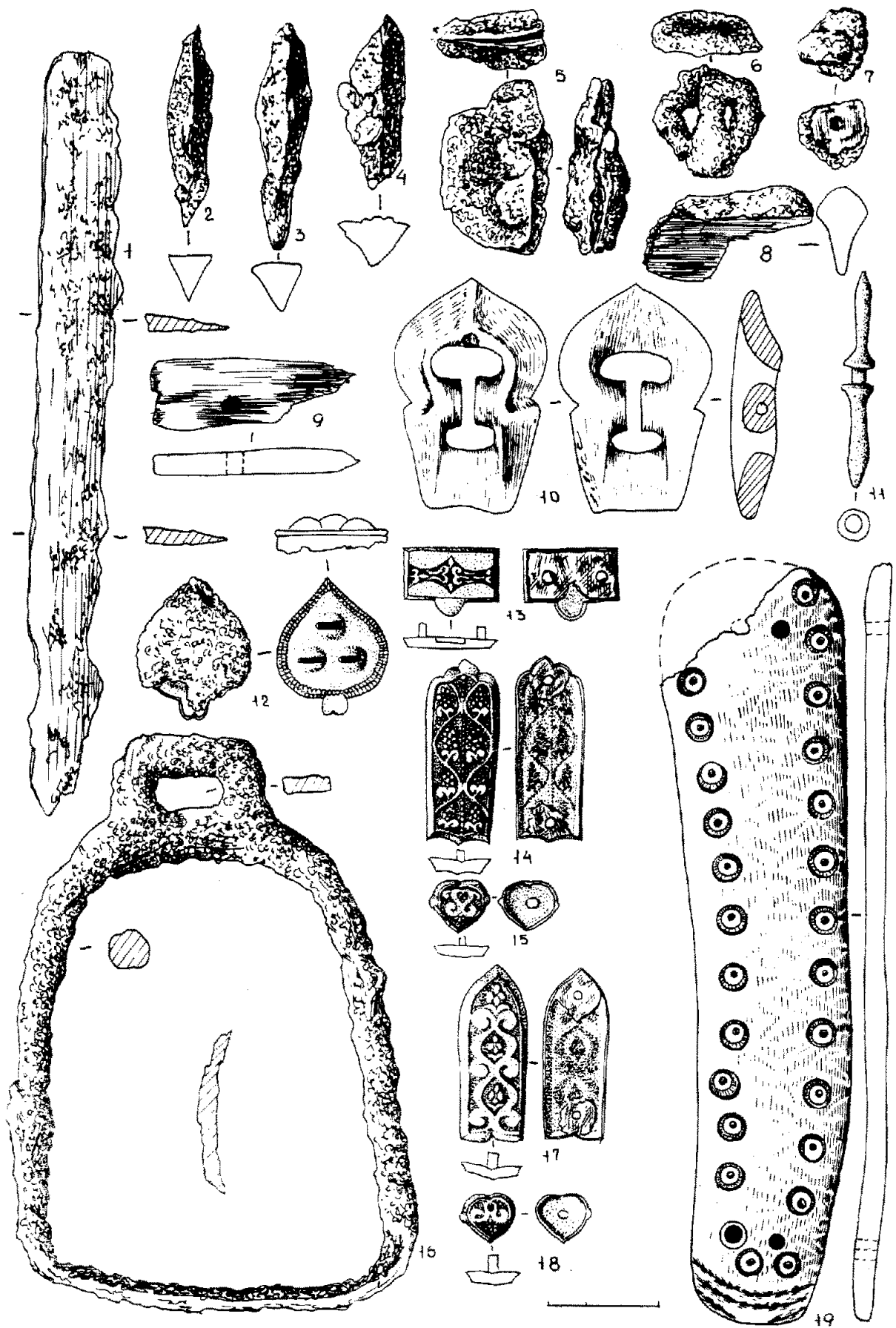

Рис. 4. Щепчиха-I. Вещи из кургана 4: 1-9, 16 – железо; 10, 19 – рог; 12 – позолоченная бронза и железо; 13-18 – позолоченная бронза.

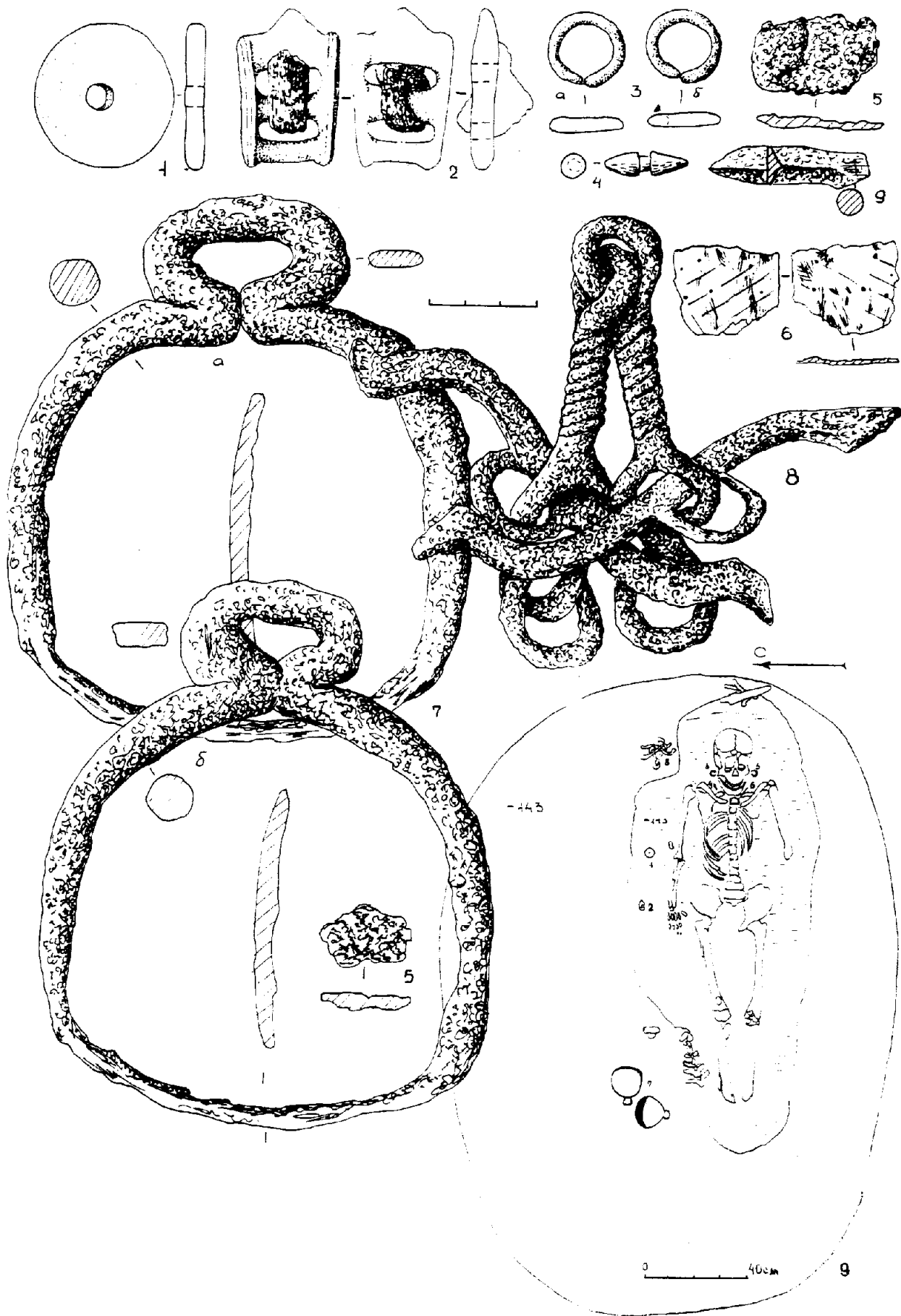

Рис. 5. Щепчиха-1. Курган 6: 1 - камень, 2 - бронза и железо, 3 а, 6 - бронза, 4 - рог; 5, 7, 8, 9 - железо; 6 - серебро, 9 - могила.

Парное захоронение воинов кургана 3 относится, вероятнее всего, к кругу памятников сросткинской культуры VIII-X вв. н. э. и по погребальному обряду, и по найденным вещам, аналогии которых широко представлены в курганных могильниках Камень-2, Сростки. Ближние Елбаны [18, с. 45-46, с. 134-135]. Найденный в могиле кусок халцедона являлся либо заготовкой для использования его в качестве поделочного материала, либо – как талисман или оберег от смерти, болезней, для залечивания ран [5, с. 162-166].

Наиболее вероятной датой сооружения кургана 4, имеющего надмогильную конструкцию в виде подквадратной оградки, выложенной из плит и глыб и обложенной внутри и снаружи землей, булыжниками и рваными камнями, является IX-X вв. н. э. Погребения человека в могиле (вытянуто на спине, головой на восток) с конем, положенным параллельно покойному на приступку к южной стенке могилы, головой в ту же сторону, характерны для кимакских захоронений, найденных на территории северо-западных предгорий Алтая [18, с. 43-45]. Подобный погребальный обряд можно наблюдать и при раскопках захоронений горно-алтайских тюрок, однако анализ вещевого инвентаря заставляет настаивать на вышеприведенной дате. Наиболее близкие аналогии найденным нами вещам имеются в материалах, полученных при аварийных раскопках, проведенных В. А. Могильниковым в зоне строительства Гилевского водохранилища [7; 8; 10], а также в погребениях сросткинской культуры VIII-X вв. н. э.: это железное стремя, украшения конской сбруи, железные трехгранные наконечники стрел, железная круглая пряжка, железные скобы ножен, обломок палаша и др. [18, с. 132-135, рис. 26-11, 38, 51, 77; рис. 27-73, 85, 92, 93]. Роговая подпружная сердцевидная пряжка с острым носиком дужки характерна для IX-X вв. н. э. [13, с. 196-203, рис. 2-10] и копирует форму подобных бронзовых пряжек [4: 18, с. 132, рис. 126-131, с. 135, рис. 27-96]. Бронзовая застёжка (рис. 4-11) подобна аналогичным костяным изделиям и выполняла аналогичные функции: приторачивание груза к седлам и использование ее для пуга [4, с. 142, рис. 1-7].

Очень интересна находка роговой накладки, украшенной по периметру циркульным орнаментом и имеющей отверстия для крепления к чему-либо (рис. 4-19). Применение ее однозначно определить трудно: могла быть украшением или конструктивной деталью колчана [16, с. 81-96, рис. 1-3], седла, т.к. пластина находилась рядом с ребрами коня и подпружной пряжкой, а известно, что края седельных луков оббивались костяными кантами, украшенными циркульным орнаментом [18, с. 44-132, рис. 26-13; С. 98-99, табл. XXI], а может быть и обкладкой ножен меча, выгашенного в результате ограбления. Стоит отметить, что наша накладка подобна так называемым бытовым предметам впускных захоронений из Хоперского могильника в Прикубанье [3, с. 180-182-189, рис. 9-8, 9].

Бронзовые с позолотой наконечники ремней, маленькие сердцевидные бляшки конской сбруи по формам, техническим приемам исполнения, мотивам и типам орнамента схожи с металлическими изделиями тюхтятской культуры IX-X вв. [3, с. 95-157; 18, с. 56, рис. 33 и др.].

Единственное погребение, которое оказалось нетронутым грабителями, находилось в 6 кургане могильника. Определить дату сооружения захоронения не вызывает большого труда, всем найденным в могиле вещам имеются аналогии в средневековых погребальных комплексах Алтая и сопредельных территорий. Наиболее характерное украшение женщины – серьги в виде простого несомкнутого кольца из бронзы – использовалось в VIII-X вв. н. э. [18, с. 41-123, рис. 19-117 и др.]. Найденный каменный кружок с отверстием посередине определен нами как пряслице, также аналогичные предметы называет Д. Г. Савинов [17, с. 134-135], однако некоторые исследователи считают, что для погребений тюрок пряслица не характерны [11, с. 56], и можно рассматривать такие и подобные вещи как застёжки [1, с. 61; 11, рис. 17], хотя не исключена возможность двойного использования таких изделий [11, с. 156].

Железные восьмерковидные стремена с широкой дужкой для упора, железные удила с S-видными псалиями и другие вещи широко встречаются в захоронениях Саяно-Алтая конца VIII-IX вв. н. э. [18, с. 40, 122, 123, рис. 19; 130, 132, рис. 24-4, 8, 9, рис. 26-12, 19-20 и др.].

Что касается других раскопанных объектов памятника, то курганы 1, 8 можно, по-видимому, определить лишь широкими хронологическими рамками VI-X вв. н. э., а остальные (курганы 5, 7) ввиду сильного разрушения и отсутствия вещевого инвентаря датировать затруднительно.

Таким образом, материал, полученный в ходе аварийных археологических раскопок, позволяет дополнить имеющуюся информацию для дальнейшего, более конкретного изучения истории древних племен, проживавших на территории северо-западных предгорий Алтая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории Алтайских племен. М.-Л., 1965. 156 с.
2. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. 226 с.
3. Игнатов В. Н., Скрипкин А. С. Комплексы сарматского времени из Прикубанья // СА. 1988. № 3. С. 157-197.
4. Кирюшин Ю. Ф., Невсров С. В. Материалы двух погребений конца 1 тыс. н. э. с Верхнего Приобья // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 137-142.
5. Корнилов Н. И., Солодова Ю. П. Ювелирные камни. М., 1982. 238 с.
6. Кызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990. 216 с.
7. Медникова Э. М., Могильников В. А., Уманский А. П. и др. Работы Алейской экспедиции // АО 1974. М., 1975. С. 222-223.
8. Могильников В. А., Конников Б. А., Лунев Б. В. Алейская экспедиция // АО 1972. М., 1973. С. 229-230.
9. Могильников В. А., Конников Б. А., Литвинович Н. С., Шнырев В. П. Алейская экспедиция // АО 1973. М., 1974. С. 213-214.
10. Могильников В. А. Работы на Верхнем Алее // АО 1976. М., 1977. С. 224.
11. Могильников В. А. Древнетюркские курганы Кара-Коба 1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 137-185.

12. Могильников В. А. Курганы раннего железного века Карболиха X // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 95-102.
13. Неверов С. В. Костяные пряжки сросстинской культуры (VIII-X вв. н. э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 192-206.
14. Неверов С. В. Курган конца I тыс. н. э. могильника Рагозиха 1 на Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 112-116.
15. Неверов С. В. Удила средневековых хакасов на Алтае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 141-145.
16. Савин А. М., Семсенов А. И. Колчан древнетюркского времени из Монгун-Тайги // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 81-96.
17. Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. 213 с.
18. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. 302 с.

А. Л. Кунгуров, В. В. Горбунов

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ УШЛЁП-5

Поселение Ушлёт-5 обнаружено А. Л. Кунгуровым в 1989 г. Оно расположено на 15-40-метровом мысе правого борта долины р. Ушлёт, плавно опускающемся от водораздельного кряжа. Культурный слой памятника находится непосредственно под дерном и имеет мощность до 0,25 м. Он сильно нарушен дорогой, проходящей по северному краю мыса, и сыпью карьера (рис. 1). Оконечность мыса полностью уничтожена. При обследовании памятника была зафиксирована кладка очага, над которой разбит раскоп площадью около 65 кв. м, ориентированный по сторонам света. В результате исследовано жилище и площадка вокруг него. К сожалению, южная часть жилища разрушена карьером, в том числе, видимо, и выход. Поэтому площадь жилища точно восстановить невозможно. Сохранившаяся часть имеет подпрямоугольные очертания. Глубина котлована, видимо, около 0,5 м, но его контур прослеживался только с уровня 0,25 м. Цветом заполнения не выделялось, край жилищного котлована фиксировался по углистой прослойке, покрывающей его стенки и дно. Возможно, жилищная конструкция была сожжена. Отсутствие обугленных остатков каркаса (за исключением обломка доски в кв. Е/5) свидетельствует о съемности жилища или его относительной легкости. Это же подтверждает и отсутствие каких-либо столбовых ям. Посередине исследованного котлована располагался очаг, размерами 1×1,1 м подпрямоугольной формы. По периметру очаг выложен прямоугольными блоками метаморфизированного сланца (им сложен доколь мяса), подогнанными друг к другу. Блоки были установлены по краям небольшого углубления (до 0,07 м у края и до 0,12 м в центре очага). Получившуюся конструкцию заполнили на две трети глиной, так что огонь горел как бы на постаменте, возвышающемся над полом жилища на 10-15 см. Глина внутри очага спеклась и приобрела красный цвет, тем не менее весь проквал легко отделился от материкового дна при разборке очага. По-видимому, плотная прокаленная глина длительное время сохраняла тепло внутри жилища. Находки кусков прокала, перемешанного с древесным углем, в юго-восточной части жилища (кв. Д/5) и в хозяйственной яме (кв. В/6) позволяют предположить, что в ходе функционирования очага он регулярно вычищался и даже менялся глиняная «подушка» внутри прямоугольной каменной выкладки. Интересно, что кроме хорошо прослеженной кучи перекаленной глины в упомянутой яме найден выброшенный сосуд с прокалом (рис. 1-4), видимо, отслуживший свой срок. Здесь же найдены куски керамических шлаков, отличающиеся от прокаленной глины очага, — очевидное свидетельство керамического производства

именно в этом жилище. Это подтверждается и находкой кома неиспользованного керамического теста, завернутого в бересту в яме около северо-восточного угла жилища (кв. ИЗ/6, 7). Вокруг этой ямы также концентрировалась значительное количество раздробленного камня, использовавшегося, похоже, в качестве отошителя при составлении керамического замеса (рис. 1-2). В жилище и прилегающих к нему участках поселения (особенно с северо-востока) найдено очень большое количество обломков керамических сосудов и развалов целых горшков. Часть керамики была смещена в отвалы при устройстве дороги. Кроме того, внутри котлована (квадраты З/4, 5) обнаружена расколота на множество кусков зернотерка, лежавшая вниз рабочей поверхностью, а под ней найден также расколотый курапт. Не исключено, что оба камня сторония жилищной конструкции. В северо-западном углу жилища расплещено погребение (рис. 1-5). Цветового отличия заполнения ямы от окружающего грунта не фиксировалось, поэтому могила найдена при исследовании палеолитического культурного слоя, расположенного ниже. Возможные размеры ямы — 1,75×0,65 м, ориентация — север-юг. Сохранность костей очень плохая. Судя по ним, умерший уложен на спину с вытянутыми вдоль тела руками головой на север. Справа от черепа найдены 2 железных наконечника стрел (рис. 2-1, 2), в районе пояса — железный предмет (рис. 2-3). Глубина могилы 0,6 м от поверхности и 0,2 м от дна жилища. Из-за отсутствия цветовых отличий заполнения ямы определить синхронность жилища и погребения не представляется возможным. Оно могло быть устроено в этом месте и до сооружения жилищного котлована, и после того, как он был покинут и сожжен. Судя по небольшой глубине могильной ямы от дна, предположение об одновременности погребения и жилища можно отбросить, т. к. жизнь в помещении, где под полом на глубину 20 см законан труп, совершенно невозможно. Скорее всего, захоронение совершено перед тем, как жилище было покинуто, что подтверждают и мелкие фрагменты керамики, найденные рядом с костями.

Культурный слой поселения Ушлёт-5, как показала шурфовка выше по мысу, прослеживается еще 100-150 м северо-восточнее карьера и раскопа. Таким образом, мы имеем дело с крупным стационарным поселком, скорее всего, зимнего типа. К сожалению, сравнивать полученный материал, практически, не с чем, т. к. поселений этого времени известно очень мало, а исследованию подвергнуты единичные памятники. По обугленной доске, найденной в

кв. Е/5, получена радиоуглеродная дата 455 ± 25 лет н. э. (СО АН – 2995).

Керамический материал с поселения Ушлёп-5 представлен 2550 фрагментами, не менее чем от 146 сосудов, из которых 13 собрано и 25 частично реконструированы. Сосуды различаются между собой по форме (раздел), по ширине горловины (отдел), по профилированности венчика, шейки плечиков (тип), по орнаментальной композиции (вариант). Вся посуда имеет плоское и уплощенное дно. Есть днища с круглой подножкой по краю (рис. 2-6-8; 3-5). На двух подножках нанесен горизонтальный ряд углублений, сделанных гладкой палочкой (рис. 2-; 3-5).

Раздел I – сковородки, 14 экз. Отдел – большие. Ширина горловины (ш/г) 32 см, высота 9-10 см. Тип I – со слегка отогнутым наружу, скошенным внутрь венчиком; слабовыраженной шейкой и плечиками (рис. 4-7). Вариант а) – венчик рассечен овальными углублениями, имеет 2 бортика – снаружи и внутри. По шейке сосуда нанесен горизонтальный ряд ямок. Тип 2 – с прямым, скошенным наружу венчиком; шейка и плечики отсутствуют (рис. 4-8). Вариант а). Тип 3 – с загнутым внутрь, скошенным наружу венчиком (рис. 4-9). Вариант б) – по верхней части сосуда нанесен ряд ямок. Отдел II – средние. Ш/г 30 см, высота 9-11 см. Тип 4 – с прямым плоским венчиком (рис. 4-10). Вариант в) – венчик рассечен полулунными углублениями, 2 бортика, ряд ямок. Тип 5 – с прямым округлым венчиком (рис. 4-12). Вариант а). Тип 6 – со слегка отогнутым округлым венчиком; слабовыраженной шейкой и плечиками (рис. 4-11). Вариант г) – венчик рассечен овальными углублениями и треугольными насечками по внешнему бортику; 2 бортика, ряд ямок. Тип 7 – с загнутым, скошенным внутрь венчиком (рис. 5-13). Вариант д) – венчик изнутри рассечен углублениями в виде занятой; 1 бортик внутри, ряд ямок. Отдел III – малые. Ш/г 28 см, высота 9-10 см. Тип 8 – со слегка отогнутым, скошенным наружу венчиком, выпукло-вогнутой шейкой (рис. 4-3). Вариант е) – венчик с 2 бортиками, ряд ямок. Тип 9 – со слегка отогнутым, плоским венчиком; вогнутой шейкой; ярковыраженными плечиками, 2 экз. (рис. 4-4). Вариант а). Тип 10 – со слегка отогнутым округлым венчиком; слабовыраженной шейкой и плечиками, 3 экз. (рис. 4-5). Вариант а). Тип 11 – с загнутым, скошенным внутрь венчиком (рис. 4-6). Вариант ж) – венчик изнутри рассечен углублениями в виде палочки, 2 бортика, ряд ямок.

Раздел II – горшки, 25 экз. Отдел I – большие. Ш/г 26, 28, 30 см, высота 20-25 см. Тип 12 – с отогнутым, скошенным внутрь венчиком; высокой выпнутой шейкой; ярковыраженными плечиками (рис. 3-4). Вариант з) – венчик рассечен углублениями в виде занятой, 2 бортика, ряд ямок. По плечикам выступающий валик с зажимами по обеим сторонам. Тип 13 – с отогнутым, скошенным наружу венчиком; высокой прямой шейкой; ярковыраженными плечиками, 2 экз. Вариант и) – венчик рассечен овальными углублениями, 1 бортик, ряд ямок (рис. 5-6). Вариант к) – 1 бортик снаружи, ряд ямок (рис. 5-5). Тип 14 – со слегка отогнутым, скошенным наружу венчиком; вогнутой шейкой; покатыми плечиками (рис. 3-6). Вариант л) – венчик рассечен овальными углублениями, 2 бортика, ряд ямок, валик. Тип 15 – с прямым плоским венчиком; высокой

прямой шейкой; покатыми плечиками (рис. 4-1). Вариант л). Тип – 16 с отогнутым, округлым венчиком; вогнутой шейкой; ярковыраженными плечиками (рис. 5-12). Вариант м) – 2 бортика, ряд ямок. По плечикам широкая полоса в виде выемки. Тип 17 – с прямым, скошенным внутрь венчиком; высокой прямой шейкой; покатыми плечиками (рис. 6-1). Вариант н) – венчик рассечен дугообразными углублениями. По шейке ряд ямок, выше и ниже него – по ряду тройного крупного гребенчатого штампа. Тип 18 – со слегка отогнутым, скошенным наружу венчиком; прямой шейкой; слабовыраженными плечиками (рис. 3-3). Вариант и). Тип 19 – с отогнутым скошенным наружу венчиком; вогнутой шейкой; покатыми плечиками (рис. 3-1). Вариант и). Тип 20 – с отогнутым, скошенным наружу венчиком; высокой вогнутой шейкой; ярковыраженными плечиками (рис. 6-2). Вариант о) – 1 бортик снаружи. По плечикам 3 горизонтальных ряда штампа в виде палочки; к нижнему из них примыкают 4 диагональных ряда, образующих свисающий треугольник. Отдел II – средние. Ш/г 20, 22, 24 см, высота 20 см. Тип 21 – со слегка отогнутым, скошенным внутрь венчиком; выпнуто-вогнутой шейкой; покатыми плечиками (рис. 5-1). Вариант п) – венчик изнутри рассечен овальными углублениями, 1 бортик, ряд ямок. Тип 22 – с отогнутым, скошенным наружу венчиком; высокой вогнутой шейкой; ярковыраженными плечиками (рис. 5-2). Вариант р) – венчик снаружи рассечен овальными углублениями, 1 бортик, ряд ямок. Тип 23 – с отогнутым, плоским венчиком; высокой вогнутой шейкой; ярковыраженными плечиками (рис. 5-3). Вариант к). Тип 24 – с отогнутым, округлым венчиком; вогнутой шейкой; покатыми плечиками (рис. 5-4). Вариант к). Тип 25 – с загнутым, скошенным внутрь венчиком; вогнутой шейкой; покатыми плечиками (рис. 3-2). Вариант с) – венчик изнутри рассечен овальными углублениями, 2 бортика, ряд ямок. Тип 26 – с отогнутым, плоским венчиком; высокой вогнутой шейкой; покатыми плечиками (рис. 6-6). Вариант а). Отдел III – малые. Ш/г 12, 16, 18 см, высота от 19 см и меньше. Тип 27 – с отогнутым, скошенным наружу венчиком; вогнутой шейкой; покатыми плечиками (рис. 5-7). Вариант т) – венчик с наружными насечками в виде дуги, 1 бортик снаружи, ряд ямок. Тип 28 – с отогнутым, плоским венчиком; вогнутой шейкой; покатыми плечиками (рис. 5-8). Вариант е). Тип 29 – с отогнутым, скошенным внутрь венчиком; высокой вогнутой шейкой; покатыми плечиками (рис. 6-5). Вариант а). Тип 30 – с отогнутым, плоским венчиком; высокой прямой шейкой; покатыми плечиками (рис. 6-9). Вариант у) – 1 бортик снаружи, 2 ряда ямок. Тип 31 – с отогнутым, округлым венчиком; вогнутой шейкой; покатыми плечиками, 2 экз. Вариант ф) – венчик рассечен овальными углублениями, 2 бортика, ряд овальных вдавлений (рис. 2-17). Вариант х) – венчик с наружными насечками в виде дуги, 1 бортик снаружи, 2 ряда ямок (рис. 6-10). Тип 32 – с отогнутым, скошенным наружу венчиком; высокой вогнутой шейкой; ярковыраженными плечиками (рис. 2-18). Вариант ц) – венчик рассечен дугообразными углублениями, 1 бортик снаружи, ряд долевидных вдавлений. Тип 33 – с отогнутым, плоским венчиком; покатыми плечиками (рис. 2-16). Вариант ч) – венчик рассечен овальными углублениями, 1 бо-

ртик снаружи, ряд овальных вдавлений. Тип 34 – с прямым венчиком; слабовыраженными шейкой и плечиками (рис. 6-8). Вариант б).

Раздел III – кувшинообразные горшки, 8 экз. Отдел I – большие. Ш/г 28 см, высота 24 см. Тип 35 – с отогнутым, скошенным наружу венчиком; высокой вогнутой шейкой, ярковыраженными плечиками, 2 экз. (рис. 3-5; 4-2). Вариант л). Отдел II – средние. Ш/г 24 см. Тип 36 – с сильно отогнутым, скошенным наружу венчиком; вогнутой шейкой; ярковыраженными плечиками, 3 экз. (рис. 6-3, 4). Вариант у). Отдел III – малые. Ш/г 12, 16, 18 см, высота 16-18 см. Тип 37 – с сильно отогнутым, скошенным наружу венчиком; высокой вогнутой шейкой; ярковыраженными плечиками (рис. 2-7). Вариант щ) – 1 бортик снаружи, ряд ямок. По плечикам 3 горизонтальных ряда округлых вдавлений. Тип 38 – с сильно отогнутым, округлым венчиком; высокой вогнутой шейкой; покатыми плечиками (рис. 2-6). Вариант ц) – 1 бортик снаружи. По шейке 2 горизонтальных ряда округлых вдавлений. По плечикам 5 горизонтальных рядов парных листовидных вдавлений. Тип 39 – с сильно отогнутым, плоским венчиком; высокой вогнутой шейкой; покатыми плечиками (рис. 6-7). Вариант ы) – венчик рассечён углублениями в виде наклонной палочки, 1 бортик, ряд ямок.

Раздел IV – чашки, 3 экз. Отдел 1 – ш/г 10 см, высота 8-10 см. Тип 40 – со слегка отогнутым, плоским венчиком (рис. 5-9). Вариант э) – венчик рассечён овальными углублениями, 2 бортика. Тип 41 – с загнутым, плоским венчиком (рис. 5-10). Тип 42 – с прямым, округлым венчиком (рис. 5-11).

Раздел V – стопка, 1 экз; ш/г 6 см, высота 3 см (рис. 2-5). Из остальной керамики можно выделить: 1 – 37 прямых венчиков: вариант а) – 28 экз. (рис. 2-9), е) 5 экз. э) – 4 экз. 2 – 25 отогнутых венчиков: а) – 20 экз. (рис. 2-11), е) – 1 экз. л) – 1 экз. т) – 2 экз. ю) – венчик изнутри рассечён листовидными углублениями, 1 бортик, ряд листовидных вдавлений (рис. 2-15). 3 – 10 загнутых венчиков: а) – 9 экз. с) – 1 экз. 4 – 11 стенок с рядом ямок, 1 с 2 рядами ямок, 6 с валиком, 1 с выемкой, 1 с рядом ямок и 2 рядами треугольно-овальных вдавлений (рис. 2-10), 1 с 3 рядами листовидных вдавлений (рис. 2-12), 1 с рядом вдавлений в виде палочки (рис. 2-13), 1 с 2 рядами дугообразных вдавлений (рис. 2-14).

Керамический комплекс Ушлэпа-5 своеобразен. Несмотря на то, что большинство форм сосудов (разделы I, II, IV) и элементов орнамента достаточно типичны и распространены на территории Сибири с эпохи раннего железа до позднего средневековья, количественное соотношение форм сосудов в комплексе, присутствие оригинальных форм (разделы III, V), композиционное соединение элементов орнамента затрудняют поиски точных аналогий керамики с Ушлэпа. По ряду признаков она сходна с керамическим комплексом поселения Майма-I [1, с. 52]. Это преобладание хорошо профилированных плоскодонных горшков с прямым, округлым или скошенным срезом венчика. Это орнаментация венчика углубле-

ниями, шейки и плечиков 1, реже 2 рядами ямок, редкость гребенчатого штампа [1; 2]. Подобная керамика также известна из ряда памятников по Бии и нижней Катуни [1, с. 53]. Кроме этого, на Майме-I встречены очаги, идентичные по форме и конструкции очагу из жилища на Ушлэпе (рис. 1) [1; 2].

Остальные находки с поселения Ушлэп-5 буквально единичны: керамическое пряслице округлой формы, овально-подромбическое в продольном сечении. Верхняя его плоскость украшена вкруговую рядами вдавлений в виде палочки (рис. 2-4). Вещи из могилы: железный «крючок» с обломанным стержнем (рис. 2-3); 2 железных трёхлопастных наконечника стрелы, без упора, с круглыми в сечении черешками. Один наконечник имеет вытянуторомбический силуэт пера (рис. 2-1), другой асимметричноромбический (рис. 2-2). Аналогичные наконечники стрел широко известны в хунских памятниках Монголии и Забайкалья [6, рис. 5-2-13], в тесинских и таштыкских Хакаско-Минусинской котловины [6, рис. 16-2, 36-1-6], в кокельских Тувы [6, рис. 25-1-46 17], в кок-пашских Горного Алтая [3, рис. 1-16, 18], в переходных и одиновских лесостепного Алтая [4, табл. X 1-1-3; 5, рис. 5-9]. Они датируются II в. до н. э. – V в. н. э. Позже V в. н. э. наконечники стрел данных форм встречаются уже с иным набором признаков оформления.

Исходя из радиоуглеродной даты, датировки по наконечникам стрел (если считать могилу в жилище синхронной) и аналогии с майминским комплексом, предварительно существование поселения Ушлэп-5 можно отнести к первой половине I тыс. н. э., возможно, ко второй четверти. Свообразие керамического материала объясняется, очевидно, географическим регионом, в котором расположен памятник. Население, проживавшее здесь, находилось в определённой изоляции, что обеспечило самобытность местной культуры, связанной в какой-то степени лишь с предгорьями Алтая, в то время как основная часть лесостепи была заселена пришлыми кулайскими племенами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдулганеев М. Т. Раскопки у Маймы и Енисейского // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 52-53.
2. Абдулганеев М. Т. Майминская культура (предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 3-5.
3. Васютин А. С., Елян В. Н. О хронологических границах Кок-Пашского археологического комплекса из Восточного Алтая // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987. С. 85-90.
4. Грязнов М. П. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. 256 с.
5. Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 136-149.
6. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.

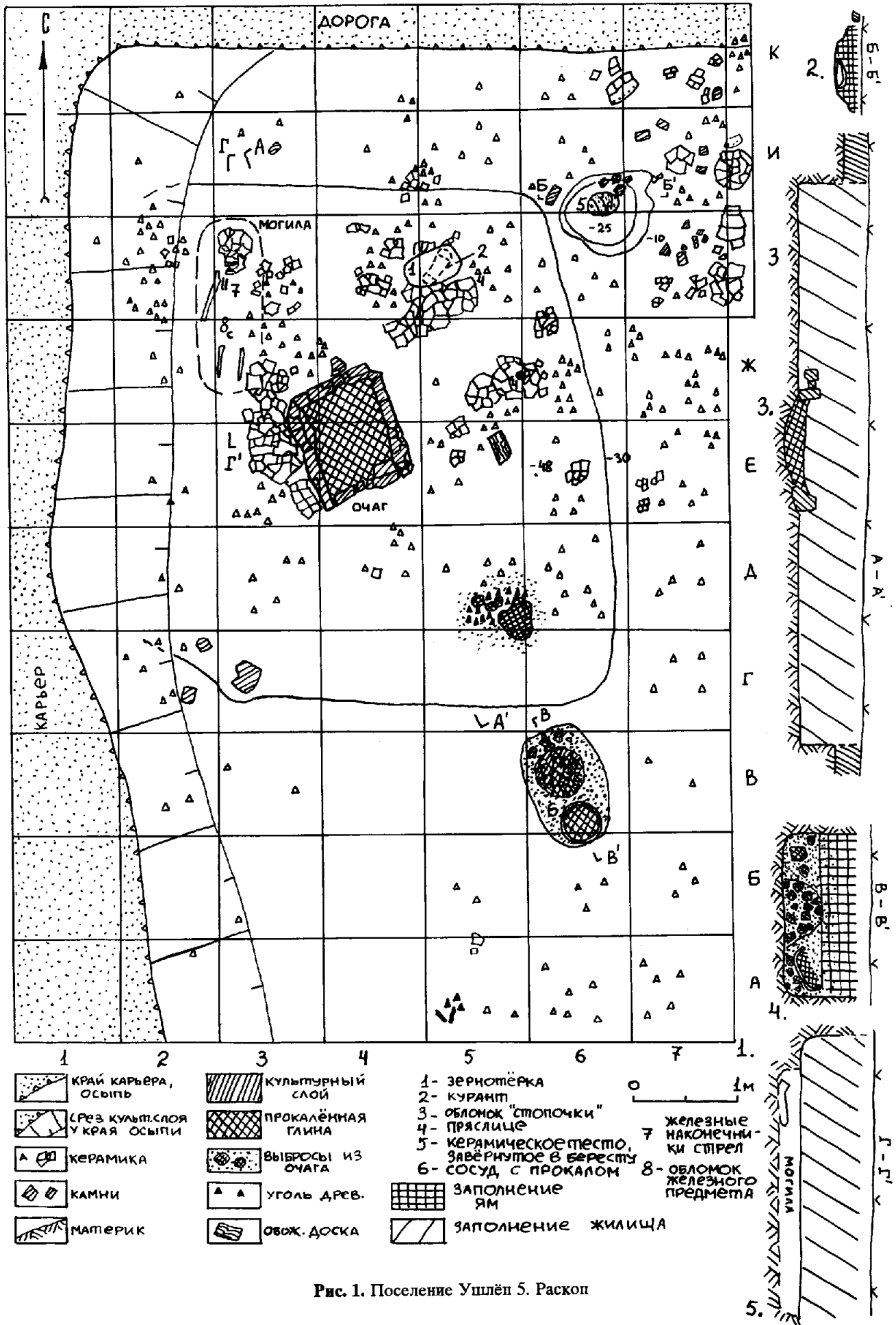

Рис. 1. Поселение Ушлёп 5. Раскоп

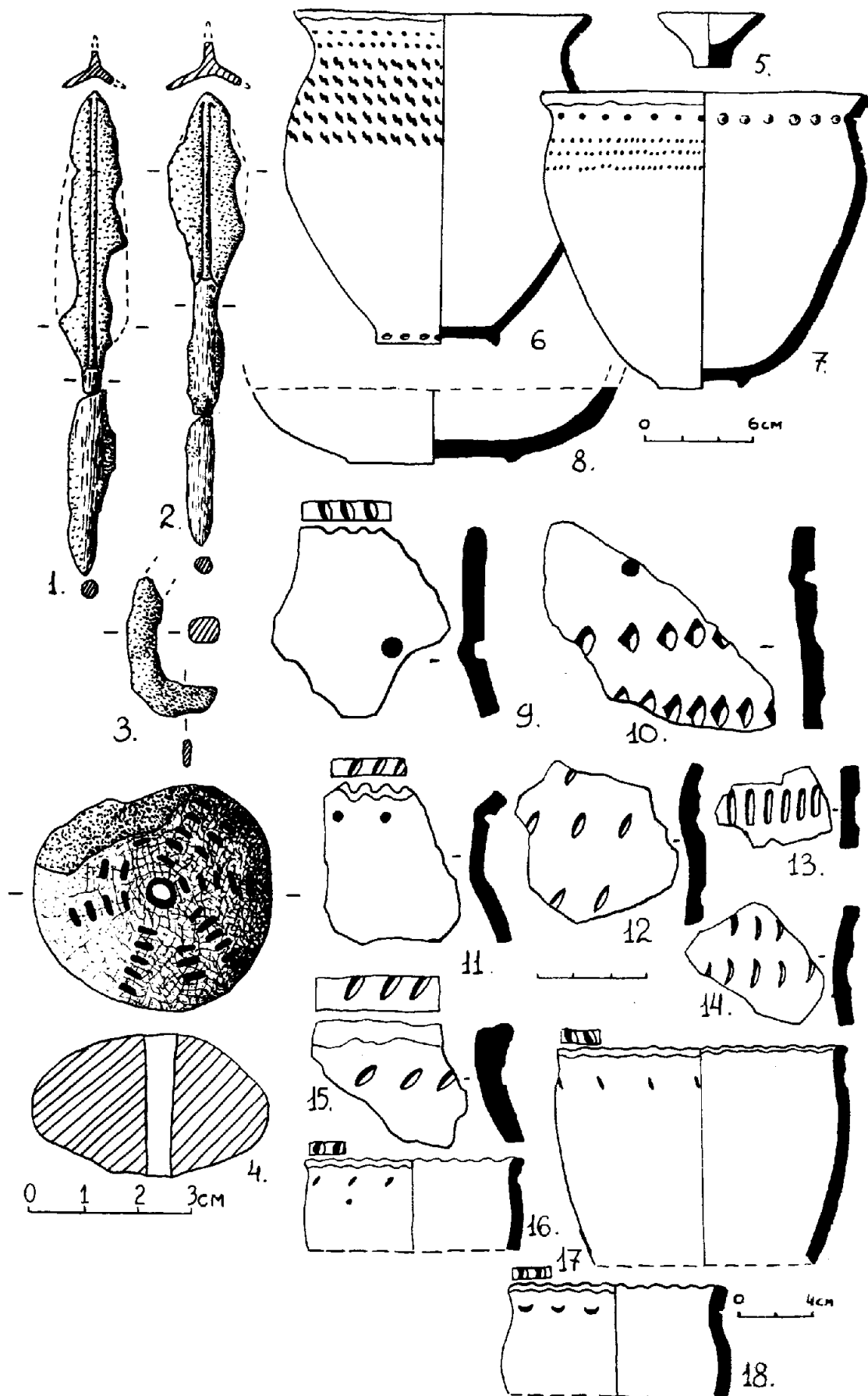

Рис. 2. Поселение Ушлѣп 5. Вещи из могилы (1-3), пряслице (4), керамика

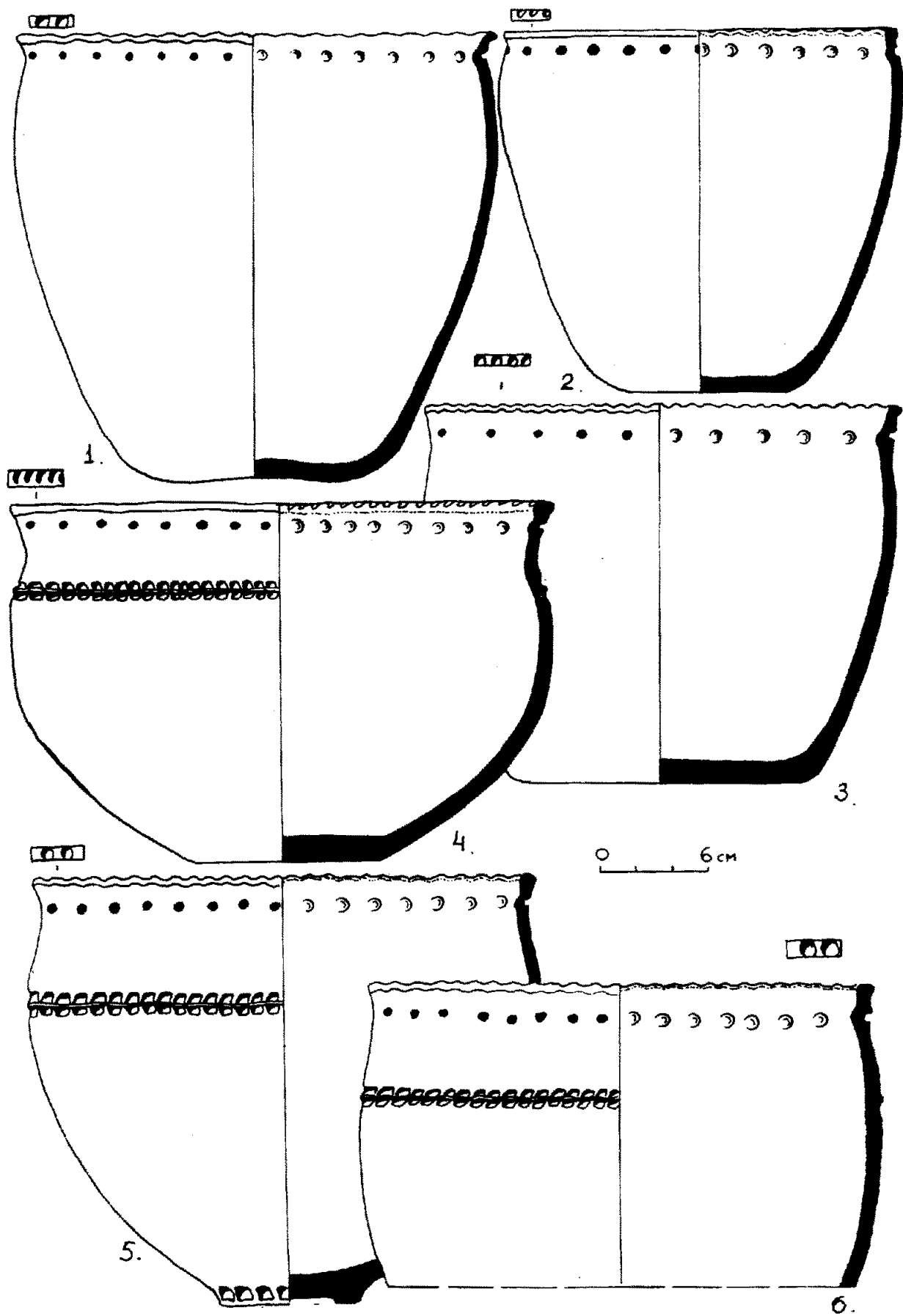

Рис. 3. Поселение Ушлёт 5. Керамика

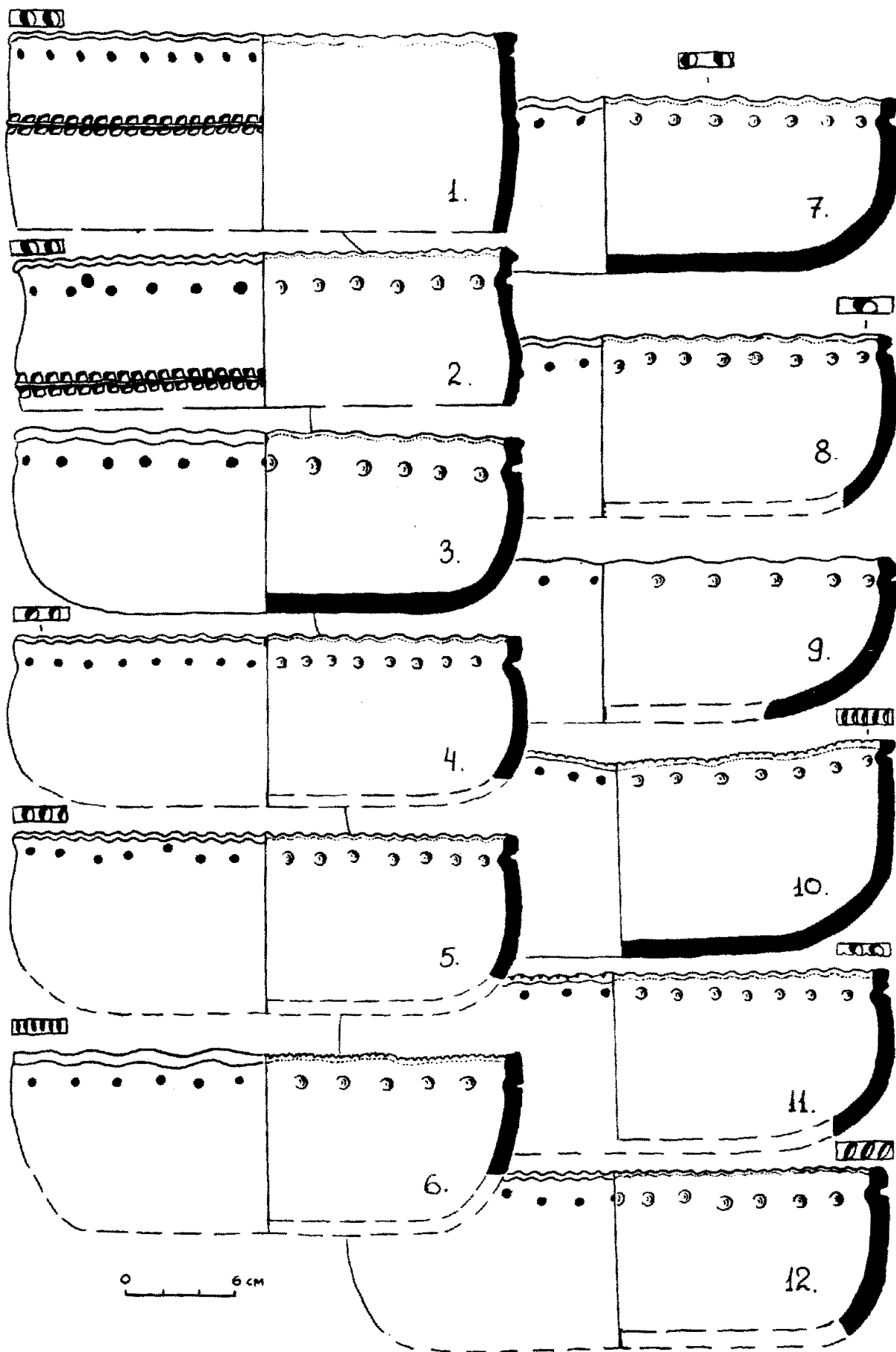

Рис. 4. Поселение Ушлѣп 5. Керамика

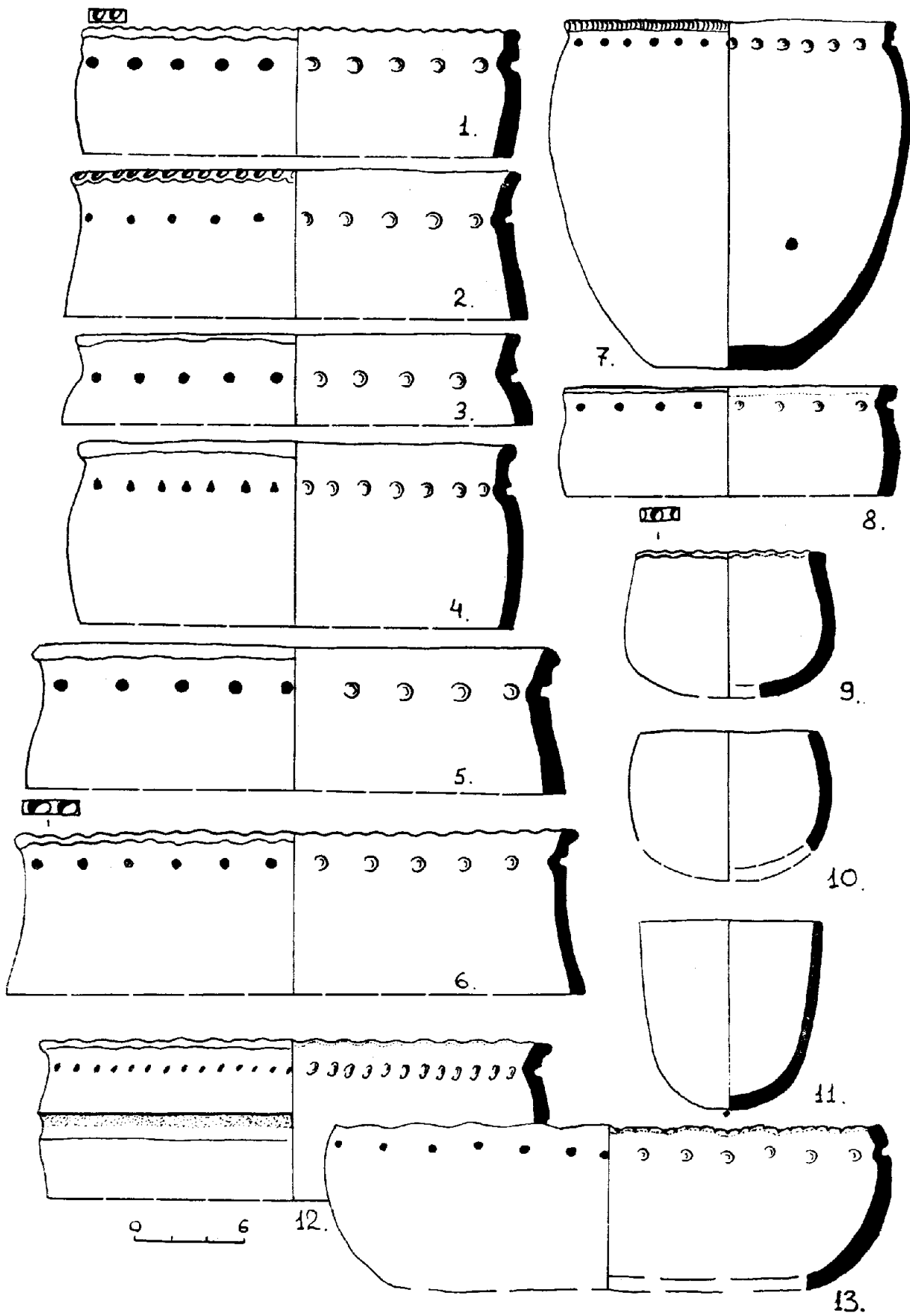

Рис. 5. Поселение Ушлѐп 5. Керамика

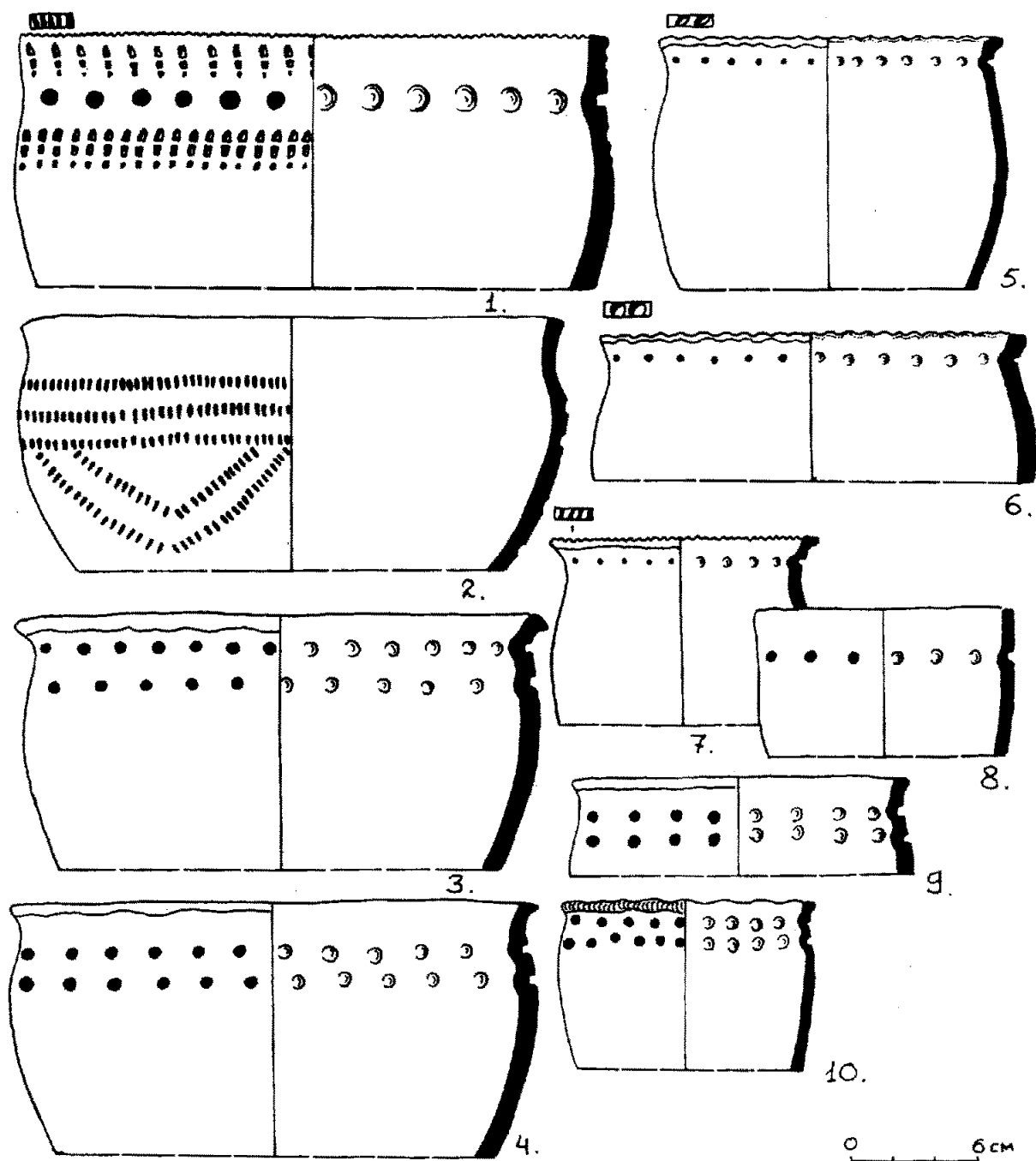

Рис. 6. Поселение Ушлѣп 5. Керамика

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. М. Малолетко, А. Ю. Татаров</i> ПЕЩЕРА ВЕРХНЕГО КАРСТОВОГО ЯРУСА У С. ЧЕРНЫЙ АНУЙ (АЛТАЙ)	2
<i>А. Л. Кунгуров, В. С. Удодов</i> МИКРОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КУЛУНДЫ	4
<i>В. И. Молодин</i> ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ ТУРОЧАКСКИХ ПИСАНИЦ	4
<i>Ю. Ф. Кирюшин, К. Ю. Кирюшин</i> БОЛЬШЕМЫСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ-II	25
<i>Н. Ю. Кунгурова</i> ШЛИФОВАННЫЕ НОЖИ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ	30
<i>А. В. Гальченко</i> СКОТОВОДЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЫ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ	33
<i>Д. Г. Савинов, Л. И. Рева</i> К ВОПРОСУ О РИТУАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ	45
<i>М. Т. Абдулганеев</i> ПАМЯТНИКИ БИЙСКОГО ЭТАПА В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ	51
<i>Г. Е. Иванов</i> НОВЫЕ НАХОДКИ ОРУЖИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЛЕСО- СТЕПНОМ АЛТАЕ	56
<i>Г. В. Скопинцева</i> НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I тыс. н. э. В ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ	62
<i>Ю. С. Худяков, Л. М. Хаславская</i> КАНОНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ОРНАМЕНТИКЕ ЮЖНОСИБИРСКОЙ ТОРЕВТИКИ	71
<i>Я. В. Егоров</i> НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ВОИНА ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА АЛТАЕ	77
<i>В. В. Горбунов</i> ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК С ОБРЯДОМ КРЕМАЦИИ ТРОИЦКИЙ ЕЛБАН-1	80
<i>А. А. Тишкин</i> АВАРИЙНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ЩЕПЧИХА-1	90
<i>А. Л. Кунгуров, В. В. Горбунов</i> СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ УШЛЁП-5	99

КУЛЬТУРА ДРЕВНИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Сборник научных статей

Редактор Т. Березикова
Художник Н. Васильева
Верстальщик А. Худяков
Корректор А. Россинская

Подписано в печать 02.02 1994 г. Формат 60x84/8. Бумага для множительных аппаратов. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 12,56. Уч.-изд. л. 18,96. Тираж 300 экз. Заказ 300.

Издательство Алтайского государственного университета: 656099, Барнаул, ул. Димитрова, 66.

В статьях сборника рассматриваются проблемы культуры народов Южной Сибири в древности и средневековье (от эпохи палеолита до начала I тыс. н. э.). На конкретном археологическом материале анализируются вопросы культурогенеза в эпохи бронзового и железного века, искусства, торевтики, военного дела, хозяйства и истории древнейших обитателей региона. Сборник рассчитан на специалистов-историков, археологов, искусствоведов, преподавателей истории, краеведов и студентов.

Редакционная коллегия:

д.и.н. Ю.Ф. КИРЮШИН, к.и.н. А.Л. КУНГУРОВ, отв. редакторы; чл.-корр. РАН В. И.МОЛОДИН, к.и.н. А.Б. ШАМШИН

Рецензенты:

кафедра истории Отечества Барнаульского государственного педагогического института; д. и. н. В. Т. ПЕТРИН (Институт археологии и этнографии СО РАН)